

КРИСТИН ХАРМЕЛЬ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «ЗАБВЕНИЕ ПАХНЕТ КОРИЦЕЙ»

ЖЕНА
ВИНОДЕЛА

О любви и предательстве, прощении и искуплении... Захватывающе.

Library Journal

Annotation

Три молодые женщины... две во Франции в мрачные дни немецкой оккупации, одна в сегодняшней Америке... и давняя тайна, которая их связывает, – в новой книге о любви и предательстве, прощении и искуплении автора всемирных бестселлеров «Забвение пахнет корицей» и «Жизнь, которая не стала моей» Кристин Хармель.

- [Кристин Хармель](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Эпилог](#)
- [От автора](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)

- [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
-

Кристин Хармель

Жена винодела

Copyright © 2019 by Kristin Harmel Lietz

Published in the Russian language by arrangement with *Nova Littera SIA*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2021

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2021.

* * *

Джейсону и Ноа.

Вы снова и снова учите меня тому, что такое настоящая любовь.

...было бы недопустимо, даже невозможно, чтобы такое количество смертей и разрушений, такая жертвенность не привели человечество к всеобщему великому прогрессу^[1].

Генерал Шарль де Голь, лидер французского Сопротивления. О значении Второй мировой войны

Глава 1

Май 1940

Инес

Дорога на юго-запад от Реймса, по которой мчалась Инес Шово, вилась над пышными виноградниками Шампани. Сверкающий черный ситроен взметал клубы пыли, а ветер яростно трепал каштановые волосы Инес. Стоял май, и лозы уже пробуждались, почки, как крошечные кулачки, тянулись к солнцу. Через несколько недель виноградники зацветут, и к сентябрю грозди – бледно-зеленого «шардоне», чернильного «пино-менье», подернутого сизым налетом «пино-нуар» – нальются и созреют.

Но увидит ли это Инес? А остальные? Она поежилась, тормозя на повороте к дому. Двигатель возмущенно зарычал. Мишель наверняка попрекнет ее, что опять она ездит слишком быстро, слишком опрометчиво, – сам он всегда такой осторожный.

Они поженились в прошлом июне, и с того момента Инес не могла вспомнить ни дня, когда бы Мишель ее в чем-нибудь мягко не упрекнул. *Я*, – говорил он, – *просто присматриваю за тобой, Инес. Это то, что должен делать муж.* В последнее время Мишеля все больше тревожили немцы, которые засели прямо за линией Мажино – сплошной цепью укреплений, выстроенной вдоль границы для защиты Франции от хаоса, охватившего остальную Европу. *Мы, заставшие Великую войну, понимаем, что немцы – это серьезно*, – повторял он каждый день, хотя ему было всего четыре, когда отгремели последние бои и немцы оставили департамент Марну, успев сровнять с землей большую часть города Реймс.

Инес, которая была моложе Мишеля на шесть лет, в 1918 году еще не родилась. Но отец много говорил о войне, особенно выпив, и при этом стучал кулаком по столу, так что Инес опасно отходила в сторону.

Бошам верить нельзя! Никогда! – Инес до сих пор слышала его низкий, хрипловатый голос, хотя отец умер много лет назад. – *Они*

прикидываются друзьями Франции, но верить им могут только дураки.

Нет, душой Инес не была. И теперь сообщит такую весть, которая переменит все. Ненадолго ее охватило легкое торжество, но, едва въехав в Виль-Домманж, она устыдилась своей мелочности: молчаливо возвышающаяся над деревней мрачная семисотлетняя часовня Сен-Лиэ, казалось, глядела с упреком. Ведь речь не о том, кто прав, а кто нет, – о войне. О смерти. О крови молодых парней, уже пропитавшей собой землю в лесах на северо-востоке. Обо всем, что предсказывал ее муж.

Инес проехала через ворота, резко затормозила перед двухэтажным каменным шато, выскочила из машины и помчалась к двери, ведущей в обширную сеть подземных погребов.

– Мишель! – закричала она, сбегая вниз по каменной лестнице. Сырой прохладный воздух плеснул ей в лицо, как вода из ведра. – Мишель! – Ее голос эхом отозвался в запутанном лабиринте коридоров, которые три четверти века назад проложил в меловой толще эксцентричный прадед ее мужа. Вдоль каждого лежали на боку тысячи бутылок шампанского, ожидая часа, когда бесчисленные пузырьки устремятся наверх.

– Инес? – откликнулся откуда-то из глубины встревоженный голос Мишеля. Послышались шаги, и из-за угла появился Мишель, а за ним Тео Лоран, *chef de cave*, главный винодел «Мезон-Шово». – Дорогая, что случилось? – Мишель бросился к Инес, положил руки ей на плечи, вглядываясь в лицо: – С тобой все в порядке, Инес?

– Нет. – Только сейчас она заметила, как тяжело дышит от тревожных новостей, быстрой езды и стремительного спуска в холодный подвал. – Нет, Мишель. Ничего не в порядке.

– Что случилось? – спросил он.

Тео, невозмутимый, как всегда, молча смотрел на Инес.

– Началось, – только и сумела она выговорить. – Вторжение, Мишель. Немцы идут!

В сыром воздухе повисла тяжелая тишина. Сколько времени пройдет, прежде чем тишину подвалов нарушит стук сапог, печатающих строевой шаг? Прежде чем все, что они построили, окажется под угрозой и, возможно, будет разрушено?

– Ну, что же, – сказал, наконец, Мишель. – Думаю, довольно прятать шампанское.

Глава 2

Июнь 2019

Лив

Левая кисть стала точно голая. Именно это ощущала Лив Кент, глядя на свой палец, на котором прежде, последние двенадцать лет красовалось обручальное кольцо. И хотя Лив сняла его три месяца назад, через пять недель после того, как Эрик объявил, что уходит и хотел бы поскорее завершить все формальности, но временами снова поражалась отсутствию предмета, который, как ей казалось, будет при ней всегда. Впрочем, она так думала и о многих других вещах.

– Спасибо, что ты так сдержанно реагируешь, – сказал Эрик, внося в ее маленькую двухкомнатную квартирку последнюю коробку с их общими вещами.

Лив переехала сюда, расставшись с Эриком, и ей было странно, что он здесь, что помогает заполнить пространство, которое никогда не будет ему принадлежать. Одна ее часть хотела крикнуть ему, чтобы убирался вон, а другая, за которую было ужасно стыдно, – просить его остаться. Их брак распался настолько стремительно, что, казалось, земля разверзлась у нее под ногами.

– Сдержанно? – повторила она.

Взгляд Эрика блуждал по квартире, где Лив расставила их когда-то общую мебель, и задержался на выдавшем виды кожаном диване, который теперь утвердился на новом месте. Лив вспомнила, как они его покупали, и подумала, что Эрик тоже вспоминает, как они тогда поругались из-за его дороговизны, а потом вместе упали на новые твердокаменные подушки и помирились, потные и утонувшие друг в друге. Хотя с тем же успехом он мог думать, как здорово начать новую жизнь с чистого листа, без вещей из общего с Лив прошлого.

Эрик вновь посмотрел на Лив.

– Я просто хочу сказать, что знаю, как нелегко это тебе далось. – Он мрачно изобразил сочувствие, что вызвало у Лив раздражение, – все лучше, чем горе, которое бушевало внутри, как смерч, с самого

утра, когда они подписали документы о разводе. – Мне правда жаль, что все так обернулось, Лив, но мы просто стремились к разному.

В ответ Лив сумела выдать лишь неопределенное «м-м-м».

– Я хочу для тебя только самого лучшего. Ты ведь это знаешь, да? Я всегда буду о тебе заботиться.

– Правда, чуть-чуть меньше, чем о себе, – не сдержалась Лив. – Или о своей новой подружке.

– Лив, не сердись. – Эрик вздохнул, поставил коробку на пол и отряхнул руки. – Мне хочется верить, что когда-нибудь мы даже сможем быть друзьями.

Лив фыркнула, и лоб Эрика собрался в раздраженные складки. Старательно подобранная сочувственная мина не продержалась и мига, открыв того человека, который за ней прятался, того, кто, что бы между ними ни случилось, неизменно винил в этом Лив. Она мечтала о ребенке, о счастливой семье, и Эрик, казалось, тоже этого хотел. Но через год с чем-то, после череды разочарований, у Лив обнаружили первичную недостаточность яичников. Они сделали три попытки ЭКО донорских яйцеклеток, а потом Эрик внезапно объявил, что с него хватит, – и попыток зачать ребенка, и вечно печальной Лив, и этого брака. Как выяснилось, он тогда уже встречался с двадцатичетырехлетней коллегой по имени Анемон. Они вместе работали в ресторанах Бергмана: Эрик менеджером, Анемон – помощницей по административным вопросам.

– Друзьями? – отозвалась Лив. – Ну, да. Может быть, назначим день и будем раз в неделю ужинать все втроем – ты, я и твоя подружка? Так уютно.

– Лив, понимаю, ты сердишься. Но Анемон не виновата, просто мы с тобой переросли друг друга. Все равно нам не судьба оставаться дальше вместе.

– А тебе судьба уйти к миллениалке-веганке, которую родители-хиппи назвали в честь медузы?

– На самом деле морские анемоны – это актинии, – поправил Эрик, стараясь не встречаться глазами с Лив. – Что тут скажешь? – Он с преувеличенной беспомощностью пожал плечами. – Она меня принимает.

– Принимает – а за кого? За ходячий штамп? За воплощение кризиса среднего возраста? За человека, которому и она когда-нибудь

станет неудобна, как я сейчас? И тогда ты тоже пообещаешь о ней позаботиться?

Эрик вздохнул. В его глазах читалась жалость, и это еще больше злило Лив.

– Признайся честно, Лив. Разве ты еще любила меня, когда мы расстались?

Она не ответила. Как ему объяснить, что, если бы он дал ей шанс, она любила бы его вечно? Так, как поклялась в день свадьбы. Да, под конец ей в нем многое не нравилось, но Лив была готова переступить через себя, чтобы они снова стали единым целым, как когда-то. Ее родителям этого не удалось: отец умер, когда она была совсем маленькой, а мать с тех пор крутила роман за романом. Лив дала себе слово, что свою жизнь построит иначе, – но, быть может, мы обречены, даже сознавая ошибки предков, все равно их повторять.

На самом деле Эрик, похоже, прав. Они не пара. Может, никогда ею и не были. Пожалуй, для них и правда лучше расстаться и дальше каждому идти своей дорогой. Но Лив не покидало чувство, что Эрик предал ее именно тогда, когда она сильнее всего в нем нуждалась.

Молчание затянулось, и Эрик заговорил снова:

– Что ты собираешься делать? Думаешь вернуться на работу? Если нужно рекомендательное письмо, скажи, я сделаю.

Лив закусила губу, почти ненавидя его за этот жалостливый взгляд. Не сам ли он год назад предложил ей уволиться с поста вице-президента по маркетингу в «Бергмане», где они познакомились пятнадцатью годами раньше. Полтора десятилетия они работали бок о бок, параллельно поднимаясь по карьерной лестнице, он – как финансист, она – как маркетолог. Идеальная звездная пара. Была.

Послушай, – сказал он в прошлом июне, – *после того как мы в третий раз сделаем ЭКО, может, тебе остаться дома и целиком сосредоточиться на этом? Ты ведь все равно захочешь взять отпуск по уходу за ребенком, когда он появится?* Она согласилась, хоть и скрепя сердце, но теперь видела, что совершила ошибку. Эрик сделал первый шаг к тому, чтобы вытолкать ее за дверь ее собственной жизни. В итоге, когда все рухнуло, у нее не осталось ничего – ни ребенка, ни мужа, ни работы, ни сбережений. Ни единой опоры.

– Подумаю, – пробормотала она.

– Во всяком случае, у тебя есть бабушка. – Губы Эрика дернулись. – Она же тебе наверняка помогает, я прав?

– Она очень щедрая, – сухо сказала Лив. – И, думаю, понимает, что дала мне плохой совет.

Бабушка Эдит – эксцентричная богачка, мать ее отца, жившая в Париже, – настояла на брачном контракте для Лив, по условиям которого при расторжении брака ни один из супругов не имел прав на имущество, возникшее у другого. Целью этого, очевидно, было помешать Эрику в будущем завладеть наследством Лив, но, поскольку бабушка Эдит находилась в добром здравии, а доходы Эрика исчислялись шестизначными цифрами, в то время как Лив сидела без работы, документ теперь казался безумной ошибкой. По крайней мере, бабушка Эдит предложила внучке заплатить за квартиру, пока та будет разбираться, как ей жить дальше, но Эрику не следовало лишний раз об этом упоминать – Лив и так чувствовала себя виноватой, что взяла деньги.

– А тогда была совершенно уверена, что так и надо. – Эрик хмыкнул. – Ладно, Лив, мне пора назад в офис. Но если тебе что-нибудь понадобится, дай знать, ладно? Думаю, мы еще увидимся.

Он не ждал ответа и вышел не оглянувшись. Закрывая за ним дверь, Лив почувствовала, что наконец закрывает за собой прошлое и делает шаг в неизвестность.

Спустя час Лив все-таки набралась смелости, чтобы открыть последнюю из коробок, привезенных Эриком. Когда она разрешила ленту, подняла клапаны и поняла, что там, это было как удар под дых. Внутри лежал их свадебный альбом и две коробки из-под обуви, заполненные фотографиями из их совместной жизни, – фотографиями, которые для Эрика, очевидно, больше ничего не значили. Она пролиستала верхние – медовый месяц, пляж на Мауи, они с Эриком, сияющие, с коктейлями в кокосовых скорлупках в руках, смотрят друг на друга, – и, сунув их обратно в коробку, отошла прочь, как будто само нахождение рядом с этими снимками было мучительно.

И тут раздался резкий стук в дверь. Лив подняла голову. Она никого не ожидала, а свой новый адрес дала очень немногим. Все ее друзья тоже работали в «Бергмане» и, после того как она в прошлом году уволилась, перестали выходить на связь. Что дополнительно усилило у Лив ощущение, что она вычеркнута из собственной жизни.

Неужели Эрик вернулся, чтобы избавиться от еще одной коробки воспоминаний? Лив решила не подходить к двери, не хотелось снова с ним встречаться, но стук повторился, еще громче и настойчивее.

Когда она встала и заглянула в глазок, то пришлось несколько раз сморгнуть. В тускло освещенном холле стояла ее бодренькая девяностодевятiletняя бабушка с тщательно уложенными в пучок белоснежными волосами, в элегантном сером твидовом жакете от Шанель и безупречно отутюженных черных брюках.

– Бабушка Эдит? – Все еще не веря своим глазам, Лив открыла дверь.

– Что такое, Оливия, что я вижу! – Старуха поджала губы, ее тонкие брови нахмурились. – Право, как ты одеваешься без моего присмотра? – Колкость, завернутая в бабушкин мягкий французский акцент, прозвучала почти как комплимент. – Неужели я ничему тебя не научила?

– Э-э, ты так неожиданно. – Лив покосилась на свои рваные джинсы и заношенный свитшот, в которые она переделалась после ухода Эрика: идеальная одежда, чтобы хандрить в одиночестве. – Я *должна* была тебя ждать?

– Так я же здесь, верно?

– Но... что ты делаешь в Нью-Йорке?

Последний раз Лив разговаривала с бабушкой Эдит всего три дня назад: бабушка настоятельно требовала сообщить ей, какого числа они расторгнут брак, но ни словом не обмолвилась, что едет в Нью-Йорк. Хотя трансатлантический перелет, особенно учитывая бабушкин возраст, определенно заслуживал хотя бы упоминания.

– Я приехала за тобой, разумеется. Ты собираешься меня впустить? Мне до смерти хочется мартини. И не смей говорить, что у тебя кончился джин, – или ты мне больше не внучка.

– Ну нет, – сказала Лив. – То есть да. У меня есть джин. – Она осторожно посторонилась, пропуская бабушку, и та величаво прошествовала в квартиру. Отчего они с ней никогда не обнимутся, как нормальные люди?

– *D'accord*^[2], – бросила бабушка через плечо. – А оливки с голубым сыром найдутся?

Лив прошла за ней внутрь, заперла дверь и только тогда заметила, что у бабушки при себе только знакомая сумка «Келли».

– Бабушка Эдит, а где твой багаж?

– Или, в крайнем случае, оливки с чесноком. – Вопрос Лив остался без ответа.

– Э-э, по-моему, у меня только обычные.

Бабушка Эдит поворчала, устраиваясь на диване в гостиной Лив, но, похоже, смирилась, и Лив молча приготовила напиток. Это была ее обязанность с девяти лет. Влить изрядную дозу джина, плеснуть чуть-чуть сухого вермута, добавить несколько капель рассола из-под оливок, встряхнуть со льдом и процедить.

– Оливия, – заметила вместо благодарности бабушка Эдит, получая свой мартини, – тебе следовало предварительно охладить бокал. – А сама не выпьешь?

– Сейчас два часа дня, бабушка. И я все еще пытаюсь сообразить, что ты здесь делаешь.

– Что ты, правда, такая взвинченная? – Бабушка покачала головой и сделала долгий глоток. – Но так и быть. Если тебе непременно надо знать, то я здесь потому, что сегодня – день, в который ты официально освободилась от этого невыносимого *salaud*^[3]. Мне очень неприятно это говорить, но...

– Так ты приехала позлорадствовать?

Бабушка Эдит сделала еще глоток мартини, и Лив заметила, что бабушкина рука дрожит.

– Ни в коем случае. Я приехала, чтобы помочь тебе упаковать чемоданы.

– Чемоданы?

С театральным вздохом бабушка поднялась с дивана и кивком головы указала Лив на спальню.

– Давай же, мы уже опаздываем.

– Куда опаздываем?

– На наш рейс.

Лив оторопело уставилась на нее.

– Хватит страдать, Оливия. Наш самолет вылетает через четыре с половиной часа, а ты ведь знаешь службу безопасности в аэропорту Кеннеди.

– Бабушка Эдит, о чем ты?

– Поспеши, дорогая. – Бабушка Эдит, закатив глаза, допила остаток мартини. – Конечно же, мы летим в Париж.

Глава 3

Май 1940

Инес

В подземельях поместья Шово было темно и сыро. Кирпичные стены с арочными сводами, врезанные в мягкий мел и известняк, впитывали влагу с тех самых пор, как прадед Мишеля начал строить их семь десятилетий назад, и создавали идеальный микроклимат для дремлющих в нем, дозревая до подлинного великолепия, бутылок с шампанским.

Историю поместья Мишель поведал Инес полтора года назад, когда только начал за ней ухаживать. Шово были *vignerons*, виноградарями с шестнадцатого века, но только в начале 1800-х годов предки Мишеля стали подумывать о том, чтобы производить собственное вино. Крупные винодельни в соседних Реймсе и Эперне и в коммуне Аи делали на шампанском целые состояния, а сами виноградари жили в бедности, как соседские крестьяне.

В 1839 году прапрадед Мишеля женился на дочери текстильного магната, и у него наконец-то появились деньги на покупку оборудования и расходных материалов. Но дело продвигалось медленно и почти застопорилось, когда эксцентричным прадедом Мишеля овладела идея проложить под поместьем сеть погребов-туннелей, способную соперничать с крайерами – меловыми подземельями великих домов Реймса. Туннели, которые он строил начиная с 1870-х годов, образовали такую извилистую и сложную сеть, что в первую свою неделю в «Мезон-Шово» Инес там заблудилась и провела под землей несколько ужасных часов. Когда Мишель нашел ее, уже совсем стемнело.

– Погребов тянутся на много километров, и в них легко заблудиться, – сказал он всхлипывающей Инес, выводя ее на вечерний воздух. – Не волнуйся, дорогая. Ты всему научишься.

Сам Мишель, конечно, знал все хитросплетения этого лабиринта назубок. Мальчиком он играл в извилистых коридорах в прятки, вырезал свое имя на меловых участках стен рядом с именами предков,

а во время Великой войны вместе со старшими находил под землей убежище от рвавшихся наверху снарядов.

А Инес и через год после того жуткого случая чувствовала себя уютно в темных безмолвных подземельях, где, словно тихие маленькие гробики, лежали, тесно прижатые друг к другу, бутылки с созревающим вином. Она так и не привыкла к холоду, царящему тут независимо от времени года, а завывание ветра, которое иногда слышалось у главного входа, наводило на мысли о призраках и волках из сказок.

Сказка, как же. Инес остановилась потереть плечи – в них пульсировала боль. В ноябре 1938 года, когда они познакомились с Мишелем, обоим казалось, что они идеально подходят друг другу: он был очарован ее юностью и оптимизмом, она восхищалась его основательностью, рассудительностью и тем, что он делает шампанское, известное всей Франции. Прямо сказочные принц и принцесса. Кто бы мог подумать, что всего через семнадцать месяцев ей придется надеть рабочие сапоги и перетаскивать двадцатикилограммовые ящики с бутылками в тайник для самых ценных вин, который оборудовали во время Великой войны родители Мишеля?

Замаскирован тайник был великолепно. В сентябре, вскоре после того, как Франция объявила войну гитлеровской Германии, Мишель показал это место Инес, и у нее прямо-таки челюсть отвисла: сама бы она ни за что не догадалась, что за сплошной стеной скрыто огромное подземное помещение. Потайная дверь поворачивалась на петлях, спрятанных между кирпичами, и, когда она была закрыта, кладка выглядела так, как будто никто ее не трогал десятки лет, с самого момента постройки. Как и старинная с виду статуя Мадонны перед дверью – на самом деле изготовленная по специальному заказу и легко отодвигавшаяся. Инес сама двигала статую с утра и теперь в одиночку таскала ящики по холодным коридорам.

Руки и спина разболелись, вокруг не было ни души, и Инес вдруг охватили тяжелые предчувствия. Как-то бурной январской ночью, когда они лежали вместе в постели, а ветер за окнами хлестал виноградные лозы, Мишель вдруг сказал, что 1940 год будет для Шампани ужасным, – виноград не уродится, и страшная тень падет на весь регион. Тогда Инес решила, что он просто пессимист, но теперь,

когда немцы перешли французскую границу, ей думалось, что он, как всегда, оказался прав. Она очень уважала интеллект Мишеля, но порой безошибочность его выводов буквально душила ее, не оставляя места для собственных мыслей и мнений.

Со стороны главного входа – узкой каменной лестницы, которая начиналась от деревянной двери, врезанной в каменную стену позади дома, где жили Мишель и Инес, – послышался женский голос.

– Инес? Ты здесь? – Инес на мгновение закрыла глаза. Это была Селин, жена *chef de cave* Тео Лорана. – Мишель сказал, что тебе может понадобиться помощь.

– Да, я здесь! – как можно дружелюбнее крикнула в ответ Инес и принялась чесать левую руку. Это была детская привычка, от которой мать пыталась ее отучить: чесаться некультурно и неженственно, а красные следы от ногтей выглядят просто неприлично. Но Инес все равно не могла удержаться, когда сильно нервничала. – Возвращаюсь в погреб, где у нас двадцать восьмой год остался.

– *C'est bon*^[4]. Пошла туда же. – Послышались удаляющиеся тяжелые шаги: Селин забросила свои туфли еще осенью, когда мужчин Марны призвали в армию, и теперь почти постоянно ходила в рабочих сапогах. Рядом с ней, сильной и уверенной, Инес чувствовала себя неопытной маленькой девочкой, хотя была младше всего на год.

Инес старалась как могла, но, не имея сноровки Селин, то и дело попадала впросак. У нее не было ни дегустаторских способностей, хоть она и пыталась развить свой вкус, ни навыков розлива купажированных вин, ни точности движений и твердости руки, необходимых при обращении с бутылками. Она подозревала, что другие считают ее просто-напросто ленивой, а дело было в нерешительности и неуверенности. Каждый раз, разбив бутылку, Инес теряла толику уверенности и ощущала себя еще более никчемной.

Ирония судьбы, но совсем недавно Мишель сам не хотел, чтобы она работала. Предлагая ей руку и сердце полтора года назад, он сказал, что станет о ней заботиться, а ей ничего не придется делать.

– Но пойми, – пыталась объяснить Инес, – я буду рада помогать.

– Теперь заботиться о тебе – мой долг, – ответил Мишель, нежно обхватив ладонью ее подбородок и глядя ей в глаза. – Тебе не нужно работать.

– Но...

Мишель не дал ей договорить:

– Пожалуйста, дорогая, позволь мне сделать так. Мой отец никогда не просил мать участвовать в производстве шампанского, и я точно так же не хочу просить тебя. Ты будешь хозяйкой дома.

Но в сентябре была объявлена война, работников призвали на фронт и настроение Мишеля стало постепенно меняться. Сначала он, бормоча извинения, поручал Инес разные мелочи, на что она всякий раз давала понять, что все в порядке, она готова помочь. По мере того как осень сменялась зимой, нехватка работников сказывалась все сильнее, и Мишель все чаще умолял жену взять на себя очередные обязанности. Инес старалась изо всех сил, но многого не умела, а чтобы научиться, требовалось время. И чем дальше, тем отчетливее чувствовала растущее разочарование мужа.

Из-за угла показалась Селин, и Инес изобразила улыбку. Даже в линялых брюках и заляпанных грязью сапогах Селин выглядела великолепно. Глупо, но Инес это почему-то раздражало. Присмотревшись, она заметила, несмотря на темноту, что глаза у Селин покраснели.

– С вами все в порядке? – спросила Инес.

Селин поспешно наклонила голову, спрятав лицо за завесой длинных каштановых волос.

– Да, просто замечательно.

– Вы плакали. – Инес знала, что это звучит бестактно, но ведь нечестно делать вид, что все в порядке, когда мир буквально рушится. За год, что Инес была замужем за Мишелем, женщины так и не подружились, хотя Инес и пыталась. С лица Селин, спокойной и серьезной, не сходило хмурое выражение, а Инес во всем искала светлую сторону. Через месяц после переезда в «Мезон-Шово» она услышала, как Селин шепнула Тео, до чего ее допекает вечная и безосновательная жизнерадостность Инес. После этого по крайней мере стало понятно, почему Селин кидает на нее такие сердитые взгляды.

Селин прерывисто вздохнула:

– Да, да, Инес, я беспокоюсь о своих родных.

– О, – Инес растерялась. – Но, мне кажется, с ними все обойдется. Я уверена, что немцы не тронут мирных жителей.

Из горла Селин вырвался странный звук, не то смех, не то рыдание.

– Инес, неужели вы забыли, что они евреи?

– Да, да, конечно. – Честно говоря, Инес об этом не слишком задумывалась. Несколько раз за последние месяцы тема всплывала в разговорах, когда приходили новости об облавах на евреев в Германии, но не более того. Инес знала, что отец Селин – из еврейской семьи, мать, умершая два года назад, – католичка, а религиозным воспитанием дочери они особо не занимались. – Но не надо так тревожиться. В конце концов, это Франция.

Селин долго молчала, но, когда Инес уже решила, что ответа не будет, сказала:

– Вы правда думаете, что под властью немцев это будет хоть что-то значить?

Ну зачем смотреть на все как на конец света? Инес закусила губу, потом уверенно произнесла:

– До сих пор в новостях еще не было ни слова о том, что здесь что-то происходит с евреями. Увидите, все обойдется.

– Верно, – коротко ответила Селин и отвернулась.

Инес посмотрела, как она нагибается, поднимает с пола ящик шампанского 1928 года и, тяжело ступая, уходит с ним по коридору в сторону тайника, взяла свой ящик и поспешила за ней. Мышцы жгло от непривычной нагрузки.

– Вы ведь из-под Дижона?

– Да, из Нью-Сен-Жоржа, это совсем рядом, почти строго на юг.

– Значит, ваши отец и его родители дальше от немцев, чем мы. – Инес помнила, что Дижон примерно на триста километров южнее Шампани. – И, может быть, они уже движутся на юг. – Мишель недавно рассказывал, что тысячи беженцев запрудили дороги, спасаясь от приближающихся немцев.

– Нет. – Селин, не глядя на Инес, поставила ящик на каменный пол тайника. – Отец управляет винодельней, а почти всех работников услали на фронт, и он понял, что не может бросить хозяина, который всегда очень хорошо к нему относился. Дед с бабкой решили остаться с ним.

– Наверняка все обойдется.

– Наверняка обойдется, – повторила Селин, но в ее интонации слышались горечь и страх, поэтому Инес замолчала и вернулась к бутылкам.

Она и сама беспокоилась бы о своих родственниках, если бы не осиротела в шестнадцать лет: отец умер от инсульта, а спустя два месяца от сердечного приступа скончалась мать. Ни братьев и сестер, ни другой родни у Инес не было; она оказалась совершенно одна. К счастью, девочку взяла к себе семья ее закадычной подруги Эдит, и она вновь обрела дом, а в начале 1938 года покинула родной Лилль, где больше ничто ее не держало, и последовала за Эдит в Шампань.

Эдит тогда влюбилась в молодого ресторатора по имени Эдуар Тьерри, который унаследовал семейную brasserie в Реймсе. Инес, опечаленная неизбежным, как ей казалось, расставанием с Эдит, негодовала на Эдуара, но Эдуар после скромной свадебной церемонии под барочным куполом церкви Сент-Мари-Мадлен в Старом Лилле, когда она вытирала слезы, предложил ей переехать и поселиться вместе с ним и Эдит в его большой квартире, расположенной прямо над ресторанным залом. *Вы, – торжественно произнес он, – ее лучшая подруга. Конечно, оставайтесь с нами сколько пожелаете.*

Инес была поражена и тронута до глубины души. Поначалу ей не верилось, что Эдуар действительно хочет видеть ее в своем доме, но он показал себя исключительно радушным хозяином, старался со всеми перезнакомить, а иногда даже спрашивал ее мнения о политике. Время от времени Инес помогала Эдуару за стойкой, так что у нее появился и небольшой заработок. А когда холодным осенним вечером 1938 года Эдуар пригласил отобедать у них своего давнего друга Мишеля Шово, объявив, что он *очень* подходящий холостяк, Инес показалось, это судьба.

– Ой, Мишель такой красавец! – воскликнула, хлопая в ладоши, Эдит, когда Эдуар пошел проводить гостя и женщины остались вдвоем. – Правда, Инес?

Инес улыбнулась, ее сердце все еще трепетало:

– Ты заметила, какие у него глаза?

Глаза у Мишеля были пронзительно-синие, такие, что видят тебя насквозь. Он был высокий, плотный, светловолосый, с резкими чертами лица; чуть старомодный костюм сидел на нем великолепно.

– Глаза? – Эдит рассмеялась. – Я, дорогая моя подруга, заметила только одно: что весь вечер эти глаза смотрели только на тебя. Да и как он мог устоять? Ты же красавица! – Эдит обладала даром вселять оптимизм. Когда подруге бывало плохо, она всегда находила способ поднять настроение. – И он владелец «Мезон-Шово», представляешь? – При этих словах Эдит многозначительно подняла брови.

– А держался так скромно, – сказала Инес. Мишель принес с собой три бутылки шампанского во льду из винограда трех разных сортов с собственных виноградников, но деликатно отклонял все вопросы Инес о его винодельческой империи и всякий раз переводил разговор на нее саму. Расспрашивал ее о жизни в Лилле, о дружбе с Эдит, интересовался, успела ли она уже попутешествовать по Шампани.

Позже подруги пришли к выводу, что Мишель таким способом просил Инес о свидании. Он, как и Эдуар, был на несколько лет старше Эдит и Инес и тоже намного серьезнее. Инес объясняла это тем, что обоим мужчинам пришлось рано, в возрасте чуть за двадцать, принять семейное дело, а с ним – ответственность, размер которой она с трудом могла представить.

– Я пока ни разу не выезжала из Реймса, – ответила она Мишелю, – и с удовольствием взглянула бы на окрестности.

– Правда? – Мишель улыбнулся, и внутри у Инес все затрепетало. На следующей неделе он позвонил, а к весне они были помолвлены и в начале мая поженились. Причин медлить не было: у Мишеля, как и у Инес, не оставалось в живых никого из близких родственников.

Дальнейшая жизнь рисовалась Инес лучезарной. Она – молодая жена владельца престижного дома шампанских вин! Ей предстоит жить среди холмов, покрытых виноградниками, и каждый вечер пить игристое вино!

Однако действительность оказалась иной. После того как свадьба была сыграна, супруги редко выбирались в Реймс. Живописный пейзаж довольно скоро сделался для Инес обыденным, да и бутылка, которую они регулярно откупоривали к ужину, перестала ощущаться как праздник.

Но хуже всего было то, что, уехав из Реймса, Инес лишилась возможности ежедневно болтать с Эдит или даже участвовать в

беседах с Эдуаром. Мишель даже во время своего недолгого ухода за ней не отличался большой разговорчивостью, а сейчас сделался еще серьезнее и еще глубже погрузился в дела. Зачастую их совместные трапезы проходили в полном молчании, потому что Мишель размышлял о производственном графике или отношениях с владельцами виноградников, а обсуждать эти вопросы с Инес категорически не хотел.

Инес надеялась, что они с Мишелем будут ездить в Реймс в гости к друзьям, но, хотя город находился от Виль-Домманжа в каких-нибудь сорока минутах езды на автомобиле, он с таким же успехом мог находиться в другой стране. Бóльшую часть дней Мишель был занят от зари до зари, а отпускать Инес одну на машине не любил. По сути, она оказалась заперта в доме, который не ощущала своим.

Конечно, уже при первом посещении «Мезон-Шово» Инес познакомилась с могучим темноволосым Тео и его женой, элегантной и сильной Селин, но подружиться с ними, как она надеялась, ей не удалось. Тео, погруженный в работу, мог вообще не показываться неделями, а Селин была такой же серьезной и немногословной, как Мишель. И при попытках Инес поделиться с ней новостями или сплетнями из города еще больше замыкалась.

Теперь, когда на горизонте гроыхала война, Инес особенно остро ощущала свою оторванность от всех. В глубине погребов ей и Селин следовало бы поделиться друг с другом своими страхами перед надвигающимся будущим. Но женщины работали молча: тишину нарушали только их шаги да тихий звук, с которым ящики опускались на новое место.

Глава 4

Июнь 1940

Селин

Через несколько дней после того, как немцы полностью оккупировали Шампань, утром в пятницу Тео с пылающим лицом вбежал во флигель, где жил вместе с Селин.

– Добрались-таки до Виль-Домманжа, – выпалил он. – Немцы. Быстро.

Селин охватил страх. Она понимала, что рано или поздно это произойдет, что немцы, вторгшиеся меньше недели назад, успели уже отметить грабежами в нескольких окрестных городах, но простодушно надеялась, вдруг их деревеньку не заметят. Глупо, конечно, – завоевателей не могли не привлечь темные погреба под холмами, хранящие бесчисленное множество бутылок с прекрасным шампанским. А что, если они явились не только за вином? Вдруг им известно, что Селин наполовину еврейка?

– Мне спрятаться?

– Они не за тобой, – коротко бросил Тео, и его темные брови сдвинулись к переносице. – Такое сейчас во всех винодельнях. Они не тронут нас, пока мы будем делать, как они скажут. Пошли, Селин, нас зовет Мишель.

Селин не могла ответить «нет» – слишком многим они с Тео были обязаны Мишелю. Четыре года назад, когда Тео, только что женившийся на Селин в Нью-Сен-Жорже, предложил услуги главного винодела в «Мезон-Шово», несколько крупных производителей в Реймсе уже отказали ему из-за того, что он учился своему делу не в Шампани, а в Бургундии. А Мишеля «родословная» не волновала. – *Я вижу*, – сказал он, изучив рекомендации Тео и проведя с ним несколько сеансов дегустации и купажирования, – *что вы опытный винодел и сотрудничество с вами сделало бы честь любому дому.*

И Тео был принят. Мишель предложил ему в счет зарплаты поселиться вместе с Селин в домике его предшественника, всего в сорока пяти метрах справа от главного дома. Тео согласился, а новый

хозяин и дальше осыпал супругов Лоран немислимыми щедротами. Он относился к ним как к членам своей семьи, нередко приглашая их на воскресные обеды и даже на праздничные торжества в большом главном доме. Какое-то время Мишель и Тео были почти как братья, но с сентября, с объявления войны, Селин стала замечать, что они постепенно отдаляются друг от друга. Тео пытался делать вид, что ничего не происходит, а Мишель был полон решимости смотреть в глаза будущему, пусть даже пугающему и неопределенному. Селин никогда не сказала бы этого вслух, но понимала, насколько Мишель прав, а ее муж недалновиден.

С колотящимся сердцем и липкими от пота ладонями Селин пригладила волосы и заставила себя улыбнуться. Она собиралась отправиться вместе с Тео на один из ближних виноградников осматривать ранние почки и уже оделась по-рабочему – в сапоги, саржевые брюки и белую хлопчатобумажную блузку на пуговицах. Но виноградник, очевидно, откладывался.

– Очень хорошо, – сказала она Тео. – Идем.

Тео схватил ее за руку, слишком сильно сжав пальцы, и потянул за собой на улицу. По дороге, меньше чем в километре от них, двигался, приближаясь, небольшой караван военных грузовиков, окутанных клубами пыли. В дневной тишине нарастал шум моторов – низкое, монотонное гудение, не сулящее ничего хорошего.

– *Merde*^[5], – пробормотал Тео. – Быстрее, чем я рассчитывал.

И оба ринулись в главный дом. Дверь была уже открыта, прямо за ней стояли с побледневшими лицами Мишель и Инес.

– Что нам делать? – проговорила Инес, как только Тео и Селин перешагнули порог. Непричесанная, с растрепавшимися непокорными каштановыми волосами, посреди полной сумятицы, она умудрялась оставаться такой же хорошенькой и изящной в своих черных босоножках на высоком каблуке и длинном голубом платье с высокой талией. – Надо что-то делать! – Инес посмотрела на Тео, на Селин, снова на Мишеля. Прижала ладони к щекам, убрала, провела ногтями от запястья до локтя по одной и по другой руке, как будто не знала, чем их занять.

– Подождем, – ответил Мишель и закрыл дверь. В просторной полутемной прихожей стало тихо. – Подождем и посмотрим, что им нужно.

Не прошло и минуты, как снаружи раздался визг тормозов и резкие мужские голоса вперемешку с грубым хохотом. Затем в дверь громко застучали.

– Спокойно, – напомнил Мишель остальным и распахнул дверь навстречу незваным гостям. Со своего места Селин видела троих стоящих на ступеньках немцев – все в полном обмундировании, двое с автоматами, – а позади них еще полдюжины. Все молодые, лет двадцати с небольшим, за исключением широкоплечего мужчины впереди – тому было на вид под сорок. Его рука застыла над кобурой с пистолетом, висевшей на бедре.

– Здравствуйте, – спокойно сказал Мишель, как будто каждый день впускал в дом оккупантов. – Чем мы можем вам помочь?

– Помочь? – фыркнул немец постарше. – Вы поможете нам, если покажете вход в ваши погреба с шампанским.

Мишель ответил не сразу, и те несколько секунд, которые длилась пауза, Селин рассматривала мужчину. Он был высок, темноволос, с усиками карандашом, маленькими глазками и изящными, почти благородными чертами лица, принявшего сейчас насмешливое выражение. На форменном кителе защитного цвета с жестким черным воротничком сияли бронзовые пуговицы, медали и нацистские знаки отличия, талию охватывал коричневый кожаный пояс, а из-под серых брюк выглядывали начищенные до зеркального блеска черные сапоги. Несмотря на утреннюю жару, нигде не было ни складочки. Офицер, поняла Селин, он командует остальными. Его чистое французское произношение выдавало определенный уровень образования и воспитания.

– Разумеется, – по-прежнему спокойно ответил Мишель. – Могу я поинтересоваться, что именно вы ищете?

– Не можете.

Мишель и Тео переглянулись, после чего Мишель отступил, пропуская солдат, будто почетных гостей, и повел их через дом к задней двери. Только тут Селин сообразила, что ведущая в погреба дополнительная лестнка, устроенная прадедом Мишеля прямо в кухне, загорожена большим шкафом. Значит, Мишель с Тео, который шел в нескольких шагах позади, направляются к главному входу – высокой резной деревянной двери, вделанной в каменную стену между садом при доме и виноградниками. Оборудуя подземные туннели, способные

соперничать с хранилищами крупнейших домов шампанских вин, прапрадед Мишеля постарался придать входу в них максимально внушительный вид.

Мишель оглянулась на Инес и Селин.

– Оставайтесь здесь.

Но офицер твердой рукой взял его за предплечье, тоже посмотрел на женщин и улыбнулся. В этой холодной улыбке Селин почудилось что-то волчье, пробирающее морозом до костей.

– Нет, – сказал немец. – Женщины пойдут с нами.

Инес схватила Селин за руку, переплетя свои детские пальчики с ее, более длинными и тонкими; Селин не сопротивлялась. Вдвоем они прошли вслед за мужьями сквозь массивную дверь и, стуча каблуками, спустились по узким ступеням; звук их торопливых шагов напоминал дробь дятла. Оказавшись в первом подвале, заполненном бутылками, один из солдат присвистнул от восхищения, а другой подтолкнул его сзади и сказал по-немецки:

– Пошли скорее, это все ерунда по сравнению с «Вдовой Клико-Понсарден».

Селин знала немецкий от матери, выросшей близ германской границы, но виду не подала. Пусть немцы думают, что она их не понимает: хоть небольшое, но преимущество.

– Ну, – спросил офицер, подозрительно осматриваясь, – где у вас здесь тысяча девятьсот двадцать восьмой? А тридцать четвертый?

– У нас от каждого урожая осталось лишь по сотне с чем-то бутылок. – Мишель выдержал взгляд офицера. – Следуйте за мной, я покажу.

Офицер сощурился, но ничего не возразил, и Мишель повел отряд дальше по главному проходу. В одном из подвалов слева он, как помнила Селин, нарочно оставил несколько стеллажей с лучшими винами: полное отсутствие выглядело бы подозрительно, а малое количество можно объяснить тем, что основной запас распродан.

– Вот, – Мишель показал рукой в сторону хранилища. – Прямо на полу, с правой стороны.

– Гм. – Офицер сделал знак одному из солдат, приподнял вместе с ним секцию и наугад вытащил бутылку. В ней действительно было ценнейшее коллекционное шампанское 1928 года; ее родные сестры тихо лежали позади статуи Девы Марии, приютившейся в стенной

нише. – Где остальное? – Рука офицера вновь угрожающе зависла над пистолетом, он пристально смотрел на Мишеля.

– Почти все распродано. Вы же знаете, двадцать восьмой год был очень хорошим, высокий спрос. И тридцать четвертый тоже. – Брови Мишеля сдвинулись. Селин и не подозревала, что он так замечательно умеет играть. – Пожалуйста. Забирайте все, что у нас есть. Я не стану спорить.

Офицер сделал знак паре своих солдат, и те принялись вынимать бутылки.

– Достаточно. Теперь ступайте.

– Да-да, конечно. – Мишель взял за руку Инес и заспешил назад к лестнице. Селин и Тео последовали за ними. В полном молчании все четверо поднялись наверх, пересекли сад, прошли в кухню главного дома. А как только они оказались там, Инес громко возмутилась:

– Мишель, ты практически поблагодарил их за грабеж!

– Инес, – устало возразил Мишель, – а что еще я мог сделать? Повсюду бесчинства. Мы должны как-то планировать будущее, а если они подумают, что мы что-то прячем, то просто-напросто взорвут наши погреба.

– Но разве обязательно было так им... покоряться? – Негодующий голос Инес звенел на октаву выше обычного. – Это наша собственность!

– Инес! – Прежде Селин не слышала, чтобы Мишель повышал на кого-то голос. Он взъерошил пальцами волосы, а Инес смотрела на него глазами раненой зайчихи. – Дорогая, – это прозвучало несколько спокойнее, – сегодняшней визит был самым опасным. Сейчас период анархии, уже через несколько дней немецкие власти станут контролировать своих людей. Нам просто надо каким-то образом пережить это время.

Инес уже раскрыла рот, чтобы возразить, но ее перебил мужской голос:

– Похоже, вы, французы, умнее, чем кажется.

Все оглянулись. В дверном проеме стоял немецкий офицер, от сигареты в его руке лентой вился дымок, отчетливо вырисовывавшийся на фоне яркого солнца. – Ваше дело одно – подчиняться. *Verstanden?*^[6]

Никто не ответил, пауза затягивалась. В конце концов Селин решилась и сказала за всех:

– Да, господин офицер, нам все ясно. Мы не доставим вам беспокойства.

Офицер слегка улыбнулся, и выражение его лица показалось Селин еще более угрожающим и зловещим. Хотя, возможно, ей просто стало неприятно от того, как он ее рассматривал, – словно только что заметил. Взгляд офицера задержался на верхней пуговице блузки, – Селин чуть не вздрогнула, и ей захотелось сжаться в комочек, – потом вновь скользнул на лицо.

– Рад это слышать.

Селин с трудом сглотнула, а офицер обратился к Мишелю.

– Что у вас в том домике? – он показал на флигель, где жили Тео и Селин. – Мои люди желают его осмотреть.

Спустя час оба дома были опустошены, а из погребов вынесены десятки ящичков лучшего шампанского «Мезон-Шово». По настоянию Мишеля никто не пытался протестовать, когда солдаты вытаскивали мебель, снимали со стен старинные ковры, забирали из кладовых хлеб, банки с вареньем, жестянки с кофе. Они хватали все – кресла, одеяла, матрасы, – вытащили даже дедовские напольные часы, больше сотни лет стоявшие в гостиной. Куча награбленного громоздилась перед главным крыльцом прямо на клумбе с красными пионами, за которыми Инес упрямо продолжала ухаживать, как ни убеждал ее Мишель отвести всю пригодную почву под огороды. Теперь это вряд ли имело значение.

На самом верху Селин заметила потертое стеганое одеяло, которое сшила ей мать к их с Тео свадьбе, и внезапно ощутила ярость. Зачем оно солдатам – ведь ночи в середине июня теплые? Нет, они грабят ради грабежа. Селин сморгнула слезы; она понимала, что потеря мебели и консервов, которые помогли бы им продержаться зиму, должны огорчать ее сильнее, но одеяло было едва ли не последним, что осталось у нее на память от матери.

Наконец солдаты, забрав все мало-мальски ценное из дома и флигеля, приступили к погрузке. Офицер в это время прохаживался перед машинами, заложив за пояс большие пальцы рук.

– Когда нам понадобится еще шампанское, мы снова приедем. – На усах у него виднелись прилипшие крошки, а на правой стороне

подбородка – пятно от желе. – Все, что у вас есть, теперь принадлежит Германии.

Мишель, кашлянув, плотно сжал губы. Офицер внимательно посмотрел на него и добавил с угрозой в голосе:

– *Wir werden uns wiedersehen.*

Никто ему не ответил. Офицера, казалось, веселило, что его не понимают. Селин снова постаралась не выдать себя. Взгляд офицера опять остановился на ней и задержался так надолго, что она почувствовала, как напрягся рядом с ней Тео, но ей удалось ни разу не сморгнуть и не дернуться до тех пор, пока немец не повернулся на каблуках и не зашагал прочь.

Потом солдаты, так же быстро, как приехали, забрались в свои грузовики, куда перед тем уложили добычу, и укатили с гиканьем и воплями. Когда все наконец смолкло и караван пропал из вида, Инес закричала, почти в истерике:

– Что он сказал? – Наступившая тишина была гнетущей и зловещей. – Кто-нибудь знает, что он сказал?

– Сказал, что мы еще встретимся, – ответила Селин. Впрочем, чтобы понять, что имел в виду офицер, перевода не требовалось, – угроза в его словах слышалась слишком отчетливо. Селин чувствовала, как даже под жарким солнцем Шампани кровь у нее леденеет в жилах.

Глава 5

Июнь 2019

Лив

– Тебе необходимо это прекратить, – сказала бабушка Эдит.

Лив повернулась в изумлении. Она смотрела в иллюминатор на темное небо над Атлантикой, пытаясь понять, когда над восточным горизонтом покажутся первые лучи рассвета, и не подозревала, что бабушка перевела спинку своего кресла в вертикальное положение и в приглушенном свете салона первого класса пристально рассматривает внучку. Уже несколько часов они летели рейсом «Дельты», но Лив так и не уснула, хотя шикарное кресло, раскладывающееся в полноценную кровать, оказалось даже удобнее, чем она предполагала.

– Я не знала, что ты тоже не спишь. – Лив положила ладонь на бабушкину руку – холодную, покрытую гусиной кожей, – и машинально потянулась за одеялом, которое соскользнуло бабушке на колени.

– Не надо, – остановила ее бабушка Эдит. – Со мной все хорошо. А вот с тобой – нет. Ты раскисла.

– Не раскисла. Просто грущу.

– Об этом никчемном Эрике?

– О том, – Лив постучала по ногтю большого пальца, – что я теперь не понимаю, кто я.

– Ради бога, Оливия, надеюсь, ты не имеешь в виду, что привязалась к этому ничтожеству? Когда умер твой отец, твоя мать меняла мужей как перчатки, но ты, по-моему, не такая.

Лив посмотрела на нее:

– Нет, просто все это настолько меня ошеломило, что я еще не совсем пришла в себя. Мне сорок один год, у меня ни мужа, ни детей, ни работы. Не думала, что до такого доживу.

– Ну, да, если позволить Эрику все у тебя отобрать, победа останется за ним. – Бабушка Эдит покачала головой и нажала кнопку вызова. – Поистине жестокое разочарование.

Подошла стюардесса, явно спросонок, – тушь смазана, волосы прилипли к щеке. Но бабушку Эдит это не смутило: она сухо потребовала принести джин-мартини и соленые крендельки. Лив прикусила губу. Стюардесса доставила заказ в мгновение ока, зевнула и вопросительно посмотрела на Лив, но та лишь поежилась. Наверное, никому не под силу сладить с миниатюрной нестареющей француженкой, хлещущей алкоголь, словно американский рекламщик 1960-х.

– Так на чем мы остановились? – спросила бабушка Эдит, сделав немаленький глоток коктейля – уже третьего с начала полета. Секрет ее долголетия определенно заключался в том, что она регулярно проспиртовывала собственную печень. – Ах да, на твоей меланхолии. Мать всегда говорила, что женщине нельзя жаловаться, а надо решать проблемы самостоятельно. По-моему, очень хороший совет, хотя, признаться, я не всегда ему следовала.

– При всем уважении к твоей матери, бабушка Эдит, может ли быть, что ей приходилось сталкиваться с такими проблемами, как бесплодие и муж, которому стал противен ее вид?

– Нет, дорогая, ей довелось иметь дело всего-навсего с гибелью брата на Первой мировой, чудовищными обстрелами каждую ночь и моим отцом, который вернулся из-под Вердена наполовину слепым и срывал злость на ком попало.

Лив посмотрела на нее с изумлением:

– Бабушка, прости меня. Я и представить себе не могла, сколько всего пришлось пережить вашему семейству.

– Ну ладно, некоторые темы лучше не трогать. Просто многие теряют больше, чем могли вообразить, и все же находят способ жить дальше. – Она снова подняла свой бокал (рука у нее заметно дрожала), посмотрела на Лив, а потом ее взгляд устремился куда-то вдаль. – Я его нашла, Оливия. И ты тоже должна.

Хотя не было еще и восьми утра, Париж кипел. Шофер петлял по узким улочкам Седьмого округа, а Лив смотрела в окно – на булочные, где уже толпился народ, на цветочные прилавки, на которых продавцы расставляли товар, на сыры, громоздящиеся в витринах *фромажери*. Она опустила стекло и сделала глубокий вдох, вбирая в себя смешанный аромат свежее испеченного хлеба, легкого сигаретного дымка и цветов – чисто парижское сочетание. Эти запахи, знакомые

Лив с детства, могли бы привести ей на память счастливые картины того, как она, маленькая, бегают по саду Тюильри, а следом прогуливается бабушка, держа сигарету двумя тонкими пальцами.

Вместо этого в нее запустило когти более свежее воспоминание – о поездке в Париж тринадцатилетней давности вдвоем с Эриком, сразу после того, как он сделал ей предложение. Лив замучила бы совесть, выйди она замуж без согласия бабушки Эдит. Предполагалось, что это простая формальность, но бабушка по каким-то своим, непостижимым для Лив, причинам с порога невзлюбила Эрика. И не очень понравилась ему – в первое же утро в Париже он сказал Лив, что старушка чересчур шикарует.

– Я думаю, – возразила Лив, – что она просто живет так, как ей удобно, и все. Кроме того, ты ведь знаешь, как она всегда ко мне щедра.

Эрик закатил глаза.

– Ну, да, ей, должно быть, приятно купаться в деньгах, которые она на самом деле не заработала.

– С чего ты это взял? Мы же не знаем, откуда у нее деньги.

– А тебе это не кажется странным?

Лив пожала плечами:

– Нет, только старомодным. Она всегда говорит, что обсуждать финансы – это вульгарно.

– Ну, как бы то ни было, она не считает, что я достоин хотя бы цента из ее богатства.

– Что?

– А разве этот брачный контракт – не ее идея?

Разумеется, на брачном контракте настояла именно бабушка Эдит. Лив не видела в нем смысла, но, чтобы сохранить мир, уступила бабушкиному желанию, тем более что та взяла на себя все расходы по свадьбе.

– Слушай, какая разница? Ведь мы вряд ли разведемся. Я люблю тебя.

Позднее Лив воспользовалась моментом и, когда Эрик пошел в душ, спросила бабушку:

– Все-таки он тебе понравился, а?

Бабушка медленно подняла глаза, встретилась взглядом с Лив и, помолчав, ответила:

– Нет, не очень.

– Но вы едва знакомы! Откуда такое предубеждение?

– Многолетний опыт, дорогая. Что знаю, то знаю.

– Ты ошибаешься. И не тебе судить о человеке, которого я люблю.

– Должен же кто-то выступить голосом разума, – ответила бабушка Эдит, не отводя взгляда. – А твоя мать слишком занята флиртом со своими кавалерами, чтобы высказаться.

– Может быть, она просто больше уважает мою точку зрения?

– Или до сих пор не поняла, что влечения сердца ослепляют и толкают на неразумные поступки вас обеих. – Бабушка Эдит спокойно пожала плечами, покуда внутри у Лив все кипело. – Но это твоя жизнь. Выходи за него, если хочешь, только не говори, что я тебя не предупреждала.

Теперь, почти через полтора десятка лет, эти слова по-прежнему отдавались в ушах у Лив.

– Бабушка Эдит? – тихо проговорила она, когда машина свернула вправо, на улицу Фабер, и впереди засверкал золотом купол Дома Инвалидов.

– А?

– Как тебе удалось так быстро раскусить Эрика, когда я привезла его сюда знакомиться с тобой?

– Ты и в Париже все еще думаешь о нем? – Бабушка неодобрительно хмыкнула. – Отпусти его.

– Я отпустила, – ответила Лив. – Честно. Только не понимаю, как получилось, что я столько лет заблуждалась на его счет, а ты с первого взгляда поняла, что он собой представляет.

– На самом деле, Оливия, – бабушка Эдит чуть переменила позу, и Лив заметила влагу в ее глазах, – здесь нет твоей вины. Пока ты молода, ты видишь только будущее. А становясь старше, начинаешь видеть прошлое. – Она отвернулась к окну и долго молчала, а потом добавила дрожащим голосом, какого Лив никогда раньше не слышала: – Пршлое умеет показывать все в правильном свете, хочешь ты того или нет.

Глава 6

Сентябрь 1940

Инес

Виноград первым выступил против оккупантов. Ягоды, чтобы не достаться врагу, засыхали прямо на лозе или совершали самоубийство, падая на землю посреди ночи. Настоящей причиной этого было нашествие плодоярки и виноградной моли, совпавшее с германским. Из-за него виноделы Шампани, не собрав еще ни единой виноградины, подсчитывали будущие убытки.

В первое утро сбора урожая 1940 года Инес и Селин отправились вместе с Мишелем и Тео на один из виноградников, поставлявших значительную часть «пино-менье» для «Мезон-Шово», и Инес с растущим беспокойством наблюдала, как вместо крепких здоровых работников трудятся дети и старики.

Они работали в парах, срезая секаторами тугие черные гроздья и складывая их в небольшие корзинки; когда такая корзинка наполнялась, кто-нибудь из подростков уносил ее и ссыпал виноград в большие плетеные ящики, называемые *манекенами*.

– Слишком медленно, – пробормотал Тео, и они с Мишелем обеспокоенно посмотрели друг на друга.

– Давайте им поможем, – предложила Селин.

– Нет. – Тео отвернулся. – Надо беречь силы, у нас своя страда.

– Да, пора возвращаться, – сказал Мишель. – Эту партию скоро доставят, мы должны подготовиться.

Собранные утром гроздья, как знала Инес, сразу же отправятся в огромные круглые чаши подземных прессов; стандартная загрузка пресса равняется четырем тысячам килограммов. Первые примерно сто литров сока, содержащие фрагменты кожицы, полагается вылить как шлак. Затем в открытые чаны потечет *кюве* – самый сладкий и чистый сок, – а когда его наберется две тысячи пятьдесят литров, из жмыха получится еще пятьсот литров сока, называемого *тай*, который соберут отдельно. Соку дадут отстояться, удалят осадок и перенесут

глубже в погреба, где он будет бродить под постоянным наблюдением Тео.

К ноябрю вино – еще не игристое – созреет для следующего этапа. Тео и Мишель проведут серию дегустаций и вместе решат, какое сочетание сортов станет шампанским урожая 1940 года. Этот завораживающе сложный процесс, именуемый ассамбляжем, подчинялся множеству строгих правил и ограничений, которые Инес еще только пыталась понять.

– Как же много испорченного винограда! – озабоченно проговорила она, когда все четверо втиснулись в сидроен Мишеля.

– Этот урожай был обречен. – Голос Мишеля прозвучал мрачно, а руки так стиснули руль, что побелели костяшки пальцев. – В любом случае работники делают все, что в их силах. И нам нужно поступать так же.

На мгновение все притихли, потом Инес нарушила молчание:

– А что можно сделать, если винограда не хватает?

Мишель оторвал взгляд от дороги и посмотрел на нее.

– Мы с этим справимся.

– Но *каким образом?* – не отступала Инес.

Тео на заднем сиденье кашлянул, Мишель оглянулся на него, затем повернулся к Инес:

– Дорогая, это тебя не касается.

– Нет, касается. – Инес видела, как потемнело лицо мужа, но твердо стояла на своем. – Мишель, почему ты мне ничего не говоришь? Я ведь хочу помочь. «Мезон-Шово» – точно так же мое будущее, как и твое.

Она надеялась, что это прозвучит как слова поддержки, но Мишель лишь отрицательно покачал головой, все с тем же сердитым выражением. В последнее время, что бы ни сказала Инес, это стало чуть ли не стандартной реакцией.

Раньше было не так. Мишеля, казалось, умиляла неопытность жены, и стоило ей задать вопрос, с удовольствием разъяснял сложные этапы процесса изготовления шампанского. Все переменялось с объявлением войны. Теперь он отвечал коротко, лишь бы отделаться. Инес понимала, что голова его занята другим, но ей все равно было больно. Она тосковала по тем первым месяцам после свадьбы, когда

они вместе смеялись и безраздельно верили друг другу. А может, того счастья и вовсе не было и дальше будет как сейчас?

– Просто верь мне, Инес, – с явным усилием выговорил Мишель после долгой паузы. – Я принял меры.

– Но... – начала было Инес, когда с заднего сиденья донесся голос Селин.

– Мы постараемся по максимуму использовать то, что есть. И получить прекрасный результат. Как обычно. Не стоит волноваться.

В ее тоне – или это только показалось Инес? – слышалась снисходительность. И говорила она будто от имени Мишеля и Тео, словно они втроем были против нее одной.

– Спасибо, Селин, – сухо отозвалась Инес. – Вы меня вполне успокоили. – И она отвернулась к окну, чтобы никто не увидел наворачнувшихся на глаза слез обиды.

Спустя двадцать минут, когда они доехали до «Мезон-Шово», мужчины отправились в погреб заканчивать приготовления к приему винограда, а женщины – в главный дом готовить еду. Назавтра работники должны были прийти на собственный виноградник «Мезон-Шово», и их предстояло накормить. Запасы были разорены, но удалось найти брюквы с турнепсом на большой котел супа и несколько буханок хлеба.

Инес и Селин принялись чистить и рубить овощи. Какое-то время в кухне слышался только стук ножей, пока Селин не нарушила неловкое молчание:

– Извините, если обидела вас тогда в машине.

– Ну, – ответила Инес, не глядя на нее, – я все-таки думаю, что у меня есть причины волноваться.

– Это правда.

– Но почему тогда Мишель в последние дни затыкает мне рот всякий раз, как я пытаюсь что-то сказать? – Инес не ждала ответа, но, к ее удивлению, Селин ответила:

– Инес, ему сейчас очень тяжело.

Инес скрипнула зубами и яростно вонзила лезвие в турнепс.

– Я в курсе. Как-никак он мой муж.

– Прошу прощения, – отозвалась Селин через несколько секунд, – я не хотела быть бестактной.

– Но вам это удалось. – Инес с силой рубанула ножом по доске. Больше года она пыталась держаться по отношению к Селин максимально дружелюбно, надеясь, что та в конце концов примет ее как равную себе, но теперь с нее хватит! Сколько можно сдерживаться, когда об тебя ноги вытирают! – Не считайте меня душой, Селин, и не думайте, что мне нет дела до того, что здесь происходит. Понятно, что я не так хорошо, как вы, умею помогать с работой в погребе, но я не такая бесполезная идиотка, как вам представляется. – Инес, всхлипнув, умолкла.

Селин вздохнула:

– Инес, я вовсе не думаю, что вы бесполезны, я думаю... думаю, что вы новый человек в нашем деле. Вам надо многому научиться.

– Я стараюсь, Селин, правда стараюсь.

Молчание, наступившее после этих слов, было неудобным и напряженным. Инес продолжала резать овощи, а к глазам подступали слезы, которым она не хотела давать волю при Селин. Через некоторое время Селин произнесла:

– Простите меня. Я иногда бывала к вам несправедлива.

Инес подняла глаза:

– Бывали, да. Я знаю, что у нас не так много общего, Селин, но вообразила себе, что в один прекрасный день мы сможем друг на друга опереться, – в конце концов, мы вместе застряли здесь, у черта на рогах. А теперь и Мишель совсем перестал меня слушать, и было бы так хорошо иметь подругу.

– Мы и есть подруги, Инес.

– Правда?

– Конечно. – Но Селин не подняла глаз и не добавила ни слова. Наступило молчание. Разговор, чувствовала Инес, только увеличил расстояние между ними.

К концу осени, когда виноградные лозы уже погрузились в зимнюю дремоту, а по утрам на солнце искрился иней, Инес была измучена до последней степени. Ежедневно она поднималась до рассвета и сонно брела с Мишелем в погреба клеить этикетки на бутылки с шампанским урожая 1936 года. Они готовились к поставкам, хотя, когда у них вновь появятся постоянные покупатели, никто не знал.

Как-то поздним ноябрьским вечером, когда уже давно стемнело, Мишель поднялся из погреба в кухню с пылающими щеками и горящими глазами и объявил жене:

– Утром приезжает Клебиш. Эмиль из комиссии только что прислал сообщение с нарочным.

– Зачем? – спросила Инес, оторвав хмурый взгляд от почти опустевшего буфета.

Отто Клебиша недавно назначили инспектором, ответственным за виноделие. Официально его должность называлась *Beaufragter für den Weinimport Frankreich*, уполномоченный по импорту вина из Франции, а неофициально – *вайнфюрер*. В июле, когда Клебиш только прибыл в Шампань, с ним связывали надежды на некоторое облегчение жизни. И действительно, грабительские налеты военных на винные погреба прекратились. Вдобавок Клебиш происходил из хорошей семьи – даже родился в Коньяке, где его родители до Великой войны торговали крепкими напитками. Если уж нами должен управлять захватчик, рассуждали виноделы, то, может быть, это и к лучшему, что он разбирается в нашем ремесле и знает, как мы живем. Но все осторожные надежды развеялись как дым, когда Клебиш реквизировал родовой замок у Бертрана де Вогюэ – главы компании «Вдова Клико-Понсарден» – и вселился туда сам.

– За вином, без сомнения. – Мишель скрипнул зубами.

– И что ты ему ответишь?

– Соглашусь на все требования.

Инес сжала челюсти:

– Они не посмеют.

– Еще как посмеют, Инес. – Голос Мишеля звучал устало. – Это затяжная война, и нам надо постараться в ней выжить. Мы ведь с тобой уже говорили об этом, правда?

– Да, – пробормотала Инес, понимая, что опять сказала не то.

На следующее утро Инес и Мишель встали еще раньше, чем обычно, и наклеили оставшиеся этикетки, а затем поднялись в дом, чтобы подготовиться к приезду Клебиша. Инес переделалась в бледно-зеленое платье, доходившее до середины икр, собрала волосы в низкий пучок и слегка тронула губы помадой. До войны она всегда так выглядела – элегантно, продуманно, модно, – но так давно не наряжалась, что теперь с трудом узнала себя в зеркале.

– Не слишком ли ты стараешься ради оккупанта? – хмуро заметил Мишель, когда Инес вышла из спальни и встала рядом с ним в гостиной.

– Важно, чтобы он принял нас всерьез, – ответила Инес, поправляя платье. Мишель промолчал, и ей вдруг стало неловко. – А Тео и Селин подойдут?

Мишель покачал головой:

– По-моему, Клебишу лучше не видеть Селин. Для нее это может быть опаснее, чем для нас с тобой. Отношение немцев к евреям...

– Но ведь она не подпадает под *statut des Juifs*. – Действительно, в октябре французское правительство издало «Статут о евреях», по которому (точно так же, как и по германским Нюрнбергским законам) евреем считался тот, кто в третьем поколении происходил как минимум от трех чистокровных евреев, а у Селин еврейских предков было только двое.

– Нельзя быть уверенным, что нацисты не передумают. Лучше соблюдать осторожность.

На самом деле Инес понимала, что без мрачной молчаливой Селин ей будет легче. Та в последние недели совсем замкнулась, разговаривала только о работе с Мишелем и Тео, всегда очень коротко, и Инес спрашивала себя, как Тео удастся выносить холодность супруги, когда они остаются наедине.

Герр Клебиш приехал ровно в восемь в сопровождении двух солдат, которые держались поодаль и вполголоса переговаривались по-немецки. Вайнфюрер был высокого роста, с черными прилизанными волосами; посреди мясистого лица торчал массивный нос, напоминающий птичий клюв. Он оглядел дом, и глаза его блеснули в утреннем свете из-под набрякших век.

– Благодарю, что вышли меня встретить, – произнес он на таком же безукоризненном французском, какой был у офицера с глазами-бусинками, возглавлявшего команду грабителей в июне. – Не покажете ли мне погреба?

По дороге Мишель и Клебиш беседовали – к удивлению Инес, мирно и почти дружески. Вайнфюрер задавал вопросы о составе здешней почвы, и Мишель подробно объяснял ему, каким образом песок вместе с находящимися под ним меловыми отложениями помогает удерживать влагу, спасая от засухи виноградники к западу от

Реймса. Правда, немцу полагалось бы все это отлично знать – ведь он уже несколько месяцев находился в Шампани, а вином торговал много лет. Тем не менее он слушал, как казалось, с полным вниманием.

– И все же урожай в этом году неважный, – мягко заметил Клебиш, когда они спустились в прохладную темноту. – Нам непременно нужно улучшить результаты. Этот регион очень важен для фюрера.

– Но, – ответил Мишель, – вы, конечно, понимаете, что, с тех пор как у нас отобрали рабочие руки, мы не можем получать с виноградников максимум. Вам известно, что объем заготовленного винного сырья упал на восемьдесят процентов. И сейчас, чтобы изготовить шампанское, каждый из нас выполняет работу нескольких мужчин. Даже жены трудятся вместе с нами.

Клебиш так долго молчал, что Инес забеспокоилась, уж не возмутили ли его слова Мишеля. Однако на последней ступеньке он откашлялся и проговорил:

– Месье Шово, я понимаю ваши трудности, но во время войны все мы должны добиваться большего с меньшими ресурсами, вы согласны?

– Разумеется.

– А раз так, то мне представляется, что вы найдете выход. Я неоднократно убеждался в изобретательности французов. – Клебиш шел вдоль склада шампанского, тянувшегося по всей длине главного коридора, и стук его сапог гулко отдавался в тяжелой тишине. Время от времени он ненадолго останавливался у какой-нибудь стойки и без слов осматривал бутылки. Инес и Мишель тоже молчали. При приближении к статуе Девы Марии, которая закрывала вход в тайник, Инес усилием воли заставила себя дышать ровно, а когда Клебиш, так и не сделав ни единого замечания, повернул наконец к выходу, у нее вырвался тихий вздох облегчения.

– Прекрасная коллекция, – сказал вайнфюрер, когда все поднялись и вышли наружу, в зябкий утренний воздух. Затем он достал из кармана блокнотик и, поджав губы и щурясь, стал делать в нем какие-то заметки, а закончив, поднял глаза и спросил:

– Как я понимаю, вы руководите производством вдвоем с *chef de cave* по фамилии Лоран?

– Да, с Тео Лораном.

– Я бы хотел его видеть. Может быть, в следующий раз. – И Клебиш, не дожидаясь ответа, продолжил: – В любом случае начнем с тысячи бутылок вашего «Кюве де престиж» 1935 года и такого же количества урожая 1936 года. Подготовьте их к отправке немедленно. Рейхсмаршал Геринг будет весьма доволен.

Он сделал знак своим солдатам, которые так и стояли перед входной дверью, все трое молча сели в машину и уехали. Инес и Мишель провожали глазами их грузовик, пока он не скрылся за дальними холмами.

К новому году в Шампани начался тихий бунт. Дело в том, что вскоре после своего прибытия герр Клебиш провел встречу с Шалонской комиссией – ассоциацией, координирующей работу домов шампанских вин, – и обязал регион поставлять еженедельно 350 тысяч бутылок шампанского с оплатой оккупационными марками, обесценивающимися на глазах. На все такие бутылки следовало поставить штамп «Зарезервировано для вермахта»; вино, оставшееся после выполнения этих требований, можно было продать соотечественникам, но его не хватало, чтобы получить мало-мальски ощутимую прибыль. И виноделы начали при приготовлении вина, поставляемого в Германию, использовать невымытые бутылки, низкокачественную пробку, второсортное кюве. Некоторым из них определенно кружила голову идея натянуть немцам нос. И Инес знала, что ее муж, несмотря на всю свою осмотрительность, тоже не устоял перед искушением.

– Представляю себе картину, – сказал он в один из холодных вечеров, когда пригласил Тео и Селин посидеть вместе с ним и Инес у камина в главном доме и погреться перед пылающим огнем. – Геринг и Гиммлер обедают вместе в Берлине, а на столе у них – одна из наших лучших бутылок.

– Гран-крю тридцать пятого года, – вставил Тео, сверкнув глазами.

– *Bien sûr*^[7]. – Мишель ухмыльнулся. – Они и не заметят на ней грязи.

Тео хмыкнул:

– И того, что на самом деле в бутылке бурда тридцать седьмого.

– А вы не боитесь? – спросила Инес.

– Все так делают, – пожал плечами Тео.

Но спустя неделю к ним снежным днем без предупреждения нагрязнул Клебиш на машине с водителем и в сопровождении немца-автоматчика.

– Месье Шово, – сказал он ровным голосом, когда Мишель открыл дверь. – Я по поводу вашей измены.

– Не понимаю, о чем вы. – Мишель говорил совершенно спокойно, но Инес, вышедшая к двери вслед за ним, видела, как его шею заливает краска. Бросив на жену быстрый взгляд, он вновь посмотрел на Клебиша.

– Вы думаете, я не замечаю, что вы творите? Вы все, проклятые шампенуазы! – Из рта вайнфюрера брызнула слюна. – Вы что, считаете меня дураком?

– Нет, конечно.

– Но вы же не отрицаете, что неправильно маркировали бутылки, предназначенные для Германии?

У Мишеля дернулся уголок рта.

– Я неуклонно обеспечиваю то отношение к германским поставкам, которого они заслуживают.

Мужчины впились друг в друга взглядом. И тут в их разговор вмешалась Инес:

– Господин Клебиш, если произошло какое-то упущение, то наверняка по ошибке. Мишель, скажи ему!

Мишель промолчал, и Клебиш, подождав, вздохнул:

– Ну что же. Может быть, вам больше понравится поразмышлять об этом в тюрьме.

– Нет, господин Клебиш, прошу вас! – задохнулась Инес, но Мишель не проронил ни слова, когда автоматчик грубо взял его за плечо и подтолкнул к выходу. Лишь идя по двору к машине в сопровождении подгонявшего его немца и Клебиша, он оглянулся и сказал через плечо:

– Все будет в порядке, Инес.

На его лице мелькнула и тут же пропала тень улыбки.

– Пожалуйста! – кричала Инес вслед вайнфюреру. – Он невиновен!

Клебиш повернул к ней утомленное донельзя лицо:

– Мадам, невиновных среди нас больше нет.

В итоге Мишель провел в тюрьме в Реймсе всего три дня и потом описывал свое пребывание там как веселое приключение, потому что все камеры были заполнены виноделами, арестованными по тому же самому обвинению.

– Инес, – сказал Мишель вечером того дня, когда он вернулся в «Мезон-Шово» с темными кругами под глазами, – это надо было видеть. Я стал гордиться тем, что я – *шампенуа*.

Инес провела Мишеля в спальню и, медленно расстегивая его рубашку, мысленно возблагодарила Бога за благополучное возвращение супруга.

– Но теперь, когда ты снова дома, – прошептала она, крепче прижимаясь к любимому, – ты будешь делать вино по правилам, да? Ты ведь именно так решил, да, милый?

Инес наклонилась, чтобы его поцеловать, но он отстранился.

– Инес, это только начало.

Она уставилась на мужа. Куда девались его прежние речи о том, что с немцами спорить не надо и главное – пережить оккупацию.

– Дорогой, но ты играешь с огнем.

– Да. – И глаза Мишеля опасно блеснули. – А что говорит генерал де Голль? Что бы ни случилось, пламя французского Сопротивления не должно погаснуть и не погаснет. Это наша страна, моя любимая, и я буду драться за ее честь до конца.

Глава 7

Июль 1941

Селин

Во второй четверг июля Тео и Мишель с утра собрались в Эперне – городок в двадцати километрах к югу от Виль-Домманжа – на ежегодное собрание *Syndicat Général des Vignerons* – союза виноделов. Участникам передали, что Морис Дойяр, один из ведущих виноградарей региона, и Робер-Жан де Вогюэ, владелец дома «Моэт э Шандон», сделают важное объявление.

– У де Вогюэ есть какие-то идеи насчет того, как противостоять немцам и не навлечь неприятностей на свою голову, – сказал Тео жене, направляясь к двери.

– Надеюсь, он не предлагает ничего опасного, – отозвалась Селин.

– Думаю, это больше вопрос отношений с Клебишем – как выстроить взаимодействие с ним максимально эффективно.

Это немного успокоило Селин, но она знала, что все равно будет волноваться, пока Тео и Мишель не вернутся. Коротко поцеловавшись с Тео на прощание, она пошла в погреб, а мужчины тем временем уселись в ситроен Мишеля и уехали.

Инес была уже внизу, занятая тем, что вытаскивала пустые бочки из зала, где они хранились, и перекатывала в главный зал. На прошлой неделе Мишель дал жене задание проверить бочки и подготовить их для следующего урожая: особых умений это не требует, а заодно и отвлечет. Селин надеялась, что Инес не догадывается о такой подоплеке поручения. С начала войны женщинам приходилось работать бок о бок, и Селин все чаще жалела Инес, видя, как та старается. Дружить с ней, слишком взбалмошной и не сознающей всей серьезности положения, Селин не собиралась, но держалась как можно любезнее. Вокруг Инес в эти дни сгустилось одиночество отчаяния, а Селин знала, каково это.

– Как дела? – спросила она, подойдя к складу бочек.

Инес отерла лицо: левая щека у нее была в грязи, на лбу выступил пот.

– Я начала вот с этих. Бочки, требующие особого внимания, я перекачиваю в пустой зал вон там по левой стороне.

– Хорошо. – Повязывая косынку, Селин окинула взглядом бочки, которые Инес успела вытащить. – А мне тогда начать с тех, которые вы залили вчера?

Проверка бочки начиналась с простукивания. Глухой звук означал возможный дефект, если же он был правильным, звонким, бочку следовало откатить в другой зал, вымыть, после чего налить в нее некоторое количество воды. Если на следующий день вода никуда не девалась, бочку переворачивали, чтобы убедиться, что она нигде не течет. Было важно проверить все бочки: именно в них происходило первое брожение, так что каждая покособившаяся или треснувшая бочка означала большие потери вина.

– Хорошо. – Инес нагнулась к очередной бочке, постучала по ней костяшками пальцев сверху, затем в нескольких местах вдоль вертикальной оси и одобрительно кивнула.

– Я ее заберу, – сказала Селин и положила бочку на бок, чтобы покатить, – мне же все равно в тот зал.

– Спасибо. – Инес взялась за следующую бочку. – Не перестаю удивляться, сколько вы всего умеете по винодельческой части.

– С детства этим занимаюсь – у меня отец винодел, я же говорила? – У Селин кольнуло сердце: вестей от отца так и не было, и с каждым новым днем делалось все тревожнее.

Инес кивнула:

– То есть вы научились всему этому еще прежде, чем вышли замуж за Тео?

– Задолго до того. – Обе замолчали, потом Селин, понимая, что надо поддержать беседу, заставила себя продолжать:

– На самом деле мы и познакомились благодаря виноделию. Через моего отца.

– Я не знала.

– Игристое вино отца довольно известно в Бургундии, и Тео некоторое время у нас стажировался. – Селин покатила бочку по проходу. – Отец заметил его талант. Кроме того, – добавила она через плечо, – он знал, что Тео собирается переехать в Шампань, и, можно сказать, устроил наш брак. Отец чувствовал, что Тео станет отличным

мастером и сумеет обеспечить мне лучшую жизнь, чем была бы у меня в Бургундии.

– И тогда вы с Тео начали встречаться? – Инес с округлившимися от любопытства глазами пошла вслед за Селин. – И полюбили друг друга?

Селин закатила бочку в зал и поставила ее стоймя.

– Мы поженились очень быстро, даже не успели по-настоящему друг друга узнать, потому что Тео уже запланировал отъезд из Бургундии. Мне очень подходил такой брак – я ведь дочь винодела и привыкла, что вся жизнь крутится вокруг вина. А для Тео женитьба, как мне кажется, стала некоторым облегчением – теперь он мог не думать об ухаживании за девушками и полностью сосредоточиться на работе.

– Вы вышли замуж не по любви? – На лице Инес было написано разочарование. – Как грустно!

Такая реакция несколько раздосадовала Селин. Неужели Инес правда считает, что любовь должна приходить сама? Нет, ради любви надо трудиться, и Селин делала это годами.

– Сейчас мы любим друг друга, – просто сказала она, хотя и без особой уверенности: течение времени показало, как мало общего у них с Тео.

– И все же... – растерянно начала Инес, но так и не придумала, что сказать дальше.

– Честно говоря, Инес, далеко не всем так повезло, как вам с Мишелем, – отрезала Селин, но, увидев обиду на лице Инес, поспешила добавить: – Сразу влюбиться в того, кто влюбится в тебя, – большая удача.

На самом деле Селин тяжело было наблюдать за развитием их романа. Она всегда уважала Мишеля и временами – особенно когда Тео уходил в себя, размышляя о производстве вина, – ощущала с ним внутреннее сродство, поражавшее ее саму. А потом он по уши втюрился в худенькую красотку, ослепительный вихрь в юбке, и это немного разочаровало Селин. Ей-то мечталось, что Мишель приведет в дом более солидную и серьезную женщину, – может быть, в чем-то похожую на нее, Селин, так что они смогут по-настоящему сдружиться.

– Да. – Инес снова замолчала, но, когда Селин уже решила, что разговор окончен, добавила тихим голосом: – Но иногда мне приходит в голову, что Мишель влюбился не в меня, а в мой образ. Как будто смотрел на меня, но видел не то, что есть, а то, что хотел во мне видеть. А действительность его разочаровала.

– Уверена, что это не так.

– Правда? – Инес испустила тихий прерывистый вздох. – А у меня ощущение, что я ничего не могу сделать так, как ему нужно. Я по его глазам вижу.

– Это все война. На нем столько всего висит. – Селин сочувствовала Инес, но понимала и состояние Мишеля. Слишком большой груз он нес на своих плечах, чтобы еще и баловать супругу, – хотя первое время явно готов был это делать, видя в ней лучшее украшение своего дома.

– Понимаю. Но именно поэтому мне хочется, чтобы он мог на меня полагаться, как полагается на вас.

В голосе Инес явственно слышалась горечь, при том что Мишель с Тео не раз давали ей шанс быть полезной. Совсем недавно им остро понадобилась помощь с *дегоржированием* – удалением осадка из бутылок, в которых уже образовался газ, – и они стали учить этому Селин и Инес. Процедура требовала сноровки: следовало, держа бутылку горлышком вниз, быстро вынуть пробку специальной открывалкой, называемой *pince à dégorger*, и одновременно перевернуть бутылку. Едва давление газа выбивало осадок, горлышко нужно было заткнуть большим пальцем, чтобы не вылилось само вино. У Селин это начало получаться попытки с тридцатой, а Инес так и не приноровилась, так что на второй сотне бутылок ее пришлось остановить – слишком много вина растеклось по полу погреба.

– Ну, сейчас-то вы ему помогаете, – сказала Селин.

– Да. – Инес шмыгнула носом. – Но постучать по дереву и залить бочку водой мог бы кто угодно, правда?

Селин заставила себя улыбнуться:

– Все же это нужное дело.

– Да, – отозвалась Инес погасшим голосом. – Мишель именно так и говорит.

Следующие несколько часов две женщины работали, почти не разговаривая, – разве что обменялись несколькими репликами о том,

куда поставить бочки и в котором часу вернутся мужья.

Около семи они услышали знакомый грохот – это наверху к дому подъехал ситроен. Спустя еще мгновение по винтовой лестнице спустился Мишель, а за ним – улыбающийся Тео.

– Как все прошло? – обратилась к нему Селин, поднимая глаза от очередной бочки и отряхивая руки.

– Чудесно, – ответил Тео, и впервые за много месяцев Селин увидела, что в его глазах светится надежда. – Цель в том, чтобы заставить Клебиша иметь дело не с каждым из нас в отдельности, а с организацией, представляющей нас всех. Тогда мы сможем разделить этот оброк по справедливости.

– Идеальное решение! – радостно воскликнула Инес и захлопала в ладоши, однако хмурый взгляд мужа ее остановил.

– Шаг в верном направлении, – осторожно заметил Мишель. – Но на собрании было также сказано, что Клебиш еженедельно реквизирует в Шампани пятьсот тысяч бутылок.

– Пятьсот тысяч? – переспросила Селин. – Как же мы это выдержим? Если виноград снова не уродится...

– По крайней мере, – Тео взглянул на жену, – они прекратят стоять у нас над душой, требуя самые ценные сорта. Верь мне, Селин, объединение – правильная вещь, и отрасль выстоит. Все будет хорошо.

Мишель кашлянул, Селин подняла глаза и встретила с ним взглядом. Похоже, им обоим пришло в голову одно и то же – что Тео не понял сути. Война ставит под угрозу не только производство вина.

– Так или иначе, с новой схемой наверняка будет легче, – заключил Мишель, после чего еще раз посмотрел на Селин и какую-то долю секунды удерживал ее взгляд. – Ну, а как у нас продвигается проверка бочек?

Тем вечером Тео притянул к себе Селин, как только та улеглась рядом с ним в постель, но она с удивлением обнаружила, что тело отказывается отвечать на ласки, и лишь усилием воли смогла заставить себя расслабиться.

– Шампанское выживет. – Тео погладил ее по щеке. Прикосновение мозолистой руки казалось странным и непривычным, Селин не помнила этого ощущения. – Сегодняшнее собрание, Селин, понимаешь, сегодня я впервые почувствовал, что решение существует. Де Вогюэ – умнейший человек.

– Да.

– Он о нас позаботится. С вином все будет в порядке. – Тео опять коснулся ее лица, потянулся губами к ее губам, и тут она не сдержалась:

– А с людьми? Неужели тебе есть дело только до вина?

Тео замер, потом отодвинулся и перевернулся на спину. Селин закрыла глаза в темноте. Она сердилась на себя: не стоило напоминать мужу о страхах, которых тот не разделял.

– Конечно, не только, – поспешно ответил Тео. – Но о вине приходится думать – ведь в нем вся наша жизнь, Селин.

– Нет, Тео, не вся. Мы делаем вино, но оно – не мы сами. Если немцы завтра уничтожат наши виноградники, мы попробуем что-нибудь придумать. Но что, если они уничтожат моих родных? Если это уже случилось?

– Селин, не надо. Твои родные в безопасности, все будет хорошо, увидишь.

– Как знать? – Перед глазами Селин встало лицо отца, плечо ощутило тяжесть сильной руки деда, а щека – прикосновение теплых бабушкиных губ, и ей вдруг стало невмоготу лежать рядом с Тео. Без единого слова она выбралась из постели и двинулась к двери спальни, задержавшись лишь для того, чтобы взять длинный свитер, который висел на спинке стула в углу.

– Селин, что это за сцена? Куда ты?

– Подышать воздухом. – В темноте она прошла к задней двери, отчасти ожидая, что Тео бросится за ней и попросит прощения за свою черствость. Но он не стал вставать, и Селин подумала, что это многое о нем говорит.

Снаружи все было залито светом почти полной луны. Селин направилась к погребам. Там, наедине с дремлющими бутылками, она могла успокоиться. Тео не верил, что вино ее заботит, а зря – на самом деле заботило, и очень глубоко. Просто ее сильнее, чем мужа, беспокоила реальная жизнь работников; в каждой бутылке она чувствовала их сердца и души.

Оказавшись под землей, Селин попала в привычные объятия чернильно-черной тьмы, а у подножия каменной лестницы зажгла керосиновую лампу, и по стенам заплясали знакомые тени. Она глубоко вздохнула и тут же замерла: в одной из камер впереди справа

послышалось легкое царапанье. Неужели там кто-то есть? Селин стояла не двигаясь, ее сердце колотилось.

Конечно, разумнее было бы развернуться, погасить свет, выбраться наверх и поспешить домой. Но ее внезапно охватила решимость. Пусть немцы навязывают виноделам свои правила и реквизируют у них бутылки, на это священное место под землей у Германии не могло быть никакого права. Во все годы своей истории оно принадлежало только Франции, как стареющее вино принадлежит здесь самой земле, окутывающей его со всех сторон и творящей над ним волшебство. И не сумев себя остановить, Селин сняла туфли и, ступая как можно тише, пошла по узкому проходу.

Звук смолк. Может, это скреблась мышь? Селин осторожно продолжила свой путь и, дойдя до первой камеры справа, посветила туда. Что бы она стала делать, если бы в темноте скрывался немец? Но там лишь спокойно дремали тысячи бутылок.

Во второй по счету камере Селин тоже никого не обнаружила, а когда собралась посветить в третью, в темноте послышался голос:

– Селин?

Она вскрикнула – и тут же поняла, что в нескольких метрах перед ней стоит Мишель с широко раскрытыми от изумления глазами.

– Боже, вы до смерти меня перепугали. – Селин прижала руку к сердцу. – А что вы делаете здесь внизу?

– Мне не спалось. Я спускаюсь сюда, когда мне надо подумать.

– И я. – Селин вдруг забеспокоилась. – Надеюсь, это не против правил? Я понимаю, что это ваши погреб...

– Селин, они не менее ваши, чем мои. После всего того, что вы с Тео здесь сделали, всех тех часов, которые на это потратили, – он покачал головой. – Вы остались, хотя могли бы перебраться на юг и попробовать найти более безопасное место, чтобы переждать войну.

– Конечно. – Селин не знала, как это сказать, но чувствовала, что успела пустить здесь корни, как будто обрела место, в котором ей было назначено оказаться. Ни о каком отъезде у них даже разговора не заходило.

– И я вам благодарен. – Мишель жестом пригласил ее в камеру, из которой только что вышел. – Но раз уж вы здесь, может быть, присядете ненадолго и составите мне компанию?

Наверное, и вежливее, и правильнее сейчас подняться вверх, оставив Мишеля размышлять в одиночестве, понимала Селин. Но он смотрел на нее так ласково, что ей захотелось остаться.

– Мне, – начала она, – надо бы...

– Прошу вас, – перебил ее Мишель. – У меня есть к вам вопрос, который не дает мне покоя.

Селин покрылась гусиной кожей от волнения и, поколебавшись, вслед за Мишелем вошла в камеру. Он жестом указал на каменную скамью, тянущуюся вдоль задней стены, и Селин пристроилась в ее дальнем конце, оставив побольше места для Мишеля. Но полумрак их каким-то образом сближал, и Мишель, видимо, тоже это почувствовав, тотчас отстранился.

– Все в порядке? – спросила Селин, потому что Мишель молчал.

– Что? Да, да. – Он взъерошил пальцами волосы, и Селин заметила, какой у него усталый и изможденный вид. Конечно, в это тяжелое время все так выглядели, но в глазах Мишеля она уловила то, чего не замечала раньше, – некую печаль. Интересно, что ему в этот миг видится в ее лице?

– Вы собирались что-то у меня спросить.

– Да. Пожалуйста, простите меня, если это слишком личная тема, но... – Он замолчал и опять провел пальцами по волосам. – Я хотел спросить о ваших родных.

Сердце у Селин упало. Она была готова к тому, что в какой-то момент люди начнут выспрашивать ее еврейскую родословную, но совершенно не ожидала этого от Мишеля. Однако она жила в его доме, а значит, была обязана ответить правду.

– Да, все так, мой отец еврей, и, хотя мои родители вовсе не были религиозны, я все же, разумеется, считаюсь...

– Нет-нет, – перебил ее Мишель. Даже в темноте было видно, как краска поднимается у него по шее и заливает щеки. – Прошу прощения, я не это имел в виду. Я знаю, что вы наполовину еврейка, Селин, вопрос был, получали ли вы какие-нибудь известия от родных. Как они? В порядке? Я давно о них беспокоюсь, но не знал, как спросить.

Селин, к своему удивлению и смущению, почувствовала, как глаза наполнились слезами, а в горле встал ком. Вновь подняв взгляд на

Мишеля, она увидела в его лице такую бездну тревоги и сострадания, что разрыдалась.

Мишель придвинулся к ней – сначала немного, а потом вплотную, – и, чуть помедлив, обнял ее одной рукой, а она склонилась к нему и продолжала плакать, заливая слезами его плечо. Затем поднялась и, отирая остатки слез, проговорила помертвевшим голосом:

– Простите, пожалуйста. Не... не знаю, что на меня нашло.

– Не извиняйтесь. Я ни в коем случае не хотел вас расстроить.

– Вы не виноваты. Дело в том, что я очень о них тревожусь. От них вовсе нет никаких вестей.

Мишель вздохнул:

– Ох, Селин, этого-то я и боялся.

– Я знаю, что связь сейчас ужасная, но...

– У меня есть друг, – перебил Мишель, и его голос вдруг зазвучал тихо и настойчиво.

– Что?

– Друг, который может устроить, чтобы кто-нибудь проверил, что с ними. Если вы хотите.

Селин моргнула в знак согласия, но Мишель избегал встречаться с ней взглядом.

– Да, конечно, но я бы не хотела никого подвергать опасности.

– Мой друг, – чуть улыбнулся Мишель, – постоянно в опасности.

Но я знаю, что он будет готов помочь.

У нее была сотня вопросов и, может быть, дюжина причин сказать «нет», но вместо того она прошептала:

– Благодарю вас.

– Не стоит, – теперь Мишель смотрел ей прямо в глаза. – Мы все должны заботиться друг о друге, разве не так?

Селин кивнула и потупилась. Она чувствовала на себе взгляд Мишеля и понимала, что он чего-то ждет, но чего?

– А Тео, – спросил он немного погодя, – он волнуется о вашей родне?

Селин озадаченно посмотрела на него:

– Что вы имеете в виду?

– Меня беспокоит его невозмутимость. Такое впечатление, что он живет в каком-то пузыре, – о вине думает, а о том, что происходит в

стране, – почти нет. – Мишель помедлил. – Надеюсь, вы не сочтете мои слова бестактностью.

Селин глянула на него и тут же отвернулась.

– На самом деле я подозреваю, что он мало думает о вещах, которые его прямо не затрагивают. – Даже такое признание заставило ее почувствовать себя предательницей.

– Мне кажется, то же самое происходит и с Инес.

– Она старается, – не сразу ответила Селин. После дневного разговора за проверкой бочек она понимала Инес чуть лучше и считала своим долгом вступить за нее, хотя вполне сознавала, как мало между ними общего.

– Вижу. Но, может быть, она просто не создана для этой жизни, и глупо было с моей стороны ждать, что она переменится. Я ведь знал, на ком женюсь, верно? – Он покачал головой и посмотрел на свои руки. – Простите меня. Ужасно, когда человек говорит такие вещи о собственной жене. И это не значит, что я ее не люблю.

– Понимаю, – прошептала Селин. Это была правда: к Тео она испытывала нечто похожее.

Оба погрузились в молчание, но Селин ощущала его как уютное и приветливое, и это была достаточная причина, чтобы уйти.

– Мне пора возвращаться, – сказала она, поднимаясь со скамьи, – а то Тео забеспокоится. Но спасибо вам, Мишель. От всей души спасибо за вашу доброту. – Селин испытывала благодарность не столько за предложение разузнать о родных, сколько за участие. Она и не догадывалась, как ей этого не хватало.

– *De rien*^[8]. – Он улыбнулся Селин, но, когда она вставала, смотрел на нее печально.

– Доброй ночи, Мишель.

– *Bonne nuit*^[9], Селин. Увидимся завтра.

Через пять минут Селин, поднявшись по лестнице и дойдя при свете луны до их с Тео домика, входила в спальню. Она готовилась объяснить супругу свое долгое отсутствие, но услышала тихое похрапывание. Тео крепко спал и не шелохнулся при ее появлении. До самого утра она неподвижно лежала на спине рядом с мужем и глядела в потолок.

Глава 8

Июнь 2019

Лив

Лив мгновенно подпала под волшебное обаяние Парижа, и поздним утром вторника, шагая по авеню Рапп со свежим багетом, кусочком бри и колбасой, уложенными в холщовую сумку через плечо, уже спрашивала себя, почему не вернулась сюда раньше.

Бабушка Эдит называла это особенное парижское волшебство «глубоким вздохом» – *le grand soupir*. Девочкой Лив только смеялась, а теперь и сама сделала глубокий вдох и выдох в Городе света, и тревоги правда словно бы отступили.

Давным-давно, еще до знакомства с Эриком, Лив представляла, как переедет во Францию, влюбится, найдет причину остаться навсегда. Подобный образ будущего приходил ей в голову чаще иных, возможно, потому, что лето у бабушки во Франции было тем единственным, что оставалось в жизни неизменным. С тех пор как умер отец, мама каждые несколько месяцев заводила себе нового друга, а каждые несколько лет – нового мужа, так что в детстве Лив переезжала в общей сложности семнадцать раз. Бабушка Эдит не отличалась особой теплотой, но когда все вокруг зыбко и непредсказуемо, хорошо иметь дом, в который всегда можно вернуться. Не без удивления Лив обнаружила в себе это чувство спустя столько лет.

За несколько дней в Париже она и думать забыла про Эрика, зато у нее появилась новая причина для беспокойства – бабушка Эдит. Теперь она целыми днями в черном шелковом халате и при полном макияже мерила шагами квартиру. Конечно, бабушка всегда была немного взбалмошной, но такой беспокойной Лив ее еще ни разу не видела.

Она спрашивала, что случилось, но неизменно слышала в ответ «не выдумывай». Может, это и правильно, размышляла Лив, поднимаясь на лифте в просторную квартиру на шестом этаже и вставляя запасной ключ в узорчатый замок. Распахнув дверь, она

увидела, что бабушка Эдит стоит посреди гостиной в идеально сшитом бледно-розовом костюме от Шанель, ее седые волосы уложены в тугий пучок, а губы ровно подведены красной помадой.

– Ну, где ты была? – требовательно спросила бабушка.

– В булочной. – Лив показала на багет. – Подумала, что мы могли бы...

– Ладно, не стой на месте. Бери свои вещи, а хлеб, если тебе так хочется, съешь в поезде. Мы едем в *Ранс*. – Лишь спустя несколько мгновений Лив сообразила, что так по-французски произносится Реймс, один из главных городов Шампани. Лив с Эриком когда-то собирались туда съездить – от Парижа на скоростном поезде это каких-то сорок пять минут, – но так и не собрались, Лив уже не помнила почему. А вот бабушка не упоминала Реймс ни разу.

– Но... зачем?

– У меня там дела. – Видя, что Лив так и стоит на месте, бабушка Эдит недовольно поджала губы. – Оливия, поезд отправляется в 12:58. *Dépêche-toi!*^[10] Нам нельзя опаздывать, машина на вокзал уже ждет.

– Хорошо, – только и сказала совершенно растерянная Лив и поспешила в свою комнату.

– Постой! – Бабушка сняла с себя шарфик – бело-золотой, винтажный, от Шанель, и протянула Лив. Та попросту накинула его на шею, и тогда бабушка нахмурилась и аккуратно его повязала, а потом отступила на шаг полюбоваться на свою работу. – Вот так. Теперь ты выглядишь почти как парижанка.

Не прошло и двух часов, как Лив, промчавшись на скоростном поезде мимо холмов, усеянных фермами и ветряками, и спрятавшихся между ними деревушек, уже стояла в гостиной бутик-отеля на улице Бюрет, посреди роскошного, на две спальни, номера с пушистыми кремовыми коврами на полу, резной позолоченной мебелью и бесчисленными бордовыми подушками.

– Располагайся, – бабушка Эдит показала на левую спальню. Позади нее портье, покраснев от натуги, тащил тяжеленный чемодан «Луи Виттон».

– Выглядит замечательно. А когда мы устроимся, сходим вместе перекусить? – К обеду ведь полагается вино, и Лив надеялась, что после пары бокалов бабушка разговорится и объяснит, зачем их сюда понесло.

– *Non*. Ступай одна, дорогая. У меня разболелась голова, мне надо прилечь.

Только тут Лив заметила, до чего бабушка бледна, – это было видно даже под слоем свежих румян.

– Бабушка Эдит, тебе нехорошо? Помочь?

– Со мной все в порядке. – Бабушка вложила в руку портье несколько монет, и тот удалился, пробормотав «*merci*». – Прощу тебя, Оливия, пойдешь, выпей бокал шампанского. Побалуй себя. – Она чуть улыбнулась Лив, повернулась, вошла в спальню справа и закрыла за собой дверь.

Лив закусила губу. Как быть? Постучаться к бабушке, проверить, как она там? Это, скорее всего, обернется лишь новой порцией попреков в том, что Лив неправильно относится к собственной жизни. Но и оставить бабушку одну, когда ей нездоровится, тоже нельзя.

Лив перетащила чемодан в свою спальню, где высилась громадная, полированное красного дерева кровать с балдахином на столбиках, белоснежным покрывалом и горкой бордовых подушек, таких же, как в гостиной. Тяжелые шторы были раздвинуты, и из окон открывался вид на улицу, на фонтаны с длинными прямоугольными бассейнами, на магазины и отели. Над острыми крышами торчали тонкие трубы, и домики, сложенные из древних каменных глыб, соседствовали с большими несуразными зданиями, выстроенными никак не раньше, чем пятьдесят – шестьдесят лет назад. А надо всем этим высились башни собора, похожего на парижский Нотр-Дам.

На перекрестке над нарядным фонтаном парила бронзовая крылатая женская фигура, а прямо под окном краснел навес маленького кафе.

Не успела Лив его толком рассмотреть, как зазвонил телефон.

Лив взглянула на экран и тяжело вздохнула: мама. Может, не отвечать? Бесполезно, мама будет названивать, пока не дозвонится. И Лив решила ответить, внутренне приготовившись к шквалу вопросов о разводе.

– Привет, мам.

– Привет, дорогая, – прощебетал в трубке мамин голос. – Я собираюсь завтра быть в Нью-Йорке со Стэном. Не хочешь с нами поужинать? У нас билеты в театр на четверг, но я твердо сказала Стэну: ты должен познакомиться с моей дочерью.

Пораженная, что мать даже не обмолвилась об Эрике, Лив только и спросила:

– Извини, а Стэн – это который?

– Адвокат, – рассмеялась мать. – У которого квартира в кондоминиуме Оушен-Сан в Бока-Ратоне.

– А, точно! – Лив была почти уверена, что о Стэне да и о кондоминиуме Оушен-Сан слышит впервые в жизни, но какая разница? – На самом деле, мам, я сейчас не в Нью-Йорке. Я гощу у бабушки Эдит.

– В Париже?

– В Реймсе, если быть точной. Восточнее Парижа, примерно в сорока пяти минутах езды.

Теперь уже мать удивилась.

– А зачем вас туда понесло?

– Сказать честно? Понятия не имею. Бабушка сама не своя.

На другом конце провода послышался смех:

– А разве это плохо?

– Мам, я серьезно. Мне за нее немного тревожно. Она кажется – не знаю – подавленной.

– Солнышко, я уверена, все это ерунда. – Мать принялась что-то рассказывать о том, что произошло накануне в бассейне кондоминиума, но Лив уже не слушала, потому что заметила в окно знакомую фигурку в бледно-розовом костюме от Шанель. Бабушка Эдит бодро вышла из дверей отеля и заспешила куда-то по тротуару. Куда? Разве она не говорила несколько минут назад, что неважно себя чувствует и не собирается выходить?

– Извини, мам, – прервала Лив мать, – мне надо идти.

Мать еще говорила, но Лив уже нажала отбой и устремилась к двери.

Преодолев бегом шесть лестничных пролетов, она вылетела наружу и, все еще тяжело дыша, свернула в ту же сторону, куда ушла бабушка. Но сразу стало понятно, что поиски бесполезны. Улицы были полны народу: одинокие прохожие смотрели в свои телефоны, парочки нежно держались за руки и льнули друг к другу, местные жители выгуливали собак, дети, хохоча, носились невдалеке от родителей. Лив прошла три квартала, потом развернулась и той же дорогой возвратилась на площадь с фонтаном, которую видела из окна.

Заглянула во все магазинчики и ресторанчики по дороге, но бабушку Эдит так и не обнаружила. Попробовала позвонить ей на мобильный телефон – но там, как часто бывало, сразу включился автоответчик. Оставалось только ждать, и Лив медленно побрела к отелю. Перед входом она оглянулась на улицу Бюирет и напонила себе, что бабушка Эдит живет одна и, очевидно, и прежде не раз выходила из дома. Так что причин для беспокойства нет.

В номере Лив достала из чемодана книжку – дурацкий триллер, купленный в аэропорту в Нью-Йорке, – расположилась на диване в гостиной и стала ждать. Она успела проверить почту, пролистать ленту новостей на сайте «Нью-Йорк таймс» и прочитать первые главы книжки, когда в дверь номера постучали. Со вздохом облегчения Лив распахнула дверь, ожидая увидеть там бабушку, вернувшуюся со своей таинственной прогулки и безуспешно пытающуюся нашарить в кошельке ключ.

Однако за дверью стоял мужчина, листая потертую кожаную папку. Он с улыбкой поднял глаза, но при виде Лив нахмурился и смутился.

– *Oh, excusez-moi, ce doit être la mauvaise chambre*^[11], – поспешно проговорил он и сунул папку в сумку, собираясь уйти.

Лив лихорадочно подбирала французские слова – понимала она лучше, чем говорила.

– *Attendez! Э-э-э... Cherchez-vous ma grand-mère?*^[12] Эдит Тьерри?

– *Oui!*^[13] – Мужчина взглянул на нее внимательнее, и его лицо озарила догадка. – Пойдите, – он перешел на английский, – вы не Оливия? Конечно, Оливия! Ваша бабушка показывала мне фотографии.

– А вы?..

– О, простите меня, пожалуйста, мне сразу следовало представиться. – Он протянул руку. – Жюльен. Жюльен Кон.

Посетитель был того же возраста, что и Лив, может, на несколько лет старше. Карие глаза глядели с веселым прищуром, густые черные волосы с проседью, на взгляд Лив, нуждались в стрижке, а волевой подбородок покрывала такая же черная с проседью щетина. Лив пожалала ему руку и спросила:

– А откуда вы знаете мою бабушку?

– Это моя клиентка, я принес бумаги, которые она просила.

– Бумаги? Какие бумаги?

– Я один из ее поверенных. Она говорила, что сегодня приедет, и я обещал прийти во второй половине дня, а она, наверное, забыла.

Лив смотрела на него во все глаза:

– Но зачем моей бабушке поверенный в Реймсе?

– Об этом, я полагаю, лучше спросить у нее самой. – Жюльен улыбнулся настолько очаровательно, что Лив невольно отвлеклась от загадки его визита.

– Если хотите, можете оставить бумаги. Бабушка должна скоро вернуться.

Жюльен нахмурился:

– К сожалению, не могу. Понимаете ли, Оливия, это весьма чувствительные материалы.

– О, да, конечно. – Немного уязвленная, она поколебалась. – Лив.

– Что?

– Меня зовут Лив.

– О, простите меня, пожалуйста. – Снова та же улыбка. – Ваша бабушка всегда называла вас только Оливией.

– Она, – Лив закатила глаза, – вообще не признает уменьшительных имен. Говорит, что это для детей и домашних животных.

Жюльен рассмеялся:

– Очень на нее похоже.

– А вы хорошо знаете мою бабушку?

– Вполне. Наша семейная адвокатская контора работает с ней уже... – да, семьдесят лет. Хотя сам я, конечно, подключился позже.

– Семьдесят лет? – Лив озадаченно заморгала, глядя на Жюльена. – Здесь, в Реймсе?

Он кивнул, провел левой рукой по волосам, затем опустил руку. Волосы как у Патрика Демпси или Джона Стэймоса, у обыкновенных людей таких не бывает. Лив поймала себя на том, что следит взглядом за толстым золотым обручальным кольцом на его безымянном пальце, а подняв глаза, к своему смущению, поняла, что Жюльен тем временем наблюдал за ней. Итак, он принадлежит кому-то другому. Жюльен улыбнулся, и Лив почувствовала, что краснеет.

– Ну... – начал он, а Лив одновременно произнесла:

– Тогда...

Оба расхохотались, Жюльен во второй раз протянул ей руку, и они обменялись рукопожатием на прощание.

– Хотел еще сказать, что был страшно рад в конце концов познакомиться с вами, – проговорил Жюльен, отступая на шаг назад. – Вероятно, мы еще увидимся позже на этой неделе.

– Вряд ли мы долго здесь пробудем.

– *Vraiment?*^[14] – Он недоуменно наморщил лоб: – Вы уверены? По моим сведениям, у вашей бабушки на этот счет совершенно другие идеи.

Глава 9

Сентябрь 1941

Инес

Приближался сезон сбора винограда, и вся Шампань гудела. Урожай ожидался средним и по количеству, и по качеству, но лучше, чем в прошлом году, и это всех радовало. Кроме того, хотя порой казалось, что главная цель герра Клебиша – разорить всех виноделов, как минимум в одном он пошел на уступки – отпустил несколько сот крепких мужчин из трудовых лагерей обратно на виноградники. Очевидно, де Вогюэ все же сумел доказать ему, что при нехватке рабочих рук результат окажется не выше прошлогоднего.

– Хорошо, что людей вернули, – сказала Инес за ранним ужином в среду, накануне первого дня сбора. С тех пор как семь месяцев назад Мишель возвратился домой после недолгого пребывания в тюрьме и заговорил о де Голле и Сопротивлении, они еще больше отдалились друг от друга, и Инес недоставало его, даже когда он сидел прямо напротив. – Может, нам удастся больше быть вместе, когда закончим со сбором винограда.

– Инес, главное не это. – Мишель даже не посмотрел в ее сторону. – Главное, что люди, которых держали в неволе и заставляли работать на Германию, теперь дома и в безопасности. Мы должны благодарить Бога за их освобождение.

– Да, конечно, я понимаю. – Инес почувствовала, как запылали ее щеки. Что она ни скажет в эти дни, все выходит неправильно или бестактно. Она почесала руку. – Мне просто пришло в голову, вдруг у нас теперь, в какой-нибудь из этих дней, найдется минутка для нас двоих. Ведь мы оба все время заняты, и ты так устаешь...

– Инес, мы на войне. Чего ты ожидала? – Мишель отложил ложку и вздохнул. – Прости. Мне просто иногда тревожно, что ты не осознаешь масштабов происходящего.

– Мишель, я не идиотка.

– Знаю. Но вот Селин прекрасно все это понимает, а ты почему-то...

– Сравниваешь меня с Селин, да? – В последнее время, стоило Инес заикнуться о влиянии немецкой оккупации на их жизнь, Мишель, казалось, едва сдерживал раздражение, а вот когда о том же заговаривала Селин, слушал очень внимательно. Мелочи, понимала Инес, но ее все равно это задевало.

– Да ну, что ты! Просто на меня столько всего навалилось...

– Так позволь мне помочь! – Инес сморгнула навернувшиеся слезы. За последние месяцы она твердо усвоила: плакать перед Мишелем нельзя. Теперь он больше не пытался ее утешать и лишь сердито отворачивался. А ей хотелось всего лишь донести до него простую мысль: «Мишель, я – твоя жена, мой долг и мое желание – разделить с тобой твою ношу».

– Извини, Инес. – Он резко встал. – Мне надо кое-что проверить.

– Но, – пролепетала она, – ты даже не доел ужин.

– Я не голоден, – ответил Мишель, хотя это было странно: продуктов становилось все меньше, а их качество ухудшалось. В сельской местности, к счастью, можно было хотя бы выращивать овощи, разводить кур и кроликов, но и здесь поесть досыта не удавалось. – Вернусь в погреба, ложись без меня.

И исчез, прежде чем она успела произнести хоть слово. Инес молча доела свой суп, потом, чуть поколебавшись, прикончила и остатки супа Мишеля. Моя и перетирая посуду, она глянула на часы, висевшие на стене, – дедовские напольные утащили немцы, когда грабили дом, а эти, недорогие, их не заинтересовали. Без пяти семь, еще довольно рано. Стемнеет только через час, Мишель ушел в погреба, по-видимому, на весь вечер, и ей снова придется коротать время в одиночестве. Это казалось несправедливым: в конце концов, не он один страдает от тягот войны и тревожится о судьбе своего дела.

Инес отложила посудное полотенце, расправила юбку и приняла решение. Она поедет в Реймс и переночует у Эдит. Что тут страшного? До главного города Шампани каких-то шестнадцать километров, а Инес не бывала там много месяцев – дел по горло, и все срочные, да и Мишель не любил отпускать ее одну. Но если он намерен и дальше обращаться с ней как с бесполезным существом, то лебезить перед ним, выпрашивая себе занятие, она не собирается. Кроме того, Инес страшно стосковалась по своей лучшей подруге, а еще больше – по

прежней жизни, до того, как Эдит с Эдуаром поженились и взяли ее с собой в Шампань. До того, как все стало так сложно.

Боясь передумать, она бросилась вверх по лестнице, набросила на себя первое попавшееся под руку приличное платье – красное, с рукавами-крылышками и длинной, до середины икр, юбкой-трапецией, купленное в 1938 году, перед самым отъездом из Лилля, – и черные туфли-лодочки на пятисантиметровых каблуках. Дольше часа в них не погуляешь, зато Инес помнила, как они притягивали к себе мужские взоры, и хотела, чтобы сегодня на нее смотрели так же. Мишель давно уже не глядел на нее с восхищением.

Взяв карандаш для глаз, она прочертила на обеих ногах линию там, где находились бы швы, будь она в чулках. Подвела черной тушью брови и ресницы, тронула губы красной помадой, хотя запасы всего этого были на исходе. О стрижке не приходилось и мечтать, так что Инес лишь подрезала кончики. И, прихватив свою черную сумочку, спустилась по лестнице и вышла через заднюю дверь.

– Мишель! – окликнула она мужа от входа в погреб. Ответа не было, а терять время на поиски того, кто не желает, чтобы его нашли, Инес не собиралась. Спустя пять минут она, оставив на обеденном столе записку, выходила из парадной двери с ключами от ситроена в руке.

– Инес?

Навстречу ей в сторону главного дома шла Селин.

– О, добрый вечер!

– У вас все в порядке? Куда вы едете?

– В Реймс, – ответила Инес, не сбавляя шага, и взглянула на небо. Солнце уже опустилось совсем низко, надо было поторопиться, чтобы успеть до темноты.

– *В Реймс?* – переспросила Селин так, как будто Инес собралась в Берлин. – А зачем?

– Повидаться с Эдит. – Инес открыла ситроен Мишеля, села в него и захлопнула дверцу.

Селин подошла к окошку и подождала, пока Инес опустит стекло.

– Эдит?

– Моя лучшая подруга. Вы ее помните? Это она познакомила меня с Мишелем.

– Конечно, я ее знаю, – сказала Селин, глядя на Инес как-то странно. – Но ведь машина с утра понадобится Мишелю и Тео, они должны ехать на сбор винограда!

– Утром я вернусь. – Инес повернула ключ, мотор ожил и заурчал, но Селин не уходила. – Да? Что еще?

– Вы уверены, что это безопасно? Повсюду заставы и патрули...

Инес слышала, что немцы то и дело перекрывают дороги, останавливают все машины, проверяют у водителей документы и спрашивают, по какому делу они едут. Но ей нечего было скрывать. Документы были в полном порядке и аккуратно лежали в сумочке.

– Все будет в порядке, Селин. Увидимся завтра.

Селин, закусив губу, отошла в сторону. Инес задним ходом выехала из ворот и перед тем, как нажать на газ, взглянула в зеркало. Селин неподвижно стояла на прежнем месте и смотрела ей вслед.

Спустя сорок минут, когда ситроен ехал уже по окраине Реймса, а небо теряло голубизну, Инес поняла, что Селин предупредила ее не зря. Самых блокпостов не было, зато то и дело попадались грохочущие грузовики и сверкающие черные легковушки, из которых угрожающе поглядывали немецкие военные. От Орма до въезда в Реймс ей не встретилось ни одного штатского француза.

Тем не менее она без происшествий успела добраться до брассери «Мулен» на пересечении улиц Тиллуа и Пуассонье, прежде чем совсем стемнело. Найти место для машины позади заведения ничего не стоило – людей на улицах почти не было, многие дома, очевидно, пустовали, а шторы в витринах и окнах квартир были плотно задернуты. Похоже, не стоило ей сюда приезжать, тем более на ночь глядя, но раз уж она здесь оказалась, Эдит и Эдуар в случае чего за нее поручатся.

Успокоившись, Инес толкнула входную дверь, но едва заглянула в помещение, как тревога вернулась.

Несмотря на приближение комендантского часа зал был полон, туда-сюда сновали официанты, то и дело раздавались взрывы грубого хохота. Спустя еще секунду до Инес дошло, что почти все мужчины в зале – в немецкой военной форме.

Четверо солдат за столиком, ближайшим к двери, прервав на полуслове свой разговор, уставились на Инес, и она почувствовала, как краска заливает щеки.

Она перепутала дверь? Инес провела ногтями по левой руке от запястья к локтю, окинула глазами зал и убедилась, что это действительно заведение Эдуара, но во что же оно превратилась! У нее засосало под ложечкой.

– Инес? – С другого конца зала к ней спешила Эдит – с начесанными завитыми волосами, покрашенными красной помадой губами и в бледно-зеленом платье с иголки. Подойдя, она взяла подругу за локоть и повела прочь от двери.

– Что случилось, – прошептала она на ходу, – почему ты здесь? И улыбайся, пожалуйста! Делай вид, что весело проводишь время.

– Что? Зачем? – Инес перехватила взгляд немецкого офицера, который подмигнул ей, при том что его рука лежала на плечах у пышногрудой красотки в облегающем платье.

– У тебя вид, как у кролика, угодившего в свет фар. *Guten Abend!* [15] – Эдит, впившись ногтями в руку Инес, приостановилась у столика, за которым сидели офицеры в парадных мундирах, и озарила их фальшивой улыбкой.

Пройдя через зал в кухню, а затем во внутренний холл, подруги поднялись по лестнице в квартиру, располагавшуюся над рестораном. Эдит подождала, пока Инес закроет дверь, и лишь после этого повернулась к ней – глаза совершенно круглые, а лицо белее мела.

– Что ты здесь делаешь, Инес?

Потрясение Инес сменилось возмущением:

– А ты что? Развлекаешь немцев? Даже разговариваешь с ними по-немецки?

Лицо Эдит дернулось:

– Иначе пришлось бы закрыться, а мы не можем себе это позволить.

– Боже мой. – Инес покачала головой. – Вы с Эдуаром, – она перешла на шепот, – *коллаборационисты*? – Это не укладывалось у нее в голове, но никакого другого объяснения она не могла себе представить.

– Нет! – Эдит взяла ее за руку. – Но разве у нас есть выбор? Разве ты не видишь?

– Я вижу, что ты служишь врагу.

– Ну, а лучший способ побить врага – это стать его другом, разве не так?

– Что ты говоришь?

– Так зачем ты все-таки приехала, Инес?

Инес стало обидно: совсем недавно ее бы приняли в этом доме без вопросов.

– Повидаться с тобой, Эдит.

Эдит стиснула ее руку:

– Пожалуйста, побудь тут, пока не закончится обслуживание. Тогда мы с Эдуаром все тебе объясним.

Инес уселась ждать на потертый синий диван, но вскоре ее веки отяжелели и она не заметила, как задремала. Когда Эдит потрясла ее за плечо, шел уже двенадцатый час – ресторану следовало закрыться намного раньше.

Открыв глаза, Инес увидела, что Эдит сидит рядом с ней на диване, а Эдуар – в кресле напротив.

– Инес, – Эдуар хмуро смотрел на нее и не стал дожидаться, пока она полностью придет в себя. – Вас кто-то послал?

– Меня? Да мне собственный муж бутылок в руки не дает – слишком я неловкая и неосторожная. И вообще ненадежная. Он не говорит этого вслух, но я знаю, что он так думает. Так что нет, Эдуар. Никто меня не посылал.

– Тогда почему вы здесь? – Губы Эдуара сжались, а ниточка усов над ними показалась Инес еще тоньше, чем в прошлый раз. Да и в остальном он, пожалуй, выглядел иначе: зализанные назад волосы, бледная кожа, черный костюм делали его почти карикатурой на французского метрдотеля.

– Мне... – Инес взглянула на Эдит, – мне надо было повидать подругу. – Теперь она заметила, что Эдит тоже переменялась: кожа бледнее, чем прежде, волосы короче, ногти обкусаны до мяса. – Но я не ожидала найти у вас полный зал нацистов.

Эдуар и Эдит переглянулись.

– Я должна ей сказать, – тихо проговорила Эдит.

– Я против. – Эдуар опять пристально посмотрел на Инес.

– Что сказать? – спросила Инес, хотя с тем же успехом могла и промолчать.

– Мы можем ей доверять, – сказала Эдит Эдуару. – Я в этом уверена. Она никогда меня не выдаст. Она моя лучшая подруга.

Эдуар нахмурился, смерил Инес еще одним долгим взглядом и повернулся к Эдит.

– Хорошо. – Он поднялся и кивнул Инес. – Я устал за день. Иду спать. – И, не оборачиваясь, вышел из комнаты.

Наступила тишина, и Эдит медленно повернулась к Инес. Женщины долго смотрели друг на друга, и Инес сказала себе, что не заговорит первой.

– Ты слышала о Жаке Бонсержане? – резко спросила Эдит, нарушив молчание.

Инес нахмурилась:

– Он учился с нами в школе в Лилле?

– Нет. – Эдит опустила глаза и взглянула на свои руки. – В ноябре он был с друзьями в Париже, и немецкий офицер, очень пьяный, налетел на них и схватил одну из женщин в их компании, новобрачную, у которой накануне была свадьба. Муж бросился ее защищать, ударил немца, сбил его с ног и убежал. Бонсержан остался и попытался помочь немцу подняться.

– Боже! Ты знаешь этого месье Бонсержана?

– Нет, никогда его не видела. Пожалуйста, не перебивай, слушай дальше. На допросе Бонсержан отрицал, что ударил офицера, а назвать имя друга отказался. Через несколько недель его приговорили к смертной казни.

– Решили попутать?

– Нет. За два дня до Рождества приговор привели в исполнение.

Инес тяжело сглотнула. Зачем Эдит рассказывает ей такие вещи?

– Но... это ужасно.

– Для многих из нас, тех, кто молчал и старался не вмешиваться, это стало поворотным моментом. – Эдит встретилась взглядом с Инес. – Инес, я могу тебе доверять?

– Эдит, мы как сестры.

– Знаю. Знаю. – Эдит снова принялась рассматривать свои руки. – Понимаешь, Инес, мы с Эдуаром поняли, что не можем оставаться в стороне и ничего не делать. Дальше стало еще хуже. Ты слышала о немецком офицере, который был убит в парижском метро в прошлом месяце? Немцы не сумели поймать убийцу и в отместку расстреляли трех человек, выбранных наугад.

– Что?

– Как вижу, ты не слушаешь Би-би-си.

– Это запрещено. – На самом деле Инес вообще не следила за новостями, даже за теми, которые распространяли немцы: все это было слишком удручающим. Что еще она пропустила?

Эдит грустно улыбнулась:

– Как говорил маршал Фош, побежденные отступают перед победителями только потому, что пали духом и не верят больше в победу, только потому, что их моральное сопротивление подавлено. Если мы примем то, что делают с нами немцы, Инес, это будет началом конца. Мы должны дать отпор.

– Отпор? Но что мы можем сделать? Власть у немцев. Лучше просто опустить голову и...

– И что? – прервала Эдит. – Позволить им убивать невинных людей?

– Но это единичные случаи.

– Не обманывай себя, это последовательная политика. Как и законы правительства Виши о евреях. Ты понимаешь, что поставлено на карту?

– Конечно. – Но на самом деле Инес растерялась. Что она – или Эдит, или даже Эдуар – может сделать, чтобы остановить войну?

– Тогда тебе должно быть ясно, почему мы не могли оставаться безучастными. – Эдит наклонилась вперед и обеими руками схватила руки Инес. – И если ты кому-то скажешь об этом хоть слово, нас с Эдуаром арестуют и, возможно, даже убьют.

– Хоть слово о чем? Эдит, ты меня пугаешь.

Эдит молчала, пока Инес не посмотрела ей прямо в глаза, после чего заговорила, медленно и четко:

– Подруга, мы сопротивляемся. Мы сражаемся за Францию.

– Но ведь вы, – Инес моргнула, – обслуживаете немцев! Разве это сопротивление?

– Вино развязывает язык. – Эдит отпустила руки Инес и откинулась назад. – А это значит, что немцы иногда разбалтывают секреты. Мы улыбаемся, стараемся им всячески угодить, и всегда – всегда, Инес, – прислушиваемся к тому, что они говорят.

– Но кому вы передаете эти секреты?

Эдит откинулась на спинку кресла и взглянула на Инес:

– Чем меньше подробностей ты будешь знать, тем лучше.

Инес почувствовала укол разочарования: подруга, как и Мишель, доверяла ей лишь отчасти. Эдит поднялась и зевнула:

– Я устала за день, Инес. Уверена, что и ты тоже. Пошли спать? В твоей старой спальне все как раньше. Увидимся утром.

– Но...

– Тогда и поговорим. – И Эдит вышла.

Той ночью Инес долго не могла заснуть. Она лежала в кровати, где спала до того, как она вышла замуж за Мишеля, и глядела в потолок, ощущая себя одинокой как никогда. Приехала поделиться с Эдит сомнениями насчет себя и Мишеля и спросить у нее совета, а подруга оказалась вовлеченной в дела, гораздо более важные и опасные, чем Инес могла вообразить. На этом фоне ее личные проблемы выглядели глупыми, ребяческими.

Проваливаясь в беспокойный сон, она спрашивала себя, почему Эдит решила сопротивляться, а ей, Инес, всего лишь хочется жить так же, как до войны. Не совершает ли подруга ошибку? Или ошибается Инес, считая, что не обязана защищать Францию? Но в одном Инес была уверена – что сохранит тайну Эдит. Иначе какая же она подруга?

Глава 10

Сентябрь 1941

Селин

Ранним утром следующего дня Тео и Мишель отправились на виноградник Кло-Ванье в ближней деревне Экей наблюдать за первыми часами сбора урожая. Инес еще была в Реймсе, поэтому их повез старый винодел Анри Бове, ветеран Великой войны, когда-то друживший с отцом Мишеля. Селин тоже хотела ехать, но Тео ее не поддержал, а Мишель стал отговаривать. В последнее время он то и дело повторял, дескать, ей безопаснее оставаться дома. Селин и сама все понимала, но невозможность отлучиться с территории «Мезон-Шово» тяготила ее все больше. Прошел почти год с выхода первого «Статута о евреях» и три месяца с выхода второго, по которому евреям запрещалось заниматься банковским делом, операциями с недвижимостью и многим другим, а местные власти получали право помещать их в лагеря для интернированных за нарушение новых ограничений. Формально Селин по-прежнему считалась христианкой, но все понимали: петля затягивается все туже.

– Здесь от меня никакой пользы, – пыталась возразить Селин.

– Знаю, – мягко ответил Мишель, – но вокруг нас многие сочувствуют немцам, а кое-кто из местных завидует нашему успеху. Пожалуйста, не ездите никуда. Понимаю, я слишком много прошу, но я хочу вас уберечь.

Тео одобрительно хмыкнул, и мужчины, не дожидаясь ответа, ушли.

Мало того, что Селин не попадала на сбор урожая – уже само по себе наказание, – так еще и эта Инес, стопроцентная католичка, укатила в Реймс к подруге, не думая ни о работе, ни о неудобстве, которое доставила Мишелю и Тео, забрав машину. Селин пыталась ей сочувствовать, но все-таки – как можно быть такой эгоисткой?

Примерно час Селин заставляла себя прибираться по дому, а потом сдалась и направилась к двери, ведущей в подвал. Погреба всегда служили ей утешением.

Она взяла лампу и пошла вниз по лестнице, поеживаясь от подземного холода. Здешняя тишина действовала как целебный бальзам. Под землей Селин могла побыть наедине со своими мыслями, – а сейчас все они были о семье.

Накануне она наконец получила письмо от отца, которое доставил таинственный друг Мишеля, – видимо, он путешествовал по всей зоне немецкой оккупации, доставляя и собирая сообщения, – и с облегчением узнала, что отец и дед с бабкой не арестованы и не депортированы. Однако всем троим пришлось зарегистрироваться как евреям и отцу запретили работать на винодельне, которой он руководил тридцать лет, так что некоторые опасения Селин подтвердились.

«Сейчас опаснее всего, – писал отец, – ситуация с бабушкой и дедушкой, и я очень за них тревожусь. Они родились в Польше, и французское правительство, боюсь, больше не считает их французами. Сейчас они в безопасности, но надолго ли? Я беспокоюсь о нас всех, но знаю, моя дорогая, что о тебе Тео позаботится, и это меня утешает. Настали ужасные времена, молюсь, чтобы тьма скорее рассеялась».

В ответном письме, отправленном с тем же другом Мишеля, Селин, чтобы успокоить отца, рассказывала о жизни в Шампани легко и весело, дескать, тут все по-прежнему замечательно, поскольку не хотела, чтобы он переживал еще и за нее. Напиши она, что видела развешанные по городу карикатуры на евреев с чудовищными крючковатыми носами, отец бы перепугался. Именно по его совету она перебралась к Тео, а теперь боялась, что будет сожалеть об этом до конца жизни.

Селин спускалась все глубже, и ее шаги отдавались эхом в прохладных меловых пещерах. Вот 1939-й и 1940-й, первые два урожая военных лет. А вот здесь полагалось быть шампанскому блан-де-блан урожая 1936 года, с которым Тео экспериментировал в 1938-м, но его нет – что не было спрятано, давным-давно реквизировано немцами. Хотя Селин знала все запутанные извилистые коридоры как свои пять пальцев, в эти дни она иногда чувствовала себя так, как будто заблудилась, – до такой степени пустота изменила облик погребов.

– *Bonjour!* – Со стороны лестницы, гулко отдаваясь в коридорах, донесся незнакомый мужской голос с выраженным немецким

акцентом. Селин обмерла. – Эй, кто там внизу?

Кровь застыла у Селин в жилах. Она быстро погасила лампу, ее сердце бешено колотилось.

– Меня не проведешь. – Эхо низкого голоса разнеслось по погребам. – Твоя лампа только что погасла, и я точно знаю, где ты. – Голос звучал вкрадчиво, с придыханием, а тон был развязным.

Мысли Селин заметались. Погребов тянутся на многие километры, уходя все глубже в землю под Виль-Домманжем, но попробуй она скрыться, ее неизбежно выдаст звук шагов, да и свет лампы, которую придется снова зажечь, чтобы найти дорогу. Теперь, когда немец знает, что она здесь, от него не спрятаться. Но что ему нужно?

– Даю тебе шестьдесят секунд. Выходи! Или буду стрелять.

– Пожалуйста, не надо, погодите! – крикнула в ответ Селин, и подлое эхо усилило нотки страха в ее голосе. Она была в ловушке: – Я иду. Я ничего плохого не делала.

Чтобы не сделаться слишком легкой мишенью, зажигать лампу Селин не стала. Торопливыми шагами она пошла в сторону лестницы и, дважды споткнувшись по дороге, поднялась по ступенькам на яркое утреннее солнце.

– Так-так, – хмыкнул немец, – это ты, я так и думал. – Теперь, когда они оказались лицом к лицу, Селин его тоже узнала. Это был тот самый офицер, который командовал ограблением Виль-Домманжа в июне 1940-го: широкоплечий, с усиками карандашом и темными глазами-бусинами. Но на лицо она взглянула лишь мельком, поскольку не могла оторвать глаз от пистолета в его правой руке. Ствол пистолета был направлен прямо в сердце Селин; до сих пор никто еще не целился в нее в упор.

– Не хочешь мне что-нибудь сказать? – Немец явно издевался. – Я думал, французы вежливые. Разве у вас не принято говорить при встрече «добрый день» даже незнакомому человеку? Ну, а мы-то знакомы, верно? Мы старые друзья.

– Д-добрый день, – выдавила Селин, не отрывая глаз от пистолета.

– Селин, если не ошибаюсь? Или правильнее называть тебя мадам Лоран?

– Да, – еле слышно пролепетала она в ответ. – То есть да, я мадам Лоран.

– До чего же ты нервная, как я посмотрю!

– Вы... вы же наставили на меня пистолет.

Немец вдруг расхохотался, но не весело, а угрожающе. Но пистолет все же опустил, хотя в кобуру не убрал.

– Итак. – Смех оборвался так же внезапно. – Чем ты тут занималась? Когда женщина в одиночку спускается в погреба, это уже подозрительно, а ты еще и погасила свет, как только услышала мой голос. Почему? Что ты задумала? Ты что-то прячешь?

– Нет, ничего. – Селин сложила руки в умоляющем жесте. – Клянусь, я просто... Вы меня перепугали.

– Извинений мне не надо. Мне надо знать, что ты делала там, внизу.

– Просто... просто побыть в одиночестве.

– В одиночестве?

– Да.

– Да, *господин гауптман*, – поправил ее офицер, – обращай ко мне как положено.

– Да, господин гауптман, – быстро произнесла Селин.

– Теперь объясни, что это значит. Какое отношение имеют погреба к одиночеству?

Селин должна была сказать правду.

– Я тоскую в разлуке с родными. А мой отец, сколько я себя помню, работал на винодельне в Бургундии. Он делает – делал – вино, и когда я чувствую себя особенно одинокой...

– С какой целью ты здесь? – перебил немец, и Селин сообразила, что бормочет себе под нос.

– В погребах я чувствую себя ближе к отцу. Они напоминают мне дом, который я, может быть, больше не увижу.

Немец принялся рассматривать Селин, и глаза его потемнели. Наконец он убрал пистолет в кобуру, и Селин облегченно расправила плечи.

– Спускаться в одиночестве в погреба – подозрительное действие, особенно для женщины. Нам известно, что там ведется подрывная деятельность против фюрера. Совсем недавно, на прошлой неделе, мы раскрыли в Аи подпольную типографию. Человек печатал у себя в винном погребе листовки. Знаешь, что с ним стало?

Селин покачала головой, боясь, что угадала.

Офицер широко улыбнулся, оскалив острые, словно звериные, зубы, и, глядя Селин прямо в глаза, наставил на нее, как пистолет, большой и указательный пальцы правой руки.

– Мы расстреляли его, мадам. И если я когда-нибудь застану тебя одну в погребках...

– Поняла. Господин гауптман.

Офицер не шелохнулся и не отвел тяжелого взгляда.

– Ты, – его губы презрительно искривились, – упомянула об отце. Он у тебя еврей, верно?

Внутри у Селин все перевернулось, и пришлось собрать все свое самообладание, чтобы держаться спокойно.

– Да. – Отрицать не было смысла, немец наверняка все уже знал. Селин слышала, что германская комендатура ведет учет очень аккуратно.

– Ни за что бы не догадался, в тот раз. А сейчас вижу. А ты очень хорошенькая для еврейки.

Селин почувствовала, как вспыхнули щеки, не то от страха, не то от смущения. Она промолчала, а офицер прищурился:

– Я только что сделал тебе комплимент. В ответ ты должна меня поблагодарить.

Селин сглотнула:

– Благодарю.

– Прекрасно. Теперь вот еще что. Вряд ли мы были представлены друг другу как полагается. А ведь тебе, мадам Лоран, следовало бы знать мое имя. Особенно если нам предстоит стать друзьями.

– Друзьями?

Офицер вновь хохотнул – все тем же рассчитанным, лишенным веселья смехом.

– Мне кажется, в нынешние времена тебе пригодится такой друг, как я. Ты должна считать за честь для себя, что я вообще думаю насчет дружбы с *еврейкой*. – Последнее слово он точно выплюнул.

Селин не знала, что на это сказать, и просто кивнула.

– Итак, я Рихтер. Гауптман Рихтер, на вашем недоязыке – капитан Рихтер. А теперь, – тут немец снова прищурился, – скажи мне, что тебе очень приятно со мной познакомиться.

– П-п-приятно познакомиться с вами, гауптман Рихтер.

– Хорошо, хорошо. Ты учишься. – Он придвинулся ближе, так что Селин ощущала теплоту его дыхания. – Так вот, мадам Лоран, я убежден, что никогда не застигну тебя за чем-либо неподобающим, поскольку мне противна мысль о том, что ты попадешь в трудовой лагерь. Условия там не лучшие. Поняла?

– Да, господин гауптман.

– Отлично. – Рихтер протянул левую руку и потрогал пальцем завиток волос над ее правым плечом. Селин застыла на месте: прикосновение было отталкивающим, пугающим. – Я послежу за тобой, мадам Лоран. – Он посмотрел ей прямо в глаза: – *Селин*. – И, не отводя взгляда, положил руку на ее правую грудь, прикрытую лишь тонким слоем ситца. Селин задержала дыхание, чтобы ее не вырвало, а немец лениво провел пальцем вокруг ее соска и улыбнулся: – Да, обязательно послежу.

Он сел в свой сверкающий черный автомобиль и уехал, а Селин еще долго стояла закоченев, точно ударенная морозом виноградная лоза.

Рассказывать Тео о встрече с Рихтером Селин не спешила: не хотелось ко всему прочему еще и попреков мужа, что сама виновата, ведь женщина, разгуливая в одиночку по погребам, неизбежно вызывает подозрения. Мишель с Тео вернулись с виноградника на редкость довольные, и Селин лишь кивала, когда они, перебивая друг друга, рассказывали о небывалом сборе первого дня. Может быть, думалось ей, раз мать-природа наконец улыбнулась виноделам, война тоже приутихнет, откатится, как волна, и унесет Рихтера с его солдатами куда-нибудь на восток.

– Дела меняются к лучшему, Селин, совершенно точно, – говорил Тео, улыбаясь жене. – Правда, Мишель? Нас ждут хорошие времена, ты ведь тоже так считаешь?

– Дай бог, – ответил Мишель и посмотрел на небо. – Надеюсь, в этом году мы сможем подняться на ноги.

Сразу после мужчин вернулась Инес, в облаке пыли и вонючего дыма от эрзац-бензина, на котором теперь ездил ситроен Мишеля.

– Здравствуйте, – произнесла она с виноватым видом, обращаясь ко всем сразу и никому не глядя в глаза. – Простите, что припозднилась. Как сегодняшний сбор?

– Где ты была? – тихо и холодно спросил Мишель.

– Я оставила записку. Разве ты ее не прочел?

Вместо ответа Мишель взял ее за локоть и повел в дом. Дверь за ними захлопнулась.

– Интересно, что она ему объяснит, – пробормотал Тео.

Из дома доносился разговор на повышенных тонах, в отрывистых репликах Инес звучала обида.

Селин молча покачала головой.

– Что-то ты притихла сегодня, – сказал Тео по дороге к флигелю и потянулся взять ее за руку. Селин инстинктивно отпрянула – о чем тотчас пожалела. Она все еще чувствовала себя грязной после прикосновений Рихтера.

– Сердишься, что мы не взяли тебя на виноградник, – предположил Тео. – Но, Селин, ты же знаешь, что это делается ради твоей безопасности.

– Думаешь, здесь я была в большей безопасности?

– А разве нет? – Тео пристально посмотрел на жену, потом повернулся, чтобы отпереть дверь. Он вошел первым, Селин последовала за ним.

– Нет, – сказала она сдавленным голосом, закрывая дверь.

– Что ты имеешь в виду?

– Пока вас не было, сюда приезжал немецкий офицер.

Глаза Тео расширились от изумления.

– Тот самый, который грабил наши погреба в начале оккупации. Гауптман Рихтер – так его зовут.

– Это невозможно. Те солдаты, их всех перевели в другие места, когда немецкая армия продвинулась на юг и на запад. Чтобы остаться, он должен был бы действовать через голову начальства, но зачем?

– Я могу это объяснить. – В глазах Селин вспыхнула ярость. – Но ты еще не знаешь главного: ему... ему известно, что мой отец еврей. И он, – Селин поколебалась, – он лапал меня, Тео.

Тео моргнул.

– Как лапал?

– Трогал за грудь.

Тео наморщил лоб:

– Я уверен, это случайность.

– Нет. Я знаю разницу.

– Ну. – Он провел рукой по волосам. – А чего ты ждешь от меня? Чтобы я пошел в немецкую комендатуру и подал жалобу?

– Я надеялась, ты меня пожалеешь. И встревожишься.

– Конечно, я встревожен. – Тео поколебался. – А как это случилось? Он постучал в дверь?

Селин подумала было солгать, но не стала.

– Нет. Я ходила вниз.

В комнате внезапно стало так тихо, что было слышно, как под полом скребется кто-то крохотный, наверное мышь.

– В погреба, – бесцветным голосом произнес Тео.

– Я спускалась туда ненадолго. Чтобы подумать.

– А ты не можешь думать здесь?

– Здесь я задыхаюсь, как ты не понимаешь! Меня угнетают эти стены, твое отношение, ограничения и все то, что изменилось в нашей жизни с приходом войны. Мне просто надо было успокоиться.

– Ты женщина, – Тео опять нахмурился, – и находилась в погребах одна, без сопровождения. Нельзя было подвергать «Мезон-Шово» такой опасности. Подумай, если бы он заподозрил, что мы что-то прячем под землей, – что бы тогда с нами стало? И это после всего того, что сделал для нас Мишель?

– Да дело не в Мишеле. – Селин едва сдерживала слезы.

– Но ты не должна...

– Дело во мне! Я твоя *жена*, Тео!

Тео помедлил, затем лицо его чуть смягчилось. Он шагнул к Селин, обнял ее, прижался лицом к волосам.

– Прости меня.

Селин застыла.

– Конечно, мне очень жаль.

– Знаю, – ответила Селин в мускулистую грудь мужа, радуясь, что так не слышно дрожи в ее голосе.

На рассвете, пока Тео загружал ситроен, во флигель постучал Мишель.

– Селин, – сказал он еще до того, как она успела ответить, – если вы еще не одеты, мы можем переговорить позже.

Селин открыла дверь и неуверенно улыбнулась. В последнее время она мало заботилась о своей внешности, хотя и знала, что Тео этим обеспокоен. Но накануне вечером тщательно вымылась, чтобы

стереть с себя всякое воспоминание о руке Рихтера, и теперь ее волосы лежали красивыми волнами, а лицо сияло свежестью и чистотой. На ней были рабочие сапоги и старое просторное платье: она собиралась заняться огородом при флигеле.

– Мишель, заходите, я одета. Я не спала.

– Я тоже. Тео рассказал мне, что случилось.

– Я очень перед вами виновата. – Селин опустила голову. – Мне не следовало подвергать винодельню опасности.

– Селин, меня волнует не винодельня, а вы. Я тревожусь о вас и пришел сказать, что виноват перед вами.

– В чем?

– В том, что забрал с собой Тео и оставил вас одну. Я думал, что поступаю правильно, что дома вы будете в безопасности, а теперь вижу, что, наоборот, лишил вас защиты. Надеюсь, вы примете мои извинения.

– Мишель, вам не за что извиняться. Мне действительно нельзя было спускаться в погреба, поверьте, Тео мне это объяснил.

– Лучше бы не объяснял. – Мишель нахмурился и взглянул через плечо в сторону гаража. Капот ситроена был поднят, и Тео осматривал что-то внутри. – Это ваш дом. Я просто не хочу, чтобы вы оказались в опасности. И даю вам слово, Селин, что сделаю все возможное для вашей защиты.

Именно эти слова ей хотелось услышать накануне от Тео.

– Благодарю вас, – только и смогла она ответить.

– Сегодня здесь с вами будет Инес. Может быть, в ее компании вы будете ощущать себя в большей безопасности. Теперь, – голос Мишеля стал напряженным, – она поняла, что ситроен мне нужен.

– Благодарю вас, Мишель, – прошептала Селин, когда он повернулся, чтобы выйти. – За то, что беспокоитесь обо мне.

Мишель оглянулся с грустной улыбкой:

– Все будет хорошо, Селин, обещаю. Мы вместе.

Поздним вечером, когда свет был погашен, супруги улеглись в постель и Тео навалился на Селин всем весом, она закрыла глаза и попыталась мысленно уплыть в другое время и место. Но когда Тео, рыча, проник в нее и стал покрывать ее подбородок и щеки жадными сухими поцелуями, она вдруг увидела перед собой лицо Мишеля, а в

ушах зазвучал его голос, обещающий защиту. Сможет ли он сдержать слово?

Смутившись, Селин заставила себя открыть глаза и крепче обхватила руками спину Тео.

Глава 11

Июнь 2019

Лив

Лив проснулась посреди ночи, разбуженная громким смехом в холле за дверью номера. Тут она поняла, что задремала на кушетке в гостиной, и, в испуге вскочив, ошупью добралась до спальни бабушки Эдит. Дверь была закрыта, Лив, стараясь не шуметь, открыла ее и увидела, что бабушка крепко спит среди пухлых белоснежных подушек. Очевидно, она вернулась, пока Лив дремала, и не стала ее будить.

Лив осторожно прикрыла дверь, на цыпочках прошла в свою спальню, но, умывшись и переодевшись в пижаму, еще долго не могла заснуть – так велико было ее раздражение по поводу таинственного исчезновения бабушки.

– Где ты была вчера вечером? – спросила ее Лив наутро, когда та, уже полностью одетая, вышла в гостиную. Было около десяти часов.

Бабушка подняла глаза на Лив.

– Следи за своим тоном, Оливия, – мягко одернула она. – Разве ты забыла, что я взрослая женщина, имеющая право ходить куда и когда мне заблагорассудится?

– Разве я возражаю? – Лив прекрасно понимала, что говорит как упрямая девочка-подросток. – Я просто о тебе беспокоилась. Ты сказала, что тебе нездоровится, а потом исчезла.

– Ну, мы во Франции очень верим в целебную силу моциона.

– Но ты не сказала мне, что уходишь.

Бабушка распахнула дверцу маленького холодильника.

– Мне казалось, ты и сама это сообразишь, когда увидишь, что меня нет в номере. А я вижу, ты даже не потрудилась за все это время сходить на рынок. А стоило бы.

– Хочешь, я сбегаю в бакалею?

– Во-первых, слово «бакалея» тут давно не говорят. – Бабушка Эдит закрыла холодильник. – Во-вторых, ты имеешь в виду, что

вообще не выходила из гостиницы? В город, где никогда не была раньше?

– Я хотела быть здесь, когда ты вернешься. – Лив смерила бабушку свирепым взглядом. – Кстати, тут заходил твой поверенный с какими-то бумагами.

– Мой поверенный? – Бабушка вскинула голову.

– Наконец-то реагируем, – пробормотала Лив и продолжила громко, обращаясь к бабушке: – Да, Жюльен Кон. Это правда, что его юридическая фирма сотрудничает с тобой семьдесят лет? В Реймсе – городе, о котором ты при мне никогда не упоминала? Может быть, ты хочешь мне обо всем этом рассказать?

– Не то чтобы очень. – Бабушка Эдит почесала руку и посмотрела в окно. – Но думаю, что придется. Ведь именно поэтому мы здесь, разве не так?

– А почему мы здесь?

Бабушка молча направилась к себе в комнату.

– Одевайся, Оливия. Мне надо сделать один звонок, и мы выходим.

– Красавец, а? – Это были первые слова, произнесенные бабушкой Эдит после того, как они с Лив вышли из гостиницы и оказались на шумной улице. Лив поглядела по сторонам, но не обнаружила ни одного мужчины с примечательной внешностью, за исключением, быть может, посетителя кафе с серебристой шевелюрой, который пил кофе на открытой веранде под синим тентом.

– Этот? – Лив кивнула в его сторону.

– Что? Да нет же! – Бабушка выглядела возмущенной. – Я имела в виду Жюльена Кона. Это же очевидно. Хочется надеяться, что вкус у тебя сохранился и после развода.

Лив прищурилась, но бабушка Эдит лишь улыбнулась с самым невинным видом.

– Так как?

– А это существенно? – Лив подумала об обручальном кольце на пальце Жюльена. – Так вот оно что – ты потащила меня в Реймс глядеть на недоступных красавцев, чтобы оценить мое психическое здоровье?

– Значит, ты согласна, что он хорош собой?

– Ну, – Лив пожала плечами, – да, конечно. Развод сделал меня одинокой, но не слепой.

– Тогда ты не безнадежна. Мы на месте. – Бабушка Эдит резко остановилась перед брассери в одной из боковых улочек. Лив подняла глаза и прочла вслух:

– Брассери «Мулен».

Бабушка кивнула, но внутрь не пошла, застыв как вкопанная на тротуаре. Ее взгляд вдруг потускнел.

Несмотря на довольно ранний час, за уличными столиками было полно посетителей, они болтали, смеялись, пили – кто кофе, а кто и шампанское. Спешащий официант пронес корзинку с горячим картофелем фри, и рот у Лив наполнился слюной.

– Вряд ли что-то изменилось, – пробормотала бабушка Эдит, обращаясь скорее к себе самой, чем к Лив. Она сделала неуверенный шаг вперед, но колени у нее подкосились – Лив едва успела подхватить ее под локоть.

– Бабушка Эдит! С тобой все в порядке?

Бабушка восстановила равновесие и вырвала руку.

– Конечно. Отлично себя чувствую. Ну, так чего мы ждем?

Лив вошла в помещение следом за бабушкой, стараясь не отставать – вдруг той снова станет нехорошо. И, пока бабушка Эдит на своем элегантном безукоризненном французском выясняла у молодого темноволосого официанта, есть ли свободный столик, осмотрелась по сторонам.

Брассери была темной, с обшитым деревом просторным залом. Спускающиеся с потолка светильники выхватывали из сумрака только проходы между столиками из того же дерева, что и стены. На каждом стояла своя лампа. И хотя окна выходили на современную улицу, внутри время словно остановилось. Пожалуй, это место выглядело точно так же и пятьдесят лет назад, а то и все сто, подумала Лив.

– *Voilà!* – Официант подвел их к столику и церемонно выдвинул для обеих стулья, а когда они уселись, вручил каждой по двустороннему ламинированному листку с меню и унесся прочь к входной двери – обслуживать только что вошедшую молодую пару.

– Ты бывала здесь раньше? – спросила Лив, просматривая список закусок.

– *Oui*^[16]. – Бабушка не стала развивать мысль, но краска сошла с ее лица, а руки явственно дрожали.

– Бабушка Эдит, ты уверена, что с тобой все в порядке?

Бабушка в конце концов подняла на нее глаза:

– Ты когда-нибудь прекратишь задавать мне этот вопрос? Я не собираюсь падать замертво, если ты об этом.

– Просто вид у тебя... – Лив помедлила, подбирая слово, – потрясенный. И я о тебе беспокоюсь.

– Не беспокойся. – И бабушка вернулась к изучению меню.

– Хорошо, – медленно проговорила Лив. – А есть здесь что-то, что ты бы порекомендовала?

– Не глупи. Я совершенно уверена, что, с тех пор как я была здесь последний раз, меню полностью переменилось.

– А когда это было?

– Лет семьдесят пять назад.

– Семьдесят пять... – Лив начала задумчиво повторять бабушкину фразу, но тут подлетел другой молодой официант, весь в черном, и с пулеметной скоростью принялся перечислять их фирменные блюда. Лив не успевала за его французским, поскольку в голове засело и крутилось это «семьдесят пять».

Бабушка Эдит, не спрашивая Лив, заказала им по бокалу шампанского и, как только официант умчался выполнять заказ, извинилась и сказала, что должна отлучиться в туалет. Некоторое время Лив смотрела, как она идет, потом замотала головой и вернулась к меню. Просмотрела лицевую сторону – перечень тартаров, несколько салатов, картофельный суп-пюре, мясной террин – и перевернула листок. На обороте перечислялись основные блюда – жареный тунец с семенами кунжута, морской лещ в фисташковом масле, гамбургер с картофелем фри – и фирменные коктейли. Внизу страницы курсивом был напечатан текст, озаглавленный «История брассерии».

Лив заскользила глазами по датам и событиям, мысленно переводя прочитанное с французского. На нее произвел сильное впечатление тот факт, что ресторанчик существует с 1888 года. Первый владелец, Жиль Мулен, передал заведение сыну Пьеру. Тот детей не имел, поэтому после его смерти в 1936 году оно перешло к старшему сыну его сестры, Эдуару Тьерри.

Лив, оторвавшись от меню, посмотрела в ту сторону, куда ушла бабушка. Тьерри – это ведь ее фамилия и девичья фамилия самой Лив. Бабушка не появлялась, и Лив, сгорая от любопытства, стала читать дальше. Наверняка бабушка не просто так выбрала ресторан, принадлежавший раньше человеку с такой же фамилией. Это не может быть чистым совпадением.

Летом 1940 года Шампань оккупировали немцы. Вскоре после этого Эдуар и его жена стали активными участниками Французского Сопротивления. Они поддерживали местную сеть, помогли сорвать планы нацистов по передвижению войск в Марне и соседних департаментах, и им удалось снабдить армию союзников информацией, которая сыграла ключевую роль в решающем сражении. В конце войны Эдуар и его жена покинули Реймс, оставив брассери младшему брату Эдуара Гийому, который в 1950 году продал ее молодому ветерану Второй мировой войны Юмберу Буше. Сегодня ею владеет внук Юмбера, Эдуар Буше, названный в честь прежнего владельца, который проявил необычайное мужество перед лицом нацистской оккупации.

Когда Лив вновь оторвалась от листка, бабушка Эдит уже брела к столику, шаркая ногами и озираясь по сторонам так, как будто увидела привидение.

– Ты выбрала, что будешь есть? – спросила она, не без труда опустившись на стул. Подошел официант с двумя бокалами шампанского, и бабушка Эдит, подняв бокал, чокнулась с Лив и сделала глоток.

– Взять, что ли, салат нисуаз, – задумчиво произнесла она. – Или, может быть, омлет?

– А мы родственники тем Тьерри, которые раньше владели этим местом? – вместо ответа спросила Лив.

Бабушка поставила свой бокал и приложила трясущуюся руку ко лбу.

– *Pardon?*

– Здесь, – Лив подняла меню и указала на текст на обороте, – сказано, что во время Второй мировой войны этой брассери владел Эдуар Тьерри.

Бабушка Эдит взглянула на меню, и на мгновение ее лицо словно бы оттаяло, в нем проступила живость – и скорбь.

– Ну да, – прошептала она, – Эдуар.

– Бабушка Эдит, это был твой муж? – Лив знала только, что ее собственный отец никогда не видел своего отца. Бабушка Эдит никогда о нем не говорила. – И ты тоже участвовала в Сопротивлении, как Эдуар? И именно поэтому никогда не рассказывала мне о Реймсе и о том, что тебя с ним связывает?

Бабушка Эдит взглянула на Лив.

– Здесь это сказано? Что Эдуар участвовал в Сопротивлении?

– Да, но ты не ответила на мой...

– Боже мой, – пробормотала бабушка Эдит. – Если бы он был жив и увидел, что его тайна напечатана в меню его собственной брассери, как... – Она осеклась, а Лив с любопытством подалась вперед.

Но тут подошел официант.

– *Bonjour, mesdames, avez-vous fait votre choix?*^[17] – спросил он, совершенно не считаясь с моментом. На лице бабушки Эдит появилось смущенное выражение, затем она нахмурилась и показала на свой бокал с шампанским.

– *Je ne veux pas de cette coupe de champagne. Je veux un martini. Du Gordon's, s'il vous plaît, avec une olive*^[18].

Официант взглянул на Лив, затем кивнул, забрал шампанское и умчался в бар.

– Так что? – спросила Лив.

– Это место связано с жизнью многих людей, – сказала бабушка Эдит после долгой паузы. – Людей, которые спаслись. И тех, кто погиб.

– Ты имеешь в виду Эдуара? Но он умер уже после войны?

Вновь явился официант, бесшумно поставил на стол мартини с одной зеленой оливкой на шпажке и заторопился прочь. Бабушка сделала маленький глоток.

– Война была давным-давно, Оливия. И каждый из нас сделал свой выбор.

– Бабушка Эдит, пожалуйста! О чем ты?

– Я – я хочу тебе рассказать. Но, понимаешь, это очень тяжело.

– О чем рассказать? Ты ведь привела меня сюда ради этого? Ты была здесь во время Второй мировой войны?

Бабушка молча выловила оливку и отправила себе в рот, после чего одним долгим глотком допила остатки мартини. Затем раскрыла сумочку, достала оттуда пару двадцатиевровых купюр и положила на стол.

– Я, кажется, потеряла аппетит. Извини. Пожалуйста, оставайся, поешь без меня. – Она поднялась и, не дожидаясь ответа Лив, пошла к выходу.

– Бабушка Эдит, погоди! – Лив схватила свой кошелек и рванулась вслед, но бабушка двигалась на удивление проворно и к тому моменту, как Лив достигла двери, уже успела оказаться снаружи. И все же перед тем, как выйти вслед за ней, Лив задержалась у входа. Справа от него висела старая черно-белая фотография в рамке с табличкой, на которой было выгравировано «Эдуар и Эдит Тьерри, 1939».

С бьющимся сердцем Лив вглядывалась в зернистое изображение рослого красивого мужчины с реденеющими черными волосами и его миниатюрной темноволосой супруги, позирующих с гордой улыбкой перед входом в брассери «Мулен». Хотя фотографии было восемьдесят лет и она не отличалась четкостью, но не узнать на ней бабушку было невозможно. Лив с восхищением рассматривала молодую Эдит Тьерри, даже дотронулась пальцем до ее лица и лишь тогда напонила себе, что в ней сейчас нуждается другая Эдит Тьерри – девяностодевятилетняя и упрямая как мул.

Выскочив на улицу, Лив принялась озираться и увидела, что бабушка уже прошла целый квартал и вот-вот исчезнет в толпе.

– Бабушка Эдит! – окликнула она. – Погоди!

Но бабушка даже не сбавила шаг. Лив, прокладывая себе дорогу сквозь плотные толпы туристов, сумела нагнать ее только у самого отеля.

– Бабушка Эдит! – крикнула она в третий раз.

Бабушка наконец обернулась, и Лив открыла для нее входную дверь.

– Оливия! Что ты здесь делаешь? Я думала, ты останешься и поешь.

– Это была ты, правда? Ты *была* женой Эдуара! Что там произошло, бабушка Эдит?

Бабушка лишь вздохнула и вошла в отель. Лив поспешила за ней.

– Бабушка Эдит! Я видела фотографию. Тебя с Эдуаром перед брассери в 1939 году.

– Какую фотографию? – Бабушка шагнула в лифт, придержав дверь для Лив, но избегая ее взгляда.

– У входа. Там написано, это Эдуар и Эдит Тьерри.

– Ну, значит, ты уже получила ответ.

Двери лифта распахнулись на шестом этаже, бабушка Эдит вышла, Лив тоже, но, повернув к номеру, остановилась. Перед дверью стоял вчерашний поверенный с конвертом в руках.

– Мадам Тьерри! – обрадованно произнес он. – Вас-то я и искал. – Он протянул бабушке конверт, та выхватила у него бумаги и без единого слова прошла в номер, захлопнув за собой дверь. Улыбка на лице Жюльена погасла. Он повернулся к Лив:

– С ней все в порядке?

– Ничего не понимаю, – призналась Лив и добавила, видя недоумевающий взгляд Жюльена: – Мы только что вернулись из брассери «Мулен», которой во время Второй мировой войны, очевидно, владели моя бабушка и мой давно пропавший дед. Но она не хочет мне ничего говорить.

– А-а... – Жюльен еще раз взглянул на закрытую дверь, затем вновь перевел глаза на Лив.

– А вы знаете ее историю? О том, что случилось в брассери «Мулен»?

Жюльен поколебался:

– Кое-что знаю.

– И?

– И... Лив, боюсь, я не могу вам сказать. Просто позволю себе напомнить: вещи не всегда таковы, какими кажутся.

– Боже, – пробормотала Лив, – очередное загадочное утверждение. – Она рылась в кошельке в поисках ключа. – Это ведь не только ее история, а и моя тоже. Мой отец умер, когда я была маленькая, а бабка отказывается говорить о прошлом. Ей девяносто девять. Если я не начну сейчас соединять кусочки головоломки, они будут потеряны навсегда.

– Думаю, поэтому-то она вас сюда и привезла.

– Ходить кругами вокруг правды и глушить джин?

Жюльен рассмеялся.

– Может быть. – Выражение его лица смягчилось. – Она не говорит о прошлом уже много, много лет. Вероятно, это для нее болезненно.

– Но...

Жюльен поднял руку:

– Но согласен, вы имеете право знать. Поэтому, думаю, я могу сообщить вам, по крайней мере, то, что ваша бабушка действительно некоторое время жила здесь, в Шампани. И познакомилась здесь с моим дедом – много лет назад, во время войны.

– Значит, вашему деду тоже известно ее прошлое?

– Те моменты, которыми она сама с ним поделилась, да. И те, которым он сам был свидетелем. Но я уверен, она расскажет вам больше. – Жюльен крепко пожал руку Лив. – Дайте ей время.

Лив поразились, какие у него теплые и сильные пальцы.

– Благодарю вас. – Она поспешно убрала руку.

– *Pas de quoi*^[19]. Не забывайте, Лив, лучшие моменты в жизни заслуживают ожидания. – И Жюльен, пробормотав еще что-то на прощание, ушел.

Глава 12

Февраль 1942

Инес

Виноград был собран, осень сменилась зимой, дни стали короче, лозы по ночам покрывались коркой льда. И Мишель тоже делался все холоднее. Инес пробовала объяснить ему, зачем ей так понадобилось увидеться с Эдит, но с тех пор прошли месяцы, а он ее так и не простил. Не то чтобы она нуждалась в его прощении, но Мишель словно бы закрылся от нее, и уже долгое время Инес не покидало ощущение, что тогда, в сентябре, посреди войны, она обрела врага в лице человека, который должен бы был любить ее больше всего. Впрочем, терять его она начала намного раньше.

– Да нет, дело вовсе не в том, что я на тебя сержусь, – устало сказал Мишель как-то вечером в начале февраля, когда хотел тихонько лечь в кровать рядом с Инес и обнаружил, что она не спит и дрожит под тонкими одеялами. – А в том, что мое доверие к тебе подорвано.

– Только из-за того, что несколько месяцев назад я взяла на один вечер машину? – спросила Инес, понимая, что в ее голосе звучит отчаяние, и ненавидя себя за это. – Я же сто раз извинилась, Мишель! Но здесь я чувствую, что задыхаюсь.

– А тебе не кажется, что все мы тоже? – Мишель сел в кровати, и даже в темноте, вовсе не видя его лица, Инес знала, что он дрожит от возмущения. – Нельзя взять и сбежать, когда становится трудно!

– Я не сбегала! Мне просто нужен был глоток воздуха.

– Глоток воздуха? – повторил Мишель со сдавленным смешком. – Да ты знаешь, до чего нам повезло? До чего повезло тебе? Вся Франция голодает, а нам хватает и еды, и топлива, чтобы не мерзнуть дома: это потому, что мы живем в сельской местности, и кроме того, немцы не трогают нас, чтобы шампанское лилось к ним рекой. У нас остался способ заработать денег и пережить войну. А в городах, Инес, есть люди, готовые убить за кусок хлеба. Понимаешь?

– Конечно. – Это была правда: на обратном пути из Реймса, при свете дня, Инес вволю нагляделась на живые скелеты, стоящие в

длиннейших очередях, сжимая в руках продуктовые карточки. – Просто у тебя по-прежнему есть цель, поэтому ты остаешься собой. А я – кем я стала?

Мишель отвернулся:

– Это время испытаний для всех нас.

– Ты не понимаешь. Я... я несчастлива.

– Ради бога, Инес! – Мишель отбросил одеяла и выбрался из кровати. – Ты только об этом и думаешь? О собственном счастье? – И вихрем вылетел из спальни, прежде чем она успела хоть что-то сказать в ответ. Инес в гневе стирала хлынувшие из глаз слезы. Ну почему слова мужа ранили ее так больно?

Теперь, в глубокой темноте, осыпанная бесчисленными упреками Мишеля, Инес почувствовала, как в душе ворочается нечто новое: негодование. Она сбросила одеяла и, трясась от холода, нашарила кофту – рождественский подарок от Селин, которая сама ее связала. Инес тогда смутилась: она-то подарила Селин лишь тюбик губной помады, добытый на черном рынке через сына знакомого винодела. По военному времени это была роскошь – многие женщины за неимением лучшего красили губы свекольным соком, – однако Селин лишь принужденно улыбнулась в ответ, пробормотала слова благодарности и отвернулась с немим упреком.

Инес тошнило от ощущения собственной бесполезности, мелочности, беспринципности. Конечно, она не так хорошо разбирается в текущих событиях, как Мишель, Селин и Тео, но это не значит, что ей ни до чего и дела нет. И пусть в виноделии она тоже смыслит мало, Мишель не должен постоянно заставлять ее чувствовать себя тут лишней. Довольно с нее. Сейчас, пока хватает духу, она пойдет и выскажет Мишелю все.

Она зажгла лампу и всунула ноги в когда-то крепкие и теплые, а сейчас разваливающиеся сапоги. От долгой носки подошвы протерлись, на мысках образовались дыры, но других не было, а эти хоть как-то защищали от промозглого февральского холода. Надев поверх кофты старое пальто и натянув на голову шерстяную шапочку, она выскользнула из задней двери в промозглую темень.

Лампа была бессильна одолеть непроглядный мрак, и только у дверей погреба брезжил слабый свет – значит, Мишель там, внизу. Пора поговорить с ним начистоту.

Спускаясь по каменным ступеням из безмолвного заснеженного мира наверху, она отчетливо слышала глухой звук своих шагов. Однако свет, видневшийся в одном из правых ответвлений туннеля далеко впереди, оставался неподвижным. Разве Мишель ее не слышит? Инес собралась его окликнуть, когда верх взяла обида: нет уж, пусть решит, что это приближается немецкий солдат, пусть сам почувствует, каково это – ощутить себя неловко на собственной территории.

Она молча свернула за угол в тускло освещенный коридор, и у нее перехватило дыхание: Мишель был не один. Рядом с ним стоял высокий смуглый мужчина, и оба держали пистолеты, угрожающе направленные в ее сторону. Инес тихонько вскрикнула и бросилась бежать.

– Стой, Инес, – зарычал Мишель и в два шага настиг ее, схватил за руку выше локтя и затащил обратно в коридор. Другой мужчина – на его черном пальто виднелись нерастаявшие снежинки, а левую щеку от брови до подбородка пересекал глубокий шрам, – все еще целился ей в голову.

Инес снова закричала, и Мишель крепче сжал ее руку.

– Ради бога, Инес, тише! – Он повернулся ко второму мужчине. – Все в порядке. Это моя жена.

– Твоя жена, – равнодушно повторил мужчина. Спустя еще мгновение он опустил оружие, но продолжал подозрительно смотреть на Инес, сощутив маленькие черные глазки. – Что она здесь делает?

Но Инес больше не слушала – она разглядела то, что находилось позади мужчин. Там стояли три незакрытые винные бочки – такие используются для выдержки вин с одного виноградника перед купажированием, – а внутри них поблескивали винтовки. Несколько десятков.

– Мишель, – выдохнула Инес, не в силах оторвать взгляд от оружия.

– Она все видела, – рявкнул мужчина. – Она знает. Мы так не договаривались.

– Иди спокойно, – ответил Мишель. – Я беру это на себя.

– Берешь на себя! – Теперь ярость мужчины была направлена на Мишеля. – Ты знаешь, что Фернан не терпит ошибок.

– Я это исправлю, – глухим сдавленным голосом произнес Мишель и впился ногтями в руку жены с такой силой, что Инес

вздрагнула. – Иди.

– Все будет сказано Фернану. – Мужчина бросил еще один свирепый взгляд на Инес и растворился в темноте, будто призрак, будто его тут и вовсе не бывало. Но когда Инес наконец осмелилась взглянуть в лицо Мишеля, то убедилась: нет, ей не показалось.

– Не хочешь объяснить мне, что ты здесь делаешь? – прошипел он.

– Может быть, отпустишь меня сначала?

Опомнившись, Мишель разжал пальцы. Инес потеряла руку, и в глазах мужа мелькнуло смущение. Но он тотчас снова посуровел:

– Инес, зачем ты сюда пришла?

– Ты собираешься меня допрашивать, как будто я перед тобой виновата? Объясни, что это?

– Что «что»? – Мишель попытался встать так, чтобы загородить собой бочки, заполненные винтовками, и это было бы смешно, если бы не серьезность ситуации.

– Оружие, Мишель. Винтовки в бочках.

Гнев на его лице сменился растерянностью, а затем испугом.

– Но ты же никому не скажешь, Инес?

– Ты правда думаешь, что я на такое способна?

– Не думаю, что ты намеренно меня предашь, но...

Инес не дала ему договорить:

– Что «но», Мишель? Тебе не кажется, что *это* предательство?

– О чем ты?

– Как ты можешь подвергать нас такому риску?

– А, так ты о себе беспокоишься? – В голосе Мишеля зазвучали знакомые холодно-высокомерные нотки, и Инес разозлилась.

– Как ты смеешь заявлять, что я эгоистка? Если бы немцы нашли оружие, то арестовали бы нас обоих, а не тебя одного. И Тео с Селин тоже! Понимаешь, в какой мы опасности из-за тебя?

– Не из-за меня! Из-за треклятых немцев!

– Но нам ничего не грозит, если мы будем соблюдать их правила!

– Их правила? Нет у них никаких правил! Мы должны дать им отпор, и...

– Разве ты не сам говорил, что надо потерпеть?

– Нет! – Эхо крика раскатилось далеко по погребам, и Мишель огляделся вокруг, спохватившись, какой шум они подняли. – Нет, –

повторил он уже тише. – Мы пробовали. Почти два года мы старались с ними ужиться. Но я больше не могу.

– И что ты делаешь в этой связи? Нелегально переправляешь оружие? Кому?

Вопрос Мишель проигнорировал:

– Нам самим, возможно, ничего и не грозит, но как быть с теми, кому грозит? Ходят слухи, Инес, что скоро и здесь возьмутся за евреев по образцу Германии. Разве можно спокойно смотреть, как наших друзей и соседей забирают ни за что ни про что? Просто за происхождение.

Мишель отвел взгляд, и внутри у Инес что-то сдвинулось.

– Ты имеешь в виду Селин? Ты делаешь все это, чтобы защитить ее?

– Я имею в виду всех наших евреев. Селин тоже, но неужели это важно?

Она долго смотрела на склад оружия, ища слова.

– Важно, Мишель, и даже очень. Почему ты стремишься защитить Селин, а не меня?

– Но это же очевидно. Ты как христианка в относительной безопасности, а над ней нависла угроза.

– А если немцы явятся за мной из-за того, что ты здесь делаешь?

Мишель не ответил. Взглянув ему в глаза, Инес спросила себя, точно ли он все еще ее любит. Там не было ни тени теплоты или хотя бы понимания – только враждебность и настороженность. Конечно, идеальной женой ее не назовешь, но такого она все-таки не заслуживает.

– Почему ты мне про это не говорил?

– Инес, это тебя не касается.

– Еще как касается. Ты просто не доверяешь мне, верно?

– Я... – Мишель поколебался. – Не совсем так. Просто мне нельзя тебя во все это вовлекать.

В последний раз взглянув на винтовки, Инес вдруг ощутила странную ясность: все встало на свои места, будущее определилось.

– Ну, тогда спокойной ночи. – Она повернулась и зашагала к выходу на поверхность, в холодную пустоту. Издалека донесся собачий вой. Налетел порыв ветра, и Инес почувствовала, как слезы замерзают на щеках.

Утром Инес проснулась намного позже, чем всегда. Обычно в эту темную пору глухозимья она поднималась задолго до рассвета, наступавшего только в девятом часу: разводила огонь, прибиралась, варила Мишелю желудево-солодовый эрзац-кофе и собирала какой-никакой завтрак. Но вчерашнее отняло все силы, а разбудить ее было некому: Мишель в спальню так и не вернулся.

Инес подошла к окну и взгляделась в сумрачное утро, но на снегу во дворе не было ни единого следа: ничто уже не напоминало ни о призрачном ночном посетителе, ни о тяжелом разговоре с Мишелем. Она быстро оделась, собрала волосы в пучок. Натянула кофту, связанную Селин, но та душила, кожа в ней зудела, и пришлось снять ее и сунуть обратно в ящик шкафа.

Она уже спустилась вниз и разбирала вымытую посуду, когда из-за окна донесся голос Мишеля и заливистый смех Селин. Инес замутило, пришлось ухватиться за стол, чтобы не упасть. Теперь Мишель тоже смеялся, низкий звук проникал сквозь оконное стекло. Гнев сотнями шипов вонзился в кожу Инес. Что же это такое? Она знает тайну мужа и согласилась принять на себя риск, связанный с его решением, а он там во дворе развлекает Селин?

Она чуть отодвинула занавеску. Мишель стоял всего в нескольких сантиметрах от Селин и, наклонившись, что-то тихо говорил ей на ухо. У них роман? Что за безумная мысль! Инес всегда считала, она достаточно хорошо знает мужа, чтобы не сомневаться в его верности. Однако ночной разговор показал, как мало она его знает на самом деле.

Селин вновь рассмеялась в ответ на слова Мишеля, потом они посмотрели друг на друга долгим взглядом, каким смотрят влюбленные перед тем, как поцеловаться. Но затем Селин шагнула назад, а Мишель отвернулся. Однако увиденного Инес хватило.

Она не позволит себя дурачить и не станет сидеть в сонном Виль-Домманже в роли покорной жены, пока муж принимает рискованные решения относительно их общего будущего и флиртует с женой *chef de cave*! Инес швырнула об пол тарелку и заметила в окно, что Мишель повернул голову на звук. Он направился к крыльцу, но Инес уже шла вверх паковать свой саквояж.

Ее больше не волновало, что машина нужна Мишелю, – если ему надо куда-то поехать, пусть попросит кого-нибудь из своих таинственных друзей. А если ему мало одной Инес и он готов

рискнуть ее жизнью, чтобы защитить Селин, значит, так тому и быть.
А она едет в Реймс.

Глава 13

Февраль 1942

Селин

Селин спрашивала себя, видела ли Инес их разговор с Мишелем и не подумала ли на этот счет что-нибудь не то. Не слишком ли она весело смеялась, не слишком ли близко подошла к Мишелю, не выдала ли свою растущую симпатию к нему? Чувства, конечно, неподобающие, но ведь она не дала им воли? И никогда не даст.

Мишель всего-навсего спросил ее о самочувствии. Кажется, вам нездоровится, сказал он, а Селин в ответ рассмеялась и объяснила, что Тео вечером попросил ее попробовать шово нескольких разных урожаев, чтобы убедиться, что урожай 1938 года созревает правильно, и она, наверное, выпила слишком много. Но Мишель по-прежнему казался обеспокоенным: «Не хочу быть назойливым, но если вас что-то тяготит, вы всегда можете ко мне обратиться».

Селин ответила, что с ней все в порядке. В конце концов, что еще она могла бы сказать? Что забота Мишеля для нее очень важна, ведь мужу до ее проблем нет дела? Что ей одиноко как никогда? Что она ложится в постель с чужим человеком? Что больше не делится с ним страхами за отца, потому что знает – он пожмет плечами и переведет разговор на брожение или здоровье виноградных лоз? Но это было бы предательством, поэтому она лишь покачала головой: «Я... мне пора браться за работу».

Тут в доме что-то зазвенело, видимо, разбилось, и Мишель кинулся туда, вполголоса костеря Инес.

Спустя двадцать минут, когда Селин и Тео поворачивали бутылки в погребе, тишину нарушил гул мотора наверху.

– Разве Мишель куда-то собирался? – спросил Тео, не прерывая работу. Он брал бутылки обеими руками, по две одновременно, и рассчитанным движением, почти не тревожа, поворачивал их на пюпитре – деревянной раме в форме буквы А – ровно на одну восьмую оборота.

– По-моему, нет.

– Сходишь проверить? – Тео, не глядя на нее, продолжал с молниеносной скоростью поворачивать бутылки. Селин завидовала его сноровке – она старалась не отстать, но рядом с ним ощущала себя начинающей ученицей.

Селин поднялась, отерла руки о штаны, взяла со скамьи у входа пальто и шапку и заспешила по главному коридору к лестнице. Она вышла на поверхность как раз вовремя, чтобы увидеть удаляющийся ситроен и отблески его задних огней на узких островках нарастающего снега. Мишель смотрел вслед автомобилю, сцепив пальцы на затылке.

– Снова уехала, – пробормотал он. Машина скрылась за поворотом. – *Merde*. После того, что было ночью... Господи.

Мишель стиснул зубы. Селин не знала, что сказать. Ей было интересно, что произошло ночью между ним и Инес, но спросить она не смела.

– Мне жаль, – произнесла она, понимая, что этого мало.

– Я просто... я думал, она не такая. – Мишель говорил тихо, как будто сам себе.

Селин прекрасно понимала, что он имеет в виду: она и сама чувствовала то же самое по отношению к Тео.

– Война умеет показать, кто мы есть на самом деле.

Мишель глянул на нее с удивлением:

– Да, умеет.

Еще какое-то время они смотрели друг на друга, а потом вдаль послышался рокот мотора. Неужели у Инес проснулась совесть? Нет, с шоссе свернул не ситроен, а замызганный деревенский грузовичок. Громко тарахтя и чихая от эрзац-бензина, он въехал в ворота.

– Это Луи, – сказал Мишель и пошел по дорожке навстречу.

Луи остановил грузовик рядом с Мишелем и с грохотом захлопнул дверцу. Селин узнала его – это был сын одного из тех фермеров, у которых «Мезон-Шово» много лет покупал виноград. Он мельком взглянул на Селин и сразу, без всякого обмена любезностями, начал что-то тихо говорить Мишелю. Разговор, очевидно, не предназначался для ее ушей, но только она повернулась к мужчинам спиной, чтобы идти назад в погреб, как Мишель ее окликнул:

– Селин, подойдите, пожалуйста, сюда.

Она оглянулась. Оба смотрели на нее, и при виде их застывших лиц она похолодела от страха.

– Что-то случилось?

Оба молчали, и она нерешительно подошла ближе.

Мишель положил ладонь ей на поясницу – едва касаясь, но это немного успокаивало.

– Селин, вы знакомы с Луи Парве?

Луи, чуть моложе Мишеля, темноглазый, с густыми черными бровями и внушительной бородой, кивком подтвердил вопрос.

Селин кивнула:

– По-моему, мы пару раз встречались. Добрый день, месье.

– Добрый день. – Луи, похоже, ждал, что Мишель все объяснит.

– Селин, – произнес Мишель. – У Луи есть новости. Он, хм, иногда привозит нам весточки.

Селин бросила быстрый взгляд на Мишеля, затем на Луи. Это через него шла ее переписка с отцом?

– Что там? – спросила она.

– Передают из Бургундии, – сказал Луи, еще раз взглянул на Мишеля и лишь затем на Селин: – Боюсь, ваш отец и его родители арестованы.

У Селин подкосились колени, она пошатнулась, но теперь Мишель уже крепко держал ее за талию.

– Все будет хорошо, – пробормотал он, но Селин знала, что это не так.

– Как это произошло? – с трудом выговорила она.

– Вашего отца и еще нескольких человек – все евреи – взяли по подозрению в нелегальной подрывной деятельности против Германии.

Глаза Селин расширились:

– Но...

– Обвинение, очевидно, было ложным, – поспешил добавить Луи. – Но ваш отец все равно оказался в тюрьме. А на следующий день взяли его родителей – ваших деда и бабушку.

– Нет, – прошептала Селин. – Ни один из них ни в чем не замешан. Я знаю, что это так.

– Не сомневаюсь, что вы правы. Немцы начали арестовывать евреев по вздорным обвинениям. Но в местном руководстве есть

человек, который делает запросы, и мы не теряем надежды на освобождение вашего отца и его родителей.

– А если их не выпустят?

Луи и Мишель переглянулись.

– Мадам, – ответил Луи, – арестованных евреев отправляют на восток, в Германию и Польшу. Но мы сделаем все, что в наших силах, чтобы ваших родных не депортировали из Франции.

– Нельзя оставлять надежды, Селин, – сказал Мишель. – Если Луи говорит, что есть шанс, значит, так и есть.

– Пожалуйста, – предупредил Луи, – не рассказывайте никому о том, что сейчас услышали. Как только узнаю что-то новое, сообщу. – Он забрался в кабину своего грузовичка и, прежде чем Селин успела сказать хоть слово, с грохотом укатил прочь.

– Как вы? Ничего? – спросил Мишель, когда машина скрылась за поворотом. Он по-прежнему держал руку на талии Селин.

– Плохо. – Перед глазами неотступно стояло видение: отец, дедушка и бабушка за решеткой. – Мне надо ехать в Ньюи-Сен-Жорж, Мишель. Должен быть какой-то способ...

– Нет, – деликатно, но твердо оборвал ее Мишель, – вам туда нельзя. Если ваш отец попал в поле зрения немецких властей, они истолкуют ваш приезд на свой лад. Для вашей безопасности вам лучше всего остаться здесь.

– Но...

– Вы ничего не сможете там сделать.

– Я должна сказать Тео.

Мишель взял ее руки в свои.

– Этого вам тоже нельзя делать, Селин. Пожалуйста, иначе будет слишком сложно объяснить, каким путем вы получили известие. Поверьте, люди, с которыми я связан, делают все, что могут, для освобождения вашего отца.

– С которыми вы связаны? Вы в подпольной организации? – Селин сама удивилась, до чего ей страшно за Мишеля.

Мишель посмотрел на нее долгим взглядом.

– Вы ни за что меня не предадите. – Это был не вопрос, а констатация.

– Конечно.

– Давайте встретимся в погребах после захода солнца.

– А что сказать Тео?

– Не говорите ему ничего. Вы единственная, кому я доверяю. – Мишель отпустил руку, и Селин тотчас почувствовала себя лодкой, оторвавшейся от причала.

Остаток дня Селин старалась вести себя как обычно. Когда после встречи с Луи и Мишелем она вернулась в погреба, ей не пришлось ничего придумывать для Тео – муж ни о чем не спросил, а лишь буркнул что-то невнятное.

Она снова взялась за работу, но руки дрожали, и Тео даже сделал ей замечание.

– Селин, ты тревожишь вино. – Да она и сама слышала, как стекло стучит о дерево. – Так дело не пойдет, соберись. Или, может быть, займешься сортировкой пробки, которую нам привезли?

Она не сумела выдать ни слова и лишь молча кивнула, но была рада покинуть погреба – и Тео. Мишеля наверху видно не было. По дороге к сараю, где хранились запасы пробки, Селин думала о нем и о риске, которому он, очевидно, подвергает себя, чтобы ей помочь. Чем он расплатился с Луи за весть о ее отце? От этой мысли сосало под ложечкой, но отказаться от помощи Селин не могла.

Солнце зашло, когда не было и семи. Селин и Тео вернулись в свой флигель, съели скудный ужин, после которого Селин, быстро помыв посуду, сказала, что сходит в большой дом узнать, не найдется ли у Инес пряжи – связать несколько пар носков.

– А она что, вернулась? – спросил Тео, не поднимая глаз от книги, которую только что начал читать, – что-то о виноделии.

– Если нет, то, может быть, Мишель знает, где у нее лежит шерсть.

– Наверное.

Селин посмотрела на его серьезное лицо в свете настольной лампы.

– Тео, я очень тревожусь об отце. – Большого она сказать не могла, не выдав тайну, которую доверил ей Мишель, но решила поделиться с мужем хотя бы этим, надеясь на капельку сочувствия.

– Я уверен, у него все хорошо.

– Но немцы стали забирать евреев. Это началось.

Тео поднял на нее глаза, затем вновь уткнулся в книгу.

– Селин, ты не должна верить слухам. С твоим отцом все будет в порядке. Ступай, проведай Инес, как собиралась, пока позволяет

время. И возьми лампу – темнеет.

Она посмотрела на него сквозь намернувшиеся слезы, схватила пальто и выскользнула через заднюю дверь в холодный февральский вечер. На горизонте еще догорал остаток дня.

Дойдя до большого дома, Селин оглянулась на свои окна. Все занавески были плотно задернуты, Тео за ней не следил. Наверное, выкинул ее из головы, как только вернулся к своей книге. И она резко свернула вправо, к входу в погреба.

Оказавшись под землей, Селин зажгла лампу, прокашлялась и позвала:

– Мишель!

Поначалу ответа не было, но потом далеко впереди показался свет и послышались шаги. Вскоре из-за поворота выглянул Мишель и сделал приглашающий жест:

– Сюда, Селин.

Она поспешила на свет, слыша, как грубо стучат по камню ее деревянные подошвы. Мишель был в хранилище справа от главного коридора и, пока Селин шла, успел отойти в глубь помещения.

– Что вы сказали Тео? – спросил он вместо приветствия, выглянув из-за ряда винных бочек.

– Что мне нужно кое-что взять у Инес. По-моему, он не слушал – он вообще сейчас меня почти не слушает.

Мишель нахмурился, и Селин испугалась, что сболтнула лишнего. В свое время мужчины были очень дружны и продолжали дружить, насколько знала Селин, несмотря на расхождения во взглядах на войну и оккупацию. Да и ей как жене не подобало критиковать мужа перед его начальством, ведь формально Тео был подчиненным Мишеля. Но тут Мишель поманил ее к себе:

– Понимаю, что вы чувствуете. Хочу вам кое-что показать.

Селин приблизилась, с любопытством глядя на Мишеля, который начал поднимать крышку одной из бочек. Не вино же он собрался с ней обсуждать! Может, она допустила какую-то оплошность, когда в последний раз мыла бочки? Все равно это странно – звать ее в погреба в столь поздний час только чтобы устроить выволочку.

Наконец Мишель снял и отставил в сторону крышку, жестом велел Селин шагнуть поближе, и та, подойдя вплотную к бочке,

заглянула внутрь. Бочка была полна винтовок! Селин отпрянула, пошатнувшись от неожиданности.

– Мишель! – Она прижала ладонь к груди в отчаянной попытке успокоить бешено бьющееся сердце. – Что это?

– То, с чем мы выиграем войну, – спокойно ответил Мишель, не сводя с нее глаз.

– Нет, – пролепетала она. – Нет, нет, нет, это слишком опасно, слишком...

– Это мой долг. – Голос Мишеля звучал тихо и уверенно. – Нас много – тех, кто на виду у властей выполняет все их требования, но ведет против них подпольную работу.

– Вы давно это делаете?

– Я хотел *что-то* делать с того дня, как немцы впервые появились в Виль-Домманже. Но поначалу было сложно наладить связи. Несколько человек здесь хорошо меня знают, однако и их доверие еще требовалось завоевать. – Мишель помедлил. – Этим, – он оглянулся на винтовки, – я занимаюсь несколько последних месяцев, с тех пор как один из руководителей подполья согласился с моим предложением использовать винные погреба для временного хранения боеприпасов.

Селин тяжело сглотнула:

– А для чего вы это показываете мне?

Он закрыл бочку, и в помещение словно вернулся воздух.

– Для того, Селин, чтобы вы понимали, что во Франции есть люди, которые борются с немцами. Что для вашего отца и других несчастных есть надежда.

– Но почему именно вы?

– Потому что я не могу сидеть сложа руки, когда рядом страдают ни в чем не повинные люди. – Он сделал шаг в сторону Селин, потом еще один, и она ощутила щекой тепло его дыхания. – Потому что война нас уничтожает. Потому что если мы не восстанем теперь против несправедливости, то в кого мы превратимся? Мы французы, Селин, а это значит, мы сражаемся за свободу. За равенство. За братство. Это у меня в крови. Я не могу иначе.

Селин не сводила с Мишеля глаз:

– Но если немцы вас найдут...

– Не найдут.

– Но если все-таки...

– Это риск, который я беру на себя. Я лишь хотел показать вам, что вы не одна.

Слезы жгли глаза Селин.

– А Инес знает?

– Да. – Мишель помедлил. – Это одна из причин, по которой я решил открыться и вам тоже. Она обнаружила меня прошлой ночью, и пришлось сказать ей правду.

– Боже мой, а с утра она уехала в Реймс...

– Она меня не выдаст, – твердо сказал Мишель.

Почему он так в этом уверен?

– А Тео?

– Нет, – Мишель нахмурился. – Я уже просил вас не делиться с ним новостью об отце. А сейчас должен просить, чтобы вы не говорили ему и о том, что только что видели. Он редко бывает в этой части погребя, бочки – забота по преимуществу ваша и Инес. Вряд ли он на них наткнется. Простите меня, пожалуйста, я понимаю, что эта просьба ставит вас в трудное положение.

– Но мне вы все-таки сказали?

– Вам, – Мишель внимательно посмотрел на нее, – я доверяю. Тео прекрасный винодел, но иногда мне кажется, он больше думает о профессиональном долге, чем о нравственном. Сейчас, когда идет война, мне, Селин, честно говоря, совершенно наплевать и на вкус нашего шампанского, и на возможную выручку от его продажи. Мне важно, чтобы люди пережили войну.

– Мне тоже.

– Тогда верьте мне.

На этот раз Селин сделала шаг в сторону Мишеля.

– Верю, – прошептала она. – Всегда верила.

Время, казалось, замедлилось, они наклонились друг к другу, но прежде чем их губы успели встретиться, Селин моргнула и резко отстранилась.

– Я... – начала было она.

– Простите, – Мишель быстро отступил на шаг. – Мне надо вернуться к делам. А вы поднимайтесь, пока Тео не спохватился.

– Да, хорошо. – Селин поколебалась. – Мишель!

– Да?

Селин была растеряна: она только что чуть не перешла черту, точку невозврата. Но в одном была уверена твердо – что не позволит Мишелю бороться в одиночку.

– Я хочу вам помогать.

– Исключено, – отрезал он. – Слишком опасно, Селин. Особенно для вас.

– Вы не понимаете. Именно поэтому я должна участвовать. Если немцы забрали моих родных, мне уже нечего терять.

– Зато мне есть что терять, – сказал Мишель. – Мне нельзя потерять вас.

Глава 14

Июнь 2019

Лив

К третьему дню своего пребывания в Реймсе Лив успела прочесать интернет в поисках упоминаний об Эдуаре Тьерри и брассери «Мулен», но ничего не обнаружила, за исключением сайта самой брассери, где приводилась та же самая историческая справка, что и в меню. Она позвонила в заведение и некоторое время изводила менеджера расспросами об Эдуаре и его роли в Сопротивлении.

– Я знаю только то, что вы и так читали, – ответил менеджер по-английски, очевидно распознав ее акцент. – К сожалению, больше ничем не могу вам помочь.

Поэтому когда бабушка Эдит в одиннадцать тридцать выпорхнула из своей комнаты, окутанная облаком духов, и, сверкнув глазами, предложила сходить вместе поесть, Лив почувствовала облегчение. Может быть, бабушка уже готова открыть ей цель их приезда в Реймс. Наверняка это как-то связано с таинственным Эдуаром Тьерри.

– Перед тем как мы поедим, мне надо будет нанести один короткий визит, – сказала бабушка Эдит, когда они вышли из отеля на залитую солнцем улицу. – Надеюсь, ты не против пройти пешком? Здесь недалеко.

Некоторое время они шагали молча, а когда поравнялись с огромным готическим собором, похожим на парижский Нотр-Дам, – его Лив уже видела из окна, – бабушка приостановилась, пропуская вперед группу школьников, и заметила:

– Когда я впервые приехала в Реймс, собор был еще не полностью отстроен. Первая мировая война от него мало что оставила. Какая радость видеть его в такой чудесной форме!

Лив подняла глаза на массивное здание. Две ажурные, как бы парящие башни пропускали солнечный свет, и с высоты на прохожих глядели сотни статуй. Резное распятие слева над входом, казалось, висит тут не первый век.

– Как это – отстроен?

– В ваших американских школах, – бабушка Эдит поджала губы, – этому не учат, я права? Видишь ли, во время Великой войны здесь шло одно из самых тяжелых сражений в Европе. Линия фронта проходила всего в нескольких километрах от города, и по Реймсу били прямой наводкой, словно по мишени в тире. Жители перенесли школы, больницы, вообще всю свою жизнь под землю, в *крайеры* – старые меловые каменоломни, в которых хранят шампанское. Больше восьмидесяти процентов города было полностью уничтожено, а собор серьезно пострадал.

– Поразительно. По виду и не скажешь.

– Да, – согласилась бабушка Эдит. – Мы не выставляем шрамы напоказ. Но если приглядеться, на камнях можно увидеть следы снарядных осколков. До войны город был совсем другим. Ты заметила, сколько здесь зданий в стиле ар-деко? Которым место скорее в Майами-Бич, чем во французской провинции? – Лив кивнула, действительно, контраст между старым и новым бросался в глаза. – Так вот, в основном они построены вскоре после войны, в двадцатые годы, когда ар-деко был в моде.

– Так ты жила здесь в двадцатых?

– О чем ты? Я тогда была совсем кроха.

– Бабушка, – обиделась Лив, – прости, но я плохо представляю себе твое прошлое: до вчерашнего дня я вообще не знала, что ты какое-то время провела в Реймсе.

– Если у тебя есть вопрос, просто задай его.

– Хорошо. Начнем с самого простого. Ты жила здесь какое-то время, верно? А во сколько лет ты сюда приехала?

Бабушка Эдит молча сощурилась, и Лив подумала, что ответа не будет.

– В восемнадцать, – наконец тихонько произнесла бабушка. – В тридцать восьмом.

– А ты, – не отставала Лив, – приехала вместе с Эдуаром или познакомилась с ним уже в Реймсе?

– Не делай вид, будто понимаешь прошлое. – Бабушка ускорила шаг и повернула направо, на улицу Трезор.

– Я вовсе не делаю вид. Я ничего не понимаю и пытаюсь понять, что с тобой происходило. Для того и спрашиваю.

– А я, Оливия, как раз и пытаюсь тебе рассказать, – парировала бабушка. – Для того и привезла тебя сюда. Но позволь мне делать это в моем собственном темпе.

Лив не успела ответить, потому что бабушка резко остановилась перед небольшим коричневым зданием и нажала кнопку домофона справа от двери. Пискнул сигнал, и бабушка Эдит распахнула дверь.

– Подожди меня здесь, я только кое-что занесу и сразу же к тебе вернусь.

Лив взглянула на табличку справа от двери. *Cohn Société d'Avocats* – они пришли в юридическую фирму Жюльена Кона.

– Я поднимусь с тобой.

– Нет, это личное дело. – И бабушка Эдит поспешила внутрь, а тяжелая дверь позади нее захлопнулась.

Лив подергала за ручку и снова нажала кнопку, надеясь, что ее впустят так же легко, как бабушку. Но из домофона раздался металлический женский голос:

– Ваша бабушка говорит, что скоро спустится.

– О, спасибо, – ответила Лив, чувствуя себя очень глупо.

Через несколько минут бабушка Эдит действительно появилась, но, к удивлению Лив, не одна – в нескольких шагах позади нее шел Жюльен.

– Привет, – сказал он с улыбкой.

– Привет. – Лив почувствовала, что краснеет, и в смущении отвернулась. Что это с ней?

– Ваша бабушка упомянула, что вы идете обедать, и пригласила меня составить вам компанию.

– Что ж, хорошо.

– Что за манеры, Оливия, – резко одернула ее бабушка и двинулась впереди. – Жюльен – наш гость, – добавила она уже через плечо.

– Конечно. Прошу прощения. – Не то чтобы Лив возражала против общества обворожительного юриста с роскошной шевелюрой, просто сомневалась, что при нем бабушка станет делиться своими секретами. Слегка улыбнувшись Жюльену, как того требует вежливость, она зашагала с ним вместе вслед за бабушкой Эдит, энергично рассекавшей толпу пешеходов на тротуаре.

– Надеюсь, мое присутствие не нарушило ваши планы? – спросил на ходу Жюльен.

– Я думала, может быть, бабушка сегодня уже готова поговорить со мной об Эдуаре и брассери «Мулен».

– А как вам кажется, – тут Жюльен улыбнулся, – вашу бабушку можно торопить?

– Я знаю, что склонна обманывать себя.

Жюльен рассмеялся, и раздражение немного отпустило Лив. Она невольно улыбнулась снова, на сей раз искренне.

– Мы пришли! – Бабушка Эдит остановилась, ожидая, пока подойдут Лив и Жюльен. – Она стояла на углу площади Эрлона перед крошечной брассери с несколькими свободными уличными столиками. – Я читала в фейсбуке потрясающие отзывы об этом местечке.

– Ваша бабушка есть в фейсбуке? – вполголоса произнес Жюльен.

– Понятия не имею, – так же тихо ответила Лив. – До сих пор я считала, что у нее даже электронной почты нет.

Жюльен распахнул дверь перед бабушкой Эдит, и та, кокетливо улыбнувшись, проскользнула внутрь. Лив, вытаращив глаза, последовала за ней и вместе с Жюльеном осталась ждать в дверях. Бабушка перекинулась парой слов с официантом, и он, показав на улицу, взял три меню.

Все трое уселись, бабушка Эдит заказала бутылку шампанского «Бержероно-Марион», а затем захлопнула свое меню и решительно поднялась с места.

– Пожалуйста, простите меня. Я вдруг почувствовала, что ужасно устала. Думаю вернуться в гостиницу и вздремнуть.

Обеспокоенная Лив мгновенно поднялась вслед за ней.

– Я пойду с тобой.

– Ерунда. – Бабушка бросила на стол несколько купюр. – Шампанское за мой счет. Оставайтесь. Наслаждайтесь. Оливия, увидимся, когда я проснусь.

И она удалилась, прежде чем Лив успела хоть что-то сказать. Лив снова опустилась на стул, и тут подошел официант с заказанной бутылкой, мастерски ее открыл, наполнил два бокала «тюльпан» и вопросительно взглянул на пустой стул бабушки Эдит, а затем на Жюльена.

Тот пожал плечами:

– *Elle est partie*^[20].

Официант кивнул, забрал пустой бокал и умчался прочь.

– Простите меня, пожалуйста, – сказала Лив. – Мне жаль, что так получилось. Если вы тоже хотели бы уйти...

– И оставить вас один на один с целой бутылкой шампанского? Ни в коем случае. Тем более что я люблю «Бержероно-Марион». У вашей бабушки хороший вкус.

Лив улыбнулась.

– Вы думаете, с ней все будет в порядке?

– Уверен. – Жюльен, вздернув бровь, поднял бокал. – За вашу бабушку.

– За бабушку, – пробормотала Лив, чокаясь с Жюльеном, и сделала большой глоток. Вкус шампанского был свежий и насыщенный, пузырьки щекотали язык. – Пусть она когда-нибудь научится вести себя как нормальный человек.

Жюльен рассмеялся, потом замолчал. В наступившей тишине Лив ощущала радостное волнение, как будто на первом свидании. Смешно! Ведь он женат, а она не из тех женщин, которые флиртуют с чужими мужьями, даже такими привлекательными, как Жюльен.

Вернулся официант, наполнил из графина стаканы для воды и принял заказы – тартар из говядины с зеленым салатом для Лив, ростбиф для Жюльена.

– А расскажите мне о вашей жене, – выпалила Лив, едва официант удалился. Надо загасить это волнение раз и навсегда! – Как вы познакомились?

Жюльен явно смутился, но ответил вежливо.

– Мы с Дельфиной учились вместе в школе и начали встречаться, когда нам обоим было пятнадцать лет.

Лив заставила себя улыбнуться.

– А вы сразу поняли, что когда-нибудь на ней женитесь?

– Ну, сначала я просто думал, какая она красивая. А когда узнал ее получше, понял, что неминуемо влюблюсь. – Он сделал глоток шампанского. – А как насчет вашего мужа? Вы с ним недавно разошлись? Ваша бабушка упоминала про ваш развод.

– Ну, еще бы! – пробормотала Лив. – Почти уверена, что день, когда я подписала бумаги на развод, стал для бабушки праздником под

названием «А что я говорила!».

– О, – Жюльен улыбнулся, – я так не думаю. Ваша бабушка, безусловно, любит оказываться правой. Но она не раз говорила мне, что очень о вас беспокоится.

– Потрясающе, – простонала Лив. – Значит, в ваших глазах я жалкое существо?

– Вовсе нет! Я думаю, что это, наверное, очень тяжело, когда кто-то, в кого ты веришь, вдруг меняется так, что ты его больше не узнаешь.

– Вижу, – с грустным смешком заметила Лив, – она вам много нарасказала про мой неудачный брак.

– Нет-нет, простите, на самом деле ничего подобного. – Жюльен чуть-чуть порозовел. – Я просто – я могу себе представить, как вам сейчас нелегко.

– Верно, так и есть. Давайте прямо сейчас переменяем тему разговора, а то я почувствую себя еще большей идиоткой.

– Лив, я не имел в виду...

Она подняла руку, останавливая его:

– Все в порядке. Жюльен, а у вас с Дельфиной есть дети?

Жюльен просиял:

– Дочка, Матильда. Ей скоро исполнится шесть, она заканчивает *école maternelle* – как это по-вашему – прогимназия? садик? – а на будущий год уже пойдет с детьми постарше в *école primaire*^[21]. Меня, конечно, не покидает ощущение, что этого не может быть. Время летит так быстро. И с каждым днем Матильда все больше и больше напоминает мне свою мать.

– Да, – сказала Лив. – Матильде очень повезло, что у нее есть вы.

– Спасибо. Я стараюсь изо всех сил, но иногда чувствую, что не справляюсь. Впрочем, хватит обо мне. Ваша бабушка почти ничего не рассказывала мне о вашей жизни. У вас есть дети?

Вопрос был как удар под дых.

– Нет. Знаете ли, иногда жизнь складывается не так, как нам бы хотелось.

– Значит, вам бы хотелось иметь детей?

Лив уперлась взглядом в собственные колени.

– Раньше хотелось.

– Но ведь и сейчас еще не поздно, разве не так?

Лив собралась было ответить, но Жюльен замахал руками, останавливая ее.

– Простите меня, пожалуйста, Лив. Это, наверное, слишком личный вопрос.

– Я не возражаю, просто боюсь наскучить вам своим рассказом.

– Вовсе нет.

Лив встретила с ним глазами и быстро отвела взгляд.

– У меня – у нас с мужем – были сложности с зачатием. Мы пытались много лет, но ничего не получалось. Я думаю, именно поэтому наш брак и дал трещину. Я – я не могла исполнить его желание.

– *Его* желание? А чего желали *вы*?

– Мы оба стремились создать семью, и когда оказалось, что я не могу забеременеть, ощутили это как поражение. Мой бывший, он привык к налаженной жизни. А бесконечные курсы лечения бесплодия, визиты к специалистам, раз за разом новые надежды – это было для него слишком. – Лив осеклась, прикрыв ладонью рот. – Простите, я заболталась. Наговорила лишнего. – Она закрыла глаза.

– Нет, Лив, я же сам вас спросил. И я рад, что вы мне рассказали, потому что могу выразить вам свое сочувствие. – Жюльен помедлил. – Когда люди женятся, предполагается, что они будут держаться друг за друга в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии, что бы ни случилось.

Глаза Лив увлажнились.

– Как у вас с вашей супругой, да?

Жюльен опустил глаза и посмотрел на собственные руки, затем вновь на Лив. На его лицо набежала тень.

– Лив, дело в том, что моя жена...

Лив замахала руками.

– Извините ради Бога, это совершенно не мое дело – расспрашивать вас о вашем браке. Просто я так давно не беседовала один на один с привлекательным мужчиной, что... – Она осеклась и замотала головой, ее щеки пылали. Неужели она правда только что назвала его *привлекательным*? Чудовищно. – Господи, теперь это звучит так, как будто я к вам пристаю. Прошу прощения.

Жюльен рассмеялся, мрачность исчезла.

– Умная красивая женщина сказала, что я привлекательный, – вряд ли это худшее из случившегося со мной сегодня. Нет необходимости извиняться.

Лив снова застонала:

– Мы можем снова переменить тему и забыть эти мои слова?

– А что если мне не хочется их забывать? – улыбнулся Жюльен.

Лив отвела взгляд. Реплика была на грани флирта, но незачем искать в ней дополнительные подтексты.

– Э-э... так что Матильда? Вам нравится быть отцом?

– Лив, это самое невероятное из всего, что случилось со мной в жизни. – Его глаза загорелись таким огнем, что Лив захотелось расплакаться. Радовался бы так Эрик, если бы ей удалось забеременеть? Ответ был очевиден. Так почему же, спрашивается, она так билась, чтобы сохранить их брак? Может, просто не верила, что есть такие люди, как Жюльен?

– А вы, Лив, – спросил Жюльен после паузы, – еще хотите стать матерью?

– Честно? – Лив вздохнула. – Мне сорок один, и на данный момент у меня нет ни малейшего представления о том, как жить дальше. Вряд ли я знаю, чего хочу. Просто... чувствую, что все пропало. – Впервые она признала это вслух.

– Лив, – проговорил Жюльен и, дождавшись, пока она поднимет взгляд, продолжил: – Мне не кажется, что для вас все пропало. Думаю, ваше будущее открыто. Вы готовы к чуду, которое с вами случится.

– Да, но кто сказал, что должно случиться чудо?

– Я. Просто вам надо в это верить.

Позднее, расставшись с Жюльеном после ресторана, Лив попробовала представить себя счастливой женой рядом с мужем, который любил бы ее так же крепко, как Жюльен, очевидно, любит свою жену. Но все это выглядело настолько далеким от реальности, что только расстраивало.

Жюльен ошибается. Его собственная жизнь, возможно, и была чудом, а Лив стоит посреди развалин и не понимает, что делать дальше.

Глава 15

Февраль 1942

Инес

Всю дорогу до Реймса Инес раздувала в себе обиду на Мишеля: он ей не доверяет, он спрятал в погребах оружие, не предупредив ее. Похоже, он так себя нарочно ведет, чтобы рядом с ним она чувствовала свою никчемность и ничтожество. Надоело, что с ней никто не считается, – впрочем, для нее это давно не новость.

Новость в другом: Инес видела в окно кухни, как Мишель смотрит на Селин. Точно так же он когда-то смотрел на нее. Неужели муж потерял интерес к ней, своей жене, и влюбился в Селин? Но это же смешно! Или нет? Действительно, она не умеет обращаться с шампанским и не разбирается в политике, но Мишель, пусть он и разочарован ее бестолковостью, наверняка знает, что она старается изо всех сил. В любом случае Эдит поможет ей разобраться.

Но когда она поздним утром подъехала к брассери, двери были наглухо заперты и на стук никто не ответил. Она обошла здание и постучалась в квартиру к Эдит, но и там ей не открыли. Так ничего и не поняв, Инес повернулась и зашагала прочь, крепко обхватив себя руками против ледящего ветра, нещадно хлеставшего улицы Реймса.

Куда могли подеваться Эдит с Эдуаром? Утро среды – горячее время, вот-вот придут первые посетители. Может быть, супруги отправились на конспиративную встречу и сейчас передают информацию какому-нибудь таинственному связному вроде того призрака, на которого Инес случайно натолкнулась в погребах «Мезон-Шово»? Мысль о нем все больше раздражала Инес. У всех вокруг – важные секреты, и лишь она плывет по течению жизни, никак не влияя на судьбы мира!

Возможно, удастся уговорить Эдит взять к подпольщикам и ее. Она делом докажет свою надежность, и Мишель увидит: она заслуживает уважения.

Но чем дальше Инес бродила по улицам Реймса, низко опустив голову, чтобы не встречаться глазами с проходящими мимо немецкими

солдатами, тем сильнее она мерзла и тем более одиноко себя чувствовала. Когда она в шестой раз подошла к брассери «Мулен» и дверь наконец оказалась открыта, Инес угрюмо вошла внутрь и, увидев Эдит, тотчас бросилась к барной стойке:

– Где ты была?

Протиравшая бокалы Эдит подняла глаза:

– Инес? Что ты здесь делаешь?

– Приехала повидаться с тобой. Я весь день в Реймсе, Эдит, но вас обоих не было.

– Да, верно, нам с Эдуаром понадобилось отлучиться. – Эдит отвела взгляд. – Я не знала, что ты к нам собираешься. – Она чуть улыбнулась. – Как дела?

Инес почувствовала, как напряжение отпускает ее плечи.

– А где вы были?

– У друзей, – Эдит подмигнула.

– А у кого именно? – Инес и сама не понимала, зачем так настаивает, – вряд ли она знала всех друзей Эдит. От этой мысли ей сделалось грустно: жизнь и тут течет своим чередом без нее.

– Ты их не знаешь. – Эдит помедлила, затем вышла из-за стойки и взяла руки Инес в свои. – Дорогая, да на тебе лица нет! Может быть, поднимешься в квартиру, приляжешь?

Инес покачала головой:

– А я не смогу сегодня вечером помочь вам в ресторане?

Эдит через плечо показала глазами в зал, где бармен перетирал стаканы, трое официантов стояли без дела, болтая друг с другом, и лишь за столиком в углу сидели два немца и увлеченно беседовали.

– Нет, Инес, не надо, у нас народу более чем достаточно.

– А они, – Инес кивнула в сторону официантов, – тоже участвуют? Слушают разговоры?

Глаза Эдит округлились и вспыхнули, она тут же выпустила руки Инес и прошептала:

– Инес, я вообще не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Понимаешь.

Когда Эдит заговорила снова, ее тон был ледяным:

– Осторожно, подруга.

Инес закрыла глаза. Нет, она представляла себе это все совершенно иначе.

– Прости, Эдит, я не хотела... – Она остановилась и сделала глубокий вдох. – Ты нужна мне, Эдит. Как я ни стараюсь, ничего не помогает. От меня «Мезон-Шово» никакой пользы, и Мишель стал меня презирать.

– Не может такого быть. – Эдит стрельнула глазами в сторону немцев за столиком в углу и продолжила, обращаясь к Инес: – Ты любовь всей его жизни.

– Ты давно его не видела. Все переменялось.

– Жалко, что ты так это воспринимаешь. Но боюсь, тут я вряд ли чем-то смогу тебе помочь.

– Сможешь, Эдит. Разреши мне хоть чуть-чуть участвовать в том, чем вы здесь занимаетесь. Пожалуйста. Я хочу показать Мишелью, что он может мне доверять. Хочу, чтобы он смотрел на меня, как... как он смотрит на Селин. – Как Инес ни осторожничала, но скрыть правду не смогла.

– Что? Ты считаешь, он завел интрижку с Селин?

– Я... я так не считаю. – Инес помолчала. – Но его чувства ко мне изменились. Вдруг, если я стану работать с вами...

– Нет, Инес, – твердо ответила Эдит. – Нам ты ничем помочь не сумеешь. Приходи в любое время, но только как моя подруга. – И добавила, наклонившись к самому уху Инес: – Наша работа опасна.

– И, по-твоему, я не справлюсь.

– Нет, не так.

– А как?

Эдит вздохнула. Из кухни появился Эдуар, смерил ее хмурым взглядом и показал глазами в угол, где сидели немцы, а она чуть кивнула в ответ. Безмолвный диалог завершился.

– Извини, – Эдит повернулась к Инес, – но мне надо отнести пиво. А ты оставайся сколько захочешь. Садись у стойки, я попрошу бармена принести тебе вина, хорошо? Здесь тебе всегда рады. Только не думай, что можешь с налету заняться вещами, в которых ничего не смыслишь, только ради того, чтобы вернуть мужа. Так не бывает. – С этими словами Эдит ушла, ни разу не оглянувшись.

Инес провожала ее глазами со странным ощущением, будто упала за борт корабля, а лучшая подруга только что унесла с собой единственный спасательный круг.

Спустя три часа в брассери уже было полно немцев, и Эдит затерялась среди посетителей. Инес по-прежнему сидела в одиночестве за стойкой, куда ее усадила подруга, и бармен раз за разом подливал ей вина. Маска вежливой безучастности на его лице постепенно сменялась жалостью, а зал перед глазами Инес все больше расплывался. К тому моменту, как рядом уселся гладко выбритый мужчина с прилизанными седыми волосами в превосходно сшитом сером костюме, мир вокруг совершенно утратил четкость, и Инес наконец стало полегче.

– Добрый вечер, – сказал незнакомец и жестом подозвал бармена. – Отчего такая красавица сегодня скучает в одиночестве? – Не дожидаясь ответа Инес, он заказал ей и себе шампанское, затем вновь обратился к ней: – Кто-то наверняка ломает сейчас голову, куда вы подевались.

Инес зарделась.

– Да, – не удержалась она, – мой муж. Хотя он думает только о делах и войне. Мог и не заметить моего исчезновения.

– Я бы заметил, – почти промурлыкал мужчина, понизив голос. – Будь вашим избранником я, мне бы вас очень не хватало.

Слово «избранник» ее зацепило. Она до такой степени чувствовала себя связанной однажды принятым решением, что потеряла контроль над течением собственной жизни, потому-то и казалась себе ничем. Но взгляд собеседника пробудил в ней едва ли не полностью забытое ощущение. Мужчина явно находил Инес привлекательной, и понимание этого вернуло ей веру в себя.

Она ничего не сказала, потому что почти разучилась флиртовать, да и не за этим сюда явилась. Бармен принес шампанское, мелкие пузырьки стремительно неслись вверх.

– За вас. – Мужчина поднял свой бокал, пристально глядя на Инес.

– И за вас, – она пригубила вино.

На удивление приятно было пить шампанское, произведенное не в мужниных погребах, когда твой визави не оценивает придирчиво каждый глоток.

– Полагаю, мне следует представиться, – сказал мужчина. – Мое имя Антуан. Антуан Пикар.

– Инес Шово. – Она протянула свою руку.

– Шово, как в «Мезон-Шово»?

– Это винодельня, принадлежащая моему мужу.

– О, рад знакомству. – Он поднес руку Инес к губам и нежно поцеловал. – Действительно рад, мадам. Позор мне, что вы жена другого.

– Наверное, это мне должно быть стыдно, что у меня такой муж, которому, похоже, безразлично, есть у него жена или нет.

В глазах Антуана что-то сверкнуло, и Инес поняла, что переступила черту. Она могла еще отыграть назад – заставить себя рассмеяться, превратить все в шутку, напомнить, сколько у Мишеля дел, – но вместо этого молча смотрела на Антуана, который не сводил с нее глаз.

– Судя по вашим словам, мудрым человеком вашего мужа не назовешь. – Антуан внимательно наблюдал за Инес.

– Он очень много знает, – ответила Инес. – Гораздо больше, чем я.

– Такое впечатление, будто он не раз вам об этом напоминал. И не особо полагается на ваше собственное мнение.

– Да... верно. – Как он догадался? – Обращается со мной как с маленькой девочкой.

– И, очевидно, делает ошибку, – Антуан наклонился ближе, – потому что вы взрослая женщина, мне это совершенно ясно.

Тут Инес заметила, что с другого конца зала за ней наблюдает Эдит, и отвернулась, пока подруга не обожгла ее осуждающим взглядом. А с другой стороны, какая разница? Если Эдит настолько не доверяет ей, что и близко не подпускает к собственному миру, то считаться с ее мнением Инес тоже не обязана. И все же она понимала, что в глазах Эдит выглядит чудовищно. Антуан Пикар годился Инес едва ли не в отцы, а вел себя вовсе не по-отцовски даже после того, как она упомянула, что замужем. *Особенно* после того, как она это упомянула. Ей следовало быть осторожнее.

– Мне пора, – неохотно проговорила Инес.

– Побудьте еще немного, – Антуан наклонился к ней, окутав резким мускусным запахом одеколona. – Допейте хотя бы шампанское. Может быть, расскажете мне немного о себе?

– Ну, я не очень интересный человек.

Он придвинулся ближе:

– Позвольте в этом усомниться.

И ободренная Инес стала разматывать нить своей биографии, от Лилля до Мишеля. Антуан в ответ сообщил, что много лет работал в администрации региона, но, когда пришли немцы, его роль несколько поменялась.

– С ними важно ладить, – сказал он, понизив голос, – чтобы все шло как можно более гладко. Конечно, я по-прежнему на все сто процентов за Францию, но сейчас здесь немцы, верно? Поэтому я считаю, что с ними надо работать, это в интересах всех и каждого.

– Именно так я и говорила мужу! – выпалила Инес.

– Да? А он что, не согласен?

Инес колебалась. Критика взглядов мужа на оккупацию выглядела как вероломство, но дома иметь собственное мнение ей не позволялось, а здесь Антуан, практически незнакомый человек, ловил каждое ее слово, наполняя сердце Инес ликованием. К тому же сообщать о спрятанных винтовках она не собирается.

– Мишель, – сказала она, – все больше и больше злится. Помоему, это опасное чувство. Я говорю, что нам надо вести себя тихо, чтобы немцы нас не замечали, и тогда мы будем в безопасности.

– Вы очень рассудительны, Инес. – В глазах Антуана светилось уважение, и она почувствовала, как наполняется силой.

Он заговорил снова, принялся расписывать свою большую квартиру в центре Реймса и угловой кабинет с видом на собор. Все это произвело на Инес такое впечатление, что она едва заметила, когда ей принесли еще шампанского. Так они просидели до самого закрытия, делясь друг с другом подробностями своей жизни. На прощание Антуан нежно расцеловал Инес в обе щеки, задержав на них губы чуть дольше, чем полагалось.

– Ты бы поостереглась, – предупредила ее Эдит чуть позже, когда она нетвердой походкой брела в сторону спальни, принадлежавшей ей до замужества. – Помни, за мимолетные романы в военное время приходится дорого платить.

– Как ты могла такое подумать? – возмутилась Инес, хотя сама думала как раз в этом направлении. Перед тем как уйти, Антуан нагнулся к ней и прошептал на ухо, не хочет ли она встретиться с ним вновь следующим вечером. Тогда она растерялась, но теперь, когда Эдит заранее упрекнула ее в готовности к измене, внутри что-то щелкнуло. Эдит и Мишель, конечно, образцы добродетели и очень для

нее важны, но лишь с Антуаном Пикаром она почувствовала, что и сама кое-что значит. К тому же спать с ним она не собирается.

Однако это случилось. Проведя следующий день одна, – с утра Эдит и Эдуар уезжали по своим секретным делам, – вечером она встретила с Антуаном в баре брассери «Мулен» и, вопреки здравому смыслу, согласилась на его предложение пойти поесть куда-нибудь еще.

– Я знаю хозяина одного чудесного местечка прямо за углом, неподалеку от собора, – прошептал он ей на ухо. – Хотите составить мне компанию? Возможно, вам будет приятно избежать наблюдательного взгляда подруги, – и Антуан кивком указал на Эдит, которая стояла, скрестив руки на груди, у дальней стены и сверлила его взглядом.

Инес встретила с Эдит и отвела глаза. Эдит не понять, что значит быть отвергнутой, война лишь сблизила ее с Эдуаром.

– Это было бы прекрасно, – тихо ответила Инес и отправилась с Антуаном. Уходя, она ни разу не оглянулась, но чувствовала, как взгляд Эдит жжет ей спину.

Пожинать так, как этим вечером, Инес не доводилось с начала войны, – четыре роскошных блюда в маленьком, полутемном бистро под названием «У Арно»; а когда она спросила Антуана, как ему удастся обойти продуктовые ограничения, тот лишь рассмеялся и ответил, что жизнь слишком коротка, чтобы не нарушить пары правил.

– Кроме того, – добавил он с улыбкой, – кто осудит меня за то, что я стараюсь произвести впечатление на красивую женщину?

По сравнению с искушенным, красноречивым, пылким Антуаном сдержанный и молчаливый Мишель выглядел неотесанным и неумелым. К тому же Антуан, в отличие от Мишеля, не пытался поставить Инес на место, – он искренне интересовался ее мнением об оккупации, о новостях с полей сражений, о положении в Шампани. Инес понимала, сколь плохо во всем этом разбирается, но ей нравилось, с каким вниманием Антуан слушает, как он в ответ на ее замечание, что люди, подобные ее мужу, принимают происходящее, пожалуй, слишком близко к сердцу (произнесенное за кофе – настоящим кофе!), заметил:

– Вы – словно поток свежего воздуха.

До чего же приятно, когда ты глоток воздуха, а не бесполезная щепка! Наверное, именно поэтому после нескольких бокалов вина и целого вечера за беседой с внимательным слушателем Инес, при всей своей рассудительности, согласилась пойти вместе с Антуаном в его квартиру неподалеку.

– В конце концов, – вполне резонно заметил он, – уже начался комендантский час, а я не хочу, чтобы к вам приставали немецкие солдаты. И что, если вы вернетесь в брассери, а ваша подруга уже спит и не сможет вас впустить? Пойдемте ко мне, это будет для вас безопаснее.

Она в самом деле ощущала себя под надежной защитой, пока он деликатно вел ее под руку к своему дому на улице Жанны д'Арк, а затем поднимался по лестнице, взяв под локоть. Открыв дверь квартиры, он сказал:

– Очень надеюсь, что вам понравится здесь, Инес. – И она почувствовала, что ее ценят.

А потом он закрыл дверь, и его губы впервые приникли к ее губам. Был ли причиной тому алкоголь в ее крови или затянувшееся одиночество, поцелуй не показался Инес чем-то неправильным. Именно таким следовало быть поцелую Мишеля. Антуан целовал ее поначалу нежно, затем все более и более жадно, впивался в нее, прижимаясь к ней теснее, и она почувствовала себя *желанной*. Это ее одурманило, она почти не сознавала, что делает ужасную вещь.

Хотя Мишель по-прежнему добросовестно исполнял свой супружеский долг раз или два в месяц, он никогда не желал Инес с такой страстью. В самом начале брака их близость была нежной и сердечной, сейчас стала в лучшем случае поверхностной: муж время от времени оказывал жене услугу из чистой вежливости. А поскольку Мишель был единственным мужчиной в жизни Инес, она пребывала в печальной уверенности, что близость всегда будет ощущаться только так и никак иначе.

Но Антуан ее *хотел*, был поглощен только ею, а не уносился в мыслях куда-то к предстоящим важным делам, которые считал слишком сложными для ее понимания. Инес видела это по неторопливым движениям его длинных пальцев с тщательно ухоженными ногтями, расстегивавших пуговку за пуговкой на ее платье; читала во взгляде его глаз; ощущала в прикосновениях, когда

он освобождал ее тело от нижнего белья. Потом он нежно погладил ей плечи и вновь прильнул к ее губам. Она знала, что не должна себя так вести, но тело впервые в жизни стояло на своем: *не останавливайся, это именно то, чего тебе не хватает!*

Поэтому когда все, что раньше было на ней надето, грудой лежало на полу, а он ненадолго оторвался от нее, чтобы спросить: – *Инес, могу ли я пригласить вас в постель?* – она, лишь мгновение поколебавшись, ответила согласием. Только раз, пока Антуан бережно вел ее в спальню, Инес кольнула мысль о Мишеле. В следующий миг она и думать о нем забыла и целиком отдалась утонченным ласкам другого мужчины, мастера любовной игры. Наконец Антуан заснул, крепко держа ее в объятиях, как драгоценность, с которой не мог расстаться.

Глава 16

Июль 1942

Селин

После того февральского утра, когда она, разбив в ярости тарелку, укатила в Реймс, Инес регулярно, раз в две недели уезжала из Виль-Домманжа в гости к Эдит. Селин всякий раз вздыхала с облегчением: можно не беспокоиться, что Инес неправильно воспримет невинный разговор с Мишелем или сорвет рабочие планы целого дня непредсказуемой реакцией на какой-нибудь пустяк.

Да и Инес сделалась куда спокойнее и приветливее, отчего и всем остальным стало полегче.

– Из Реймса она возвращается другим человеком, – восхитилась Селин в разговоре с Мишелем, когда оба работали в погребах. – Какое-то волшебство.

– Видимо, так на нее действует общение с Эдит. – Мишель чуть улыбнулся. – Они подруги с детства, Эдит для нее – самый близкий человек.

– После вас, – напомнила Селин.

– А, да, – спохватился Мишель, – конечно.

Интересно, подумала про себя Селин, неужели эта мысль пришла ему только теперь? Ведь пропасть между ним и Инес в последнее время, казалось, стала шире. А вот вежливой дистанции, которую изначально соблюдали они с Селин, давно уже не существовало, они были настолько близки, что к середине июля Селин набралась храбрости и вновь попросила у него разрешения помочь ему в борьбе против нацистов.

– Нет, – отрезал Мишель. – Исключено. Если немцы что-то заподозрят, есть какой-то шанс, что они удовлетворятся объяснениями от меня – или от Инес, или от Тео. Но вы...

Она прикусила губу.

– Я наполовину еврейка, так что меня будут рады депортировать.

– Мы не можем так рисковать.

– Как вы не понимаете? Ведь именно поэтому я и не могу сидеть сложа руки. К тому же в деревнях евреев пока не трогают, правда же?

Но уже в ближайший понедельник немцы прочесали Шампань в поисках евреев, рожденных вне Франции. Сорок три человека, единственное преступление которых заключалось в происхождении, были арестованы. Эти облавы последовали за массовыми арестами в Париже три дня назад – там схватили тринадцать с лишним тысяч евреев, в том числе больше четырех тысяч детей.

Сознание отказывалось верить в такие ужасы, но к концу недели пришли новости пострашнее. Источник Мишеля сообщил, что семь тысяч евреев тайно вывезены из Франции и отправлены в концентрационные лагеря где-то на востоке. Селин боялась, что туда отправили и ее близких: с того дня, как Луи сообщил ей об аресте отца и деда с бабкой, никаких сведений о них не было.

– Тебе, думаю, ничего не угрожает, – сказал Тео. Они с Селин лежали в постели, но сна у обоих не было ни в одном глазу. – Ведь это касается только евреев, которые родились за границей.

– За границей, – безжизненным голосом повторила Селин. – Как мои родные.

– Ничего не известно, – ответил Тео, – может, они в безопасности.

– Никто больше не в безопасности.

Тео не знал, что они арестованы, но Селин-то знала. И вряд ли их оставили в тюрьме – немцы каждый день наращивают темпы депортации. Вопрос лишь в том, что станет с ними там, на востоке. Отец еще сравнительно крепок, у него есть шанс выдержать непосильную работу в трудовом лагере, а его старики-родители? Особенно бабушка.

Тео помолчал.

– Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Хорошо, что было темно и он не видел выражения лица Селин.

– Ты ничего не сможешь сделать, Тео, если они придут за мной.

– Я буду драться.

– И погибнешь. В этом нет никакого смысла.

Тео ничего не ответил, и в наступившей тишине Селин закрыла глаза и попробовала представить себе Тео, как он сражается с французскими жандармами или, быть может, с немцами. Но картинка не складывалась – на месте Тео все время возникал Мишель. Он

наставлял на людей в форме одну из своих контрабандных винтовок и тихо, но уверенно говорил ей: *беги*. Нет, Мишель не побоится ее защищать, но за это его казнят. А она не сможет жить с собой в ладу, если позволит этому случиться. Слеза скатилась по щеке Селин.

– Селин? – Тео нарушил молчание. – Когда ты во мне разуверилась?

Она открыла глаза.

– Извини, что ты сказал? – На самом деле она все расслышала.

– Я твой муж. Ты должна верить, что я буду драться за тебя.

– Знаю. – Она пыталась подобрать слова. Ее чувства к Тео переменялись не вдруг, это происходило медленно и постепенно. – Не то чтобы я в тебя не верила, Тео, но боюсь, ты не понимаешь по-настоящему, за что мы сражаемся.

– Как это не понимаю?

– Ты был так погружен в работу, что почти не замечал, как рушится все вокруг.

– Ты ставишь мне в вину усердный труд?

– Нет. Просто в такие времена, как сейчас, производство шампанского – не самое важное.

– Так что, нам перестать работать, и пусть общество рухнет?

– А разве оно уже не рухнуло?

– Но если мы сумеем еще чуть-чуть продержаться...

– То что? – Селин в ярости села в кровати. – И сколько это – чуть-чуть? Пока что спасти Францию никто не торопится. А когда вычистят всех евреев, родившихся за границей, как ты думаешь, кто будет следующим? Ты видел, какие расклеены повсюду объявления? Нет, немцы не остановятся. Чуть-чуть продержаться – это не ответ.

– Ты слишком переживаешь. – Тео тоже сел, схватил ее руку. – Селин, я знаю, ты беспокоишься об отце и о дедушке с бабушкой, но...

– Но *что*? – Она отстранилась. – Разве ты не понимаешь, что каждый день, когда от них нет вестей, я думаю о самом худшем? – Она ощущала бессилие, страх и ненависть к тем, кто, подобно Тео, готов сидеть сложа руки, пока то, что происходит, их не касается.

– Ты беспокоишься, Селин, и это понятно. Но давай не будем опережать события.

– Ах, Тео, – Селин отбросила простыни и выбралась из постели, – как же ты не видишь, что тебе никогда не опередить событий. Ты всем

доволен и оттого плетешься за ними вслед!

На следующее утро Селин, проснувшись на кушетке, обнаружила, что Тео уже ушел. Он оставил коротенькую записку с просьбой начать поворачивать бутылки, а он тем временем съездит с Мишелем осмотреть один из виноградников. «Мы вернемся до полудня», – приписал он в конце. Словами такими же холодными и бесстрастными, каким стал он сам в последнее время.

Селин накинула ситцевое платье, сунула ноги в сабо на деревянных подошвах и поспешила в прохладу погребов. Жаркое июльское солнце уже припекало, воздух был плотным и душным. Спускаясь по каменным ступеням, Селин набрала полные легкие подземного холода, пропитанного знакомым запахом камня и дрожжей.

– Селин, это вы? – Голос Инес, донесшийся откуда-то из глубины погребов, вдребезги разбил наступившее было умиротворение.

– Привет, Инес, – откликнулась Селин, изобразив максимум дружелюбия.

– Как хорошо! Вы мне поможете!

Инес вышла из одного из боковых коридоров и весело помахала рукой:

– Привет! Хорошо выглядите.

– Э... спасибо. – Жизнерадостность Инес удивила и смутила Селин. – Вы тоже хорошо выглядите. – Это была чистая правда, в Инес будто вдохнули новую жизнь. Ее щеки были розовыми, улыбка лучезарной. – А что вы делаете?

– Мишель перед отъездом попросил меня спустить вниз десять – двенадцать бочек, чтобы во второй половине дня начать их вычищать. Но я не дотягиваюсь до полок – подстрахуете меня, когда я полезу наверх?

– Да, конечно.

Селин помогла ей забраться на большую перевернутую бочку, Инес встала на цыпочки и, крякнув от усилия, стащила с полки пустую бочку.

– Готово, – сказала Селин. – Давайте сюда, я приму.

За пятнадцать минут они сняли с полки двенадцать бочек и, как просил Мишель, составили их у входа в погреб.

– Спасибо вам, Селин, одна бы я не справилась. – Щеки Инес пылали.

– Вы сильнее, чем я думала, – улыбнулась Селин.

– Наверное, здесь у меня развились мышцы, о которых я и не догадывалась. – Инес подняла и согнула в локте тонкую руку, напрягая почти отсутствующий бицепс. – Чемпион мира по поднятию тяжестей!

Обе расхохотались, и Селин вдруг почувствовала в Инес товарища. Где же эта другая Инес до сих пор пряталась?

– Селин, – спросила Инес, когда они отсмеялись, – а вы не беспокоитесь?

– О чем?

– О Мишеле. – Веселье разом сошло с лица Инес, и его место заняло нечто незнакомое. Печаль? Страх? Она выглядела почти по-детски беззащитной.

– В каком смысле? – осторожно уточнила Селин.

– Он рассказал мне, что вы тоже знаете про винтовки. Неважно, зачем он это делает, – Инес указала рукой в глубину туннеля, – но это опасно. По-моему, он совершает ошибку, а как по-вашему?

Но не успела Селин ответить, как сверху донесся приглушенный звук, и обе женщины подняли головы. Это был шум мотора, и у Селин неприятно засосало под ложечкой.

– Слишком рано для Мишеля и Тео, – сказала она.

– Вы правы.

Женщины переглянулись и, ни слова более не говоря, направились к лестнице.

К тому моменту как перед главным домом остановился незнакомый черный автомобиль-купе, обе уже были на поверхности. Из машины вылез широкоплечий мужчина в новенькой немецкой офицерской форме и сверкающих сапогах. Заслоняясь от солнца, он огляделся, заметил Селин и Инес, и его губы под тонкими усиками искривились в улыбке. Селин замутило – она узнала гауптмана Рихтера, офицера, который в прошлом сентябре угрожал ей и лапал за грудь.

– А, – произнес Рихтер, и его улыбка стала шире, но не затронула маленьких темных глазок. Он захлопнул дверцу автомобиля и шагнул к женщинам. – Вас-то я и искал.

Селин изобразила приветливую улыбку:

– Здравствуйте, гауптман Рихтер.

– Итак, вы меня помните. Очень хорошо. – Замолчав, он покосился на Инес и снова переключился на Селин. – Где ваши мужья?

Селин колебалась, но врать смысла не имело – было очевидно, что мужчин дома нет.

– Уехали. Осматривать виноградник.

– Ждем их с минуты на минуту, – тотчас добавила Инес, и Селин с облегчением почувствовала, как она придвинулась вплотную. Теперь руки женщин соприкасались.

– Значит, – глаза Рихтера были направлены на Селин, – на данный момент мы одни.

– Чем мы можем вам помочь? – громко спросила Инес.

Офицер даже не взглянул в ее сторону, он по-прежнему смотрел только на Селин.

– Я просто хочу убедиться, что вы в курсе последних новостей. – В этот момент издали послышался шум мотора, и через несколько секунд на дороге показался верный старый ситроен Мишеля, окутанный, как обычно, облаком вонючего выхлопа. Вздых облегчения, вырвавшийся у Селин, прозвучал, должно быть, достаточно громко, потому что глазки Рихтера сощурились. – О, как удачно, ваши мужчины вернулись. Я смогу поговорить сразу со всеми вами.

Ситроен, взвизгнув тормозами, остановился в каком-нибудь метре от них. У Селин екнуло сердце. Одновременно распахнулись дверцы, из-за руля выскочил Мишель, с пассажирского места – Тео.

– Чем мы можем вам помочь, гауптман Рихтер? – Голос Мишеля звучал ровно, но глаза смотрели с беспокойством и тревогой.

– А, месье Шово, вот мы и встретились снова. – Рихтер обернулся к Тео: – А вы? Вы муж этой еврейки?

Тео хмуро кивнул. Селин обхватила себя руками, внезапно почувствовав озноб, несмотря на летний зной.

– А вы тоже еврей? – продолжал Рихтер.

– Нет, конечно. – Ответ, быстрый и решительный, прозвучал как пощечина Селин, хотя ее муж сказал чистую правду. – Кроме того, – поспешно добавил Тео, – она еврейка только наполовину.

– Оправдываетесь за брак с полукровкой. – Рихтер хмыкнул, облизал губы и вновь повернулся к Селин: – Я приехал спросить, известно ли вам, что на этой неделе мы выдворили евреев из Шампани?

Селин плохо владела собой и боялась заговорить. Она взглянула на Мишеля, не сводившего глаз с Рихтера. Выражение его лица было абсолютно непроницаемым, и это внушало Селин страх. В неловкой тишине раздался голос Тео:

– Конечно, известно, но ведь это коснулось только евреев, рожденных за границей.

– Пока что. – Рихтер не сводил глаз с Селин.

– Я родилась во Франции, – дрожащим голосом проговорила Селин, и Рихтер опять хмыкнул.

– Поэтому вашего имени и не было у нас в списке. В этот раз. – Тут он повернулся к мужчинам: – Я просто хотел убедиться, что вы в курсе. Теперь оставляю вас.

Он молча повернулся, забрался в машину и с ревом укатил.

Молчание нарушил Тео.

– Какого черта! Что все это значит? – Он так свирепо глядел на Селин, как будто это она была виновата в визите Рихтера.

– Хватит, – тихо сказал Мишель и взглянул на Селин. – Лучшее, что мы сейчас можем сделать, – это не выказывать перед немцами ни страха, ни гнева.

– Но... – начал было Тео.

Мишель поднял руку:

– Этот Рихтер совершенно очевидно знает про Селин. Поэтому внимательно следим за любыми действиями в отношении евреев, рожденных во Франции. Договорились?

Селин и Инес согласно кивнули, а Тео все еще сердился.

– Пошли домой, Селин, – сказал он и, не дожидаясь ответа, взял ее за руку и повел к флигелю. Селин успела оглянуться через плечо и увидела хмурое лицо Мишеля, смотревшего им вслед.

Тео заговорил, как только они отошли от Мишеля достаточно далеко, чтобы он их не слышал.

– Почему этот немец так тобой интересуется?

Селин недоверчиво посмотрела на мужа:

– А что ты предполагаешь?

Тео не ответил. Его лицо покраснело, широко раскрытые глаза гневно пылали.

– Я думал об этом, и мне кажется, тебе надо уехать на юг. У Мишеля есть контакты в *zone libre*^[22].

– Что? Нет. – Селин была ошарашена: откуда у Тео такие мысли? Раньше он ни о чем таком не упоминал. – Я не уеду.

– Но это же глупо. Там безопаснее.

– Сейчас, – парировала Селин, – опасно везде.

Они дошли до входной двери.

– Если Мишель говорит, что здесь ты будешь в безопасности, это еще не значит, что так оно и есть. Знаешь, он не имеет права решать за мою жену.

– Ты тоже не имеешь! – Селин перешла на крик. – Это моя жизнь, мы говорим о ней.

– Но речь не только о твоей жизни, но и обо всех наших, понимаешь? Твое пребывание здесь создает угрозу для всех нас. Из-за тебя все может обрушиться.

– А, так вот в чем дело! Ты хочешь защитить не меня, а винодельню?

– Я этого не говорил. Но неужели ты готова погубить «Мезон-Шово» только ради того, чтобы сделать по-своему?

– Она останется, – тихо и твердо прозвучал за их спинами голос Мишеля, и Селин резко обернулась. Сколько времени он уже здесь простоял и что успел услышать?

– Но... – Тео протянул руки вперед.

– Она останется, – оборвал его Мишель, – если таково ее желание. Здесь всегда найдется место, где мы сможем о ней позаботиться. Понимаете?

– Отлично понимаю. – Тео сжал зубы. – Извините.

Он вошел в дом и захлопнул за собой дверь, оставив Селин и Мишеля снаружи.

– Мишель, я... – начала было Селин, но Мишель покачал головой, останавливая ее.

– Вы будете здесь в безопасности, Селин, – проговорил он, глядя ей прямо в глаза. – Клянусь, я буду защищать вас даже ценой собственной жизни.

Глава 17

Июнь 2019

Лив

Лив три дня подряд думала о разговоре с Жюльеном и о том, как проговорила счет его привлекательности, а потом стала задавать ему бестактные вопросы, и с каждым днем чувствовала себя все большей душой.

– Я не хандрить тебя сюда привезла, – сказала бабушка Эдит за завтраком. – И если ты мне скажешь, что продолжаешь думать об Эрике, придется лишить тебя наследства.

Лив, которая в этот момент методично раскручивала взятый с подноса круассан, заставила себя улыбнуться. Она сидела в пижаме, в то время как бабушка Эдит уже успела облачиться в элегантные черные брюки, белую блузу и красные туфли без каблуков – под цвет ее губной помады.

– Нет, я думала не об Эрике.

– Тогда о ком? Я знаю этот взгляд. Так смотрит женщина, которая влюбилась в мужчину.

– Что? Нет. На самом деле я думаю о твоём поверенном. Но не в том смысле.

– О Жюльене? – Ответ, похоже, пришелся бабушке Эдит по душе. – А почему бы и не в том смысле? Он же красавец, а? А ты не перестанешь терзать круассан? Ей-богу, Оливия, мать ведь не в хлеву тебя растила?

Лив послушно отложила круассан и стряхнула с пальцев крошки, чувствуя себя провинившимся ребенком. Поднесла к губам чашечку кофе.

– Итак, почему Жюльен Кон владеет твоими мыслями, если причина не в безупречной форме его задницы? – с невинным видом спросила бабушка.

Лив поперхнулась кофе.

– Бабушка Эдит!

– Что? Я еще не умерла. Так ты ответишь на мой вопрос?

Лив вздохнула:

– Жюльен просто очень точно мыслит, вот и все.

– Конкретнее, дорогая, я не могу слушать тебя весь день.

– Он только... он задал мне вопросы насчет моей жизни. О том, чего бы я для себя хотела. И это заставило меня задуматься о том, как, возможно... – Она сделала паузу. – Может быть, мне надо, пока не поздно, собраться с мыслями и понять, что за жизнь мне на самом деле нужна.

– О, – бабушка Эдит удовлетворенно отхлебнула кофе. – Кажется, у Жюльена и голова неплохая, не только задница.

Лив посмотрела на бабушку:

– Но, боюсь, я наговорила ему лишнего. Он просто вел вежливую беседу, а я разболталась об Эрике, о детях, о том, как бросила работу. Какая-то ерунда. Наверное, я его здорово напугала.

Бабушка подняла бровь:

– Оливия, дорогая, приличной женщине не пристало выставлять напоказ свое нестираное белье перед первым встречным. Но тебе повезло. Ты не напугала Жюльена – по крайней мере, мне об этом ничего не известно. Ему просто понадобилось на несколько дней отлучиться в Париж по делу.

– А ты это знаешь, поскольку...

– Поскольку это дело он ведет от моего имени. – Бабушка взглянула на часы. – Вообще-то он вот-вот будет здесь. И не знаю, как у вас в Америке, но здесь, во Франции, принято появляться перед гостями одетыми и с каким-никаким макияжем.

Лив вскочила:

– Почему ты не сказала мне, что он зайдет?

– Я не знала, что это для тебя так важно. Кстати, – любезно добавила бабушка, когда Лив уже закрывала за собой дверь спальни, – у тебя в волосах крошки от круассана.

Спустя пятнадцать минут Лив, надев черное хлопчатобумажное платье и вычесав крошки из волос, вернулась в пустую гостиную. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что бабушка и Жюльен вышли на балкон и разговаривают там. Она сделала несколько шагов в сторону стеклянных дверей и собралась уже присоединиться к собеседникам на балконе, но услышала свое имя и, удивленная, остановилась послушать.

– Я не хочу выходить за рамки своих полномочий, – говорил Жюльен, – но думаю, вам необходимо сказать Лив правду. Это изменит ее жизнь к лучшему.

– Что вы понимаете? – ласково произнесла бабушка Эдит. – Сколько вам лет, двенадцать?

– На самом деле сорок четыре, – невозмутимо ответил Жюльен и чуть улыбнулся. – Возможно, если Лив узнает, кто она, это поможет ей прямо сейчас.

– Вы правы, конечно. Но всему свое время. – Бабушка резко направилась назад в гостиную, но при виде Лив остановилась:

– Ты давно здесь стоишь, Оливия?

– Э-э, только что вышла из своей комнаты, – непонятно зачем соврала Лив.

Бабушка сощурила глаза:

– Не согласишься ли проводить Жюльена? – И, не сказав больше ни слова, она скрылась в своей спальне. Дверь за ней захлопнулась.

Лив вновь повернулась к балкону и перехватила устремленный на нее внимательный взгляд Жюльена. Поколебавшись, она приблизилась к нему:

– Привет!

– Привет, Лив, – с улыбкой отозвался Жюльен.

– Как вы? Похоже, вам досталось от моей бабушки.

Жюльен пожал плечами:

– Мой дед разговаривает со мной точно так же. Тут, как я понял, главное – не вестись на их наживку.

– Ну, вы, наверное, умеете это лучше, чем я. – Лив улыбнулась Жюльену, потом отвела глаза. – Послушайте, по поводу того, что было на днях. Я должна перед вами извиниться, мне действительно очень жаль. Не знаю, что на меня нашло.

– Что вы имеете в виду?

– Наш разговор – я тогда вывалила на вас свои проблемы, как будто вы мой психотерапевт или кто-то в этом роде. Простите меня. Вы просто – ну, с вами легко разговаривать.

– И с вами тоже, – ответил Жюльен и подошел на шаг ближе. – Так что незачем извиняться. Я был рад узнать вас немного лучше.

Повисшее между ними молчание наполнилось чем-то таким, чему в нем быть не полагалось, и Лив поспешила его прервать:

– Э-э, бабушка поручила мне вас проводить.

Жюльен взглянул на часы.

– Лив, это может показаться слишком смелым с моей стороны, но через полтора часа мне надо будет забрать Матильду от моей матери, а до того я свободен. Ваша бабушка говорила мне, вы до сих пор мало что видели в Реймсе. Как вы отнесетесь к идее совершить со мной небольшую прогулку по центру города?

– Я... – Лив не знала, что ответить, – я не хочу вас затруднять.

– Затруднять? – Жюльен искренне удивился. – Мне самому этого бы хотелось. Если только ваше желание совпадает с моим.

На самом деле Лив больше всего на свете хотелось выйти вместе с Жюльеном из дверей отеля и никогда туда не возвращаться. Правда, это вряд ли понравилось бы бабушке Эдит, да и жене Жюльена тоже. Но в том, чтобы принять приглашение на короткую прогулку, ничего предосудительного, кажется, не было.

– Так как же? – спросил Жюльен.

Лив улыбнулась:

– Конечно, совпадает.

Десять минут спустя Лив шагала вместе с Жюльеном на восток, по направлению к собору, который ей несколько дней назад показала бабушка Эдит. По дороге Жюльен показывал ей разные примечательные здания, объясняя, как город отстраивался практически заново после Первой мировой войны. Он подвел Лив к фонтану Сюбе на центральной площади Эрлона и рассказал, что венчающую его крылатую женскую фигуру – символ победы – установили только в 1989 году. Прежнюю скульптуру сняли в 1941-м немцы, чтобы переплавить на металл бронзовые крылья, и постамент почти полвека пустовал. Дальше они прошли мимо Библиотеки Карнеги – великолепного здания в стиле ар-деко, построенного в 1920-х на средства, пожертвованные американским сталелитейным магнатом Эндрю Карнеги. Ратушу, в которой библиотека находилась до войны, в 1917-м уничтожил зажигательный снаряд.

– О чем вы говорили с моей бабушкой? – спросила Лив после того, как Жюльен показал ей еще несколько достопримечательностей. – Я не собиралась подслушивать, но слышала, как вы на балконе произнесли мое имя.

Жюльен заморгал:

– А много вы еще успели услышать?

– Достаточно, – расплывчато ответила Лив.

– Тогда вы понимаете, что должны поговорить на эту тему именно с бабушкой. Как бы то ни было, по-моему, бабушка пытается сделать правильную вещь. Возможно, я обидел ее, высказав свое мнение. Я, увы, могу иногда *me mettre le doigt dans l'oeil*^[23] – э-э, ляпнуть не подумав.

– Я бы так не сказала, – заметила Лив, когда они свернули на улицу Кардинала Лотарингского и впереди показался собор. – По-моему, вы всегда говорите именно то, что собирались.

– Лив, почему мне все время кажется, будто вы хорошо меня знаете?

Их пальцы соприкоснулись.

– А мне – что вы знаете меня. – Чувствуя, что воздух между ними опасно электризуется, Лив поспешила сменить тему. Они как раз остановились перед огромным собором.

– Похоже на Нотр-Дам до пожара. – Лив шагнула в сторону от Жюльена и чуть не свалилась с тротуара на мостовую.

– Вы про пожар в парижском Нотр-Даме? – Жюльен грустно улыбнулся. – Да, это была ужасная трагедия. Но вы ведь знаете, что это тоже Нотр-Дам, да?

Лив посмотрела на него в недоумении.

– Собор Реймской Богоматери, – пояснил Жюльен. – Конечно, за рубежом благодаря Виктору Гюго больше известен собор Парижской Богоматери, но наш Нотр-Дам всегда с ним соперничал.

Лив подняла бровь.

– Вижу, вы сомневаетесь. В таком случае позвольте мне изложить суть дела.

– О, вы заговорили как юрист.

Жюльен откинул голову и рассмеялся:

– Да, пожалуй. Но я не на полной ставке, поэтому надеюсь, что мой рассказ будет скучным только отчасти. Остановите меня, если вам станет неинтересно. Фундамент этого здания – он показал рукой на фасад – был заложен шестого мая 1211 года, то есть, по общему признанию, на сорок восемь лет позже, чем парижане начали строить свой Нотр-Дам. Очко в пользу Парижа! Но наш собор стоит на месте более старого, восходящего к пятому веку, и это, я думаю, очко в нашу

пользу. Именно в этом соборе святой Реми, Ремигий Реймский, крестил Хлодвига. – Жюльен выжидательно посмотрел на Лив.

– Кого?

Жюльен изобразил на лице ужас.

– Хлодвиг был первым королем будущей Франции. С его крещения в 496 году начался переход франков в христианство, поворотный момент в нашей истории. Крещение Хлодвига стало первым шагом к объединению Франции, и оно совершилось именно здесь стараниями святого Реми, тогдашнего епископа Реймса. Тот собор сгорел до основания, но новое здание, возведенное в тринадцатом веке, как видите, тоже вполне адекватное.

– Я все старалась подобрать прилагательное, – с улыбкой сказала Лив, разглядывая стрельчатые башни, окна-розы и тысячи замысловатых скульптур, – но *адекватное* – самое точное определение.

Жюльен рассмеялся.

– Да, верно, я немного поскромничал насчет собора. В действительности он на протяжении многих столетий служил местом коронации французских королей. Тридцать три из них короновались здесь, включая злосчастного Людовика Шестнадцатого... – Жюльен взглянул на часы. – Но нам еще многое нужно уложить в нашу мини-экскурсию, так что дальше совсем коротко: собор насчитывает более двадцати трех сотен статуй, входит в список культурного наследия ЮНЕСКО, плюс в нем есть витражи работы Марка Шагала. Но самое, пожалуй, важное – то, что он был почти уничтожен во время Первой мировой войны: сначала в нем произошел сильнейший пожар, вроде того, который случился этой весной в парижском Нотр-Даме, а затем его несколько лет обстреливали. Но он был восстановлен.

– Бабушка об этом упоминала, – тихо сказала Лив и, к своему удивлению, почувствовала, что ее глаза наполнились слезами.

– Собор Парижской Богоматери тоже восстановят, Лив, – сказал Жюльен, внимательно глядя на нее. – Он будет жить и дальше.

Лив кивнула и прокашлялась.

– Скажите, как получилось, что вы столько знаете об истории своего города?

– Перед тем как отправиться в университет, я целое лето работал здесь гидом, водил пешеходные экскурсии на английском языке.

Забавно устроена наша память: что-то в ней застревает, что-то нет. Я, наверное, мог бы выдать вам тысячу разных дат и фактов, касающихся Реймса, но регулярно забываю, где оставил ключи.

Теперь они удалялись от собора. Лив шагала рядом с Жюльеном и в ногу с ним.

– Хорошо, а какой из этих фактов – ваш любимый?

– Я думаю, что мог бы назвать три. – Они повернули за угол направо. – Первый – это что, хотя сто лет назад город был почти уничтожен, его полностью отстроили и восстановили прежнее величие. Никто не согнул и не сломил мой Реймс, поэтому я с гордостью ношу звание его гражданина. Этот же дух живет в наших виноделах. Что только ни обрушивала на них мать-природа, а они все выдержали и выстояли.

Миновав здание суда и несколько кафе, Жюльен повернул направо, затем налево и, когда они прошли мимо мэрии и нескольких магазинов, продолжил:

– Второй факт: Реймс – город, который защищает своих жителей. Во время Второй мировой войны благодаря доброте нескольких людей мой дед избежал депортации. Ему повезло больше, чем десяткам других, включая его собственных родителей, и все же спасли не только деда.

– А от чего их спасали?

– Во время Второй мировой войны немцы забирали французских граждан еврейского происхождения и отправляли их в концентрационные лагеря. Это позорное пятно в истории Франции.

Они шли сквозь освещенный солнцем парк, но Лив продрало морозом.

– Простите мое невежество, но я думала, что депортации происходили в таких странах, как Германия или Польша.

Жюльен покачал головой:

– Из одной только Франции в концлагеря увезли более семидесяти пяти тысяч ни в чем не повинных людей, включая множество детей. Выжить удалось лишь единицам.

– Это чудовищно!

– Да, но по всей стране – в том числе и здесь, в Реймсе, – действовали нелегальные сети, которые боролись с нацистами и спасали евреев. Моему деду помогла как раз такая сеть. Он выжил

благодаря мужеству людей, не побоявшихся пойти на смертельный риск.

– Невероятно.

– Да. – Жюльен провел ее еще по одной улице и остановился перед зданием из красного кирпича. – Но, – Лив проследила взглядом за рукой Жюльена, – при всем ужасе Второй мировой войны это прекрасное место. Именно здесь 7 мая в 2:41 утра закончилась война в Европе.

– Что? Вторая мировая закончилась в Реймсе?

– Вы не знали об этом, верно? – Жюльен улыбнулся. – Был и второй акт о капитуляции, подписанный на следующий день, 8 мая, в Берлине. Именно его мы считаем днем победы в Европе. Но первоначальные условия капитуляции были согласованы непосредственно в этом здании, на втором этаже, где находился штаб вашего генерала Эйзенхауэра.

– Вы шутите?

– О любви и войне мужчины не шутят. – Он с улыбкой положил руку на плечо Лив и повел ее прочь от непритязательного здания, в котором изменился ход истории. – Пойдемте. Давайте двигаться к вашей гостинице. Жаль, что приходится заканчивать нашу прогулку, но мне пора идти за Матильдой.

Они отправились обратно, пробираясь сквозь толпу, обступившую фонтан на площади Эрлона.

– Когда мы были у собора, вы упомянули, что работаете не на полную ставку, я правильно поняла? – спросила Лив.

– Да. На самом деле я давно принял это решение, чтобы проводить больше времени с Матильдой. У меня такое чувство, что не успею я глазом моргнуть, как ее детство уже и кончится. А что мне, в конце концов, дороже – минуты, проведенные с ней, или деньги? – Жюльен пожал плечами. – По счастью, у меня есть возможность выбора. Мне нужно не так много, а поскольку это моя семейная фирма, то рабочим временем я могу распоряжаться сравнительно гибко.

– Как же повезло Матильде, что у нее есть вы, Жюльен.

– По-моему, – он еще раз пожал плечами, – это мне повезло.

Свернув на улицу Бюиретт, Лив с грустью взглянула на замаячившую впереди гостиницу – слишком уж быстро закончилась

стремительная экскурсия. И вот уже они остановились перед входом.

– Спасибо, что показали мне город, – сказала Лив. – Вы потрясающий экскурсовод.

– Искренне рад, что вам понравилось, Лив. – Он подошел почти вплотную, и хотя Лив полагалось отступить на шаг назад, она этого не сделала. – Мы еще не очень хорошо знакомы, но, по-моему, вы необыкновенная. Надеюсь, мне позволено будет так выразиться.

– Жюльен, – тихо проговорила Лив. Она хотела добавить что-нибудь еще, разорвать то странное, что возникло между ними, но не нашла слов.

– Прогулка с вами доставила мне истинное удовольствие, – пробормотал Жюльен. – Хочется верить, что и вам тоже. – И, как будто в замедленном кино, коснулся рукой ее щеки, наклонился, замер на пару мгновений в нерешительности, после чего мягко и легко притронулся губами к ее губам.

Лив ответила на поцелуй, но в следующий миг ахнула и отшатнулась:

– Боже мой, что мы делаем? – Она отерла рот рукой.

Глаза Жюльена округлились.

– Простите меня! Я думал... То есть, мне казалось, что это как... – Он умолк, пытаясь собраться с мыслями. – Я очень виноват. Я – я никого не целовал, кроме жены, с тех пор как женился, и просто... – Он так и не завершил фразы.

– Нет! Не могу поверить... Я бы никогда... – Лив запнулась, тоже не понимая, как закончить свою мысль.

– Мне... Мне пора идти, – сказал Жюльен. – Я, видимо, неверно истолковал ситуацию, Лив. Еще раз прошу у вас прощения. Мне очень, очень жаль. – Он заторопился прочь, а дойдя до угла здания, резко свернул влево и пропал из вида, ни разу не оглянувшись. И Лив, как ни ужасалась себе, тотчас о нем затосковала.

Двадцать минут спустя она неподвижно сидела на диване в номере, прижав к губам указательный палец. В таком виде ее и застала бабушка Эдит, когда вышла из своей спальни в облаке духов «Шанель № 5» и со свежей помадой на губах.

– Я ненадолго выйду, – прощепетала она, но, увидев лицо Лив, резко остановилась. – Что случилось, дорогая?

– Ничего. – Лив покачала головой.

Бабушка Эдит внимательно посмотрела на нее и понимающе улыбнулась.

– А, у тебя чувство к молодому Жюльену. Я угадала?

Лив собралась возразить, но не смогла и лишь вздохнула:

– Почему жизнь – такая сложная штука?

– Но я думаю, дорогая, что и у него есть чувство к тебе. Я видела, как он на тебя смотрит. Что здесь сложного? Вы оба заслуживаете счастья.

– Смеешься? Я никогда бы не смогла так поступить с его женой.

– Оливия, – начала было бабушка, но Лив перебила ее.

– Нет. Тут и говорить не о чем! – Лив отерла глаза. – Как ты могла подумать, что я смогу на такое пойти?

– Оливия! – повторила бабушка, уже резче.

– Бабушка Эдит, пожалуйста, перестань! Я серьезно. Таким вещам нет оправдания. Я знаю, адюльтер – это очень по-французски и все такое прочее, но никогда бы не смогла жить с собой в ладу. Да и никто бы не смог. Кем надо быть, чтобы так поступать?

Бабушка Эдит посмотрела на Лив так, как будто та ее ударила.

– Ты очень удивишься, Оливия, узнав, с чем иногда приходится жить.

И вышла из номера, оставив там Лив, окутанную облаком безмолвного стыда.

Глава 18

Август 1942

Инес

Инес встречалась с Антуаном уже полгода, раз или два в месяц, ненадолго приезжая для этого в Реймс. Мишелю она говорила, что отправляется к Эдит, и он, хотя и не любил оставаться без автомобиля, на удивление легко и без возражений ее отпускал. Эти отлучки позволяли им поддерживать мир, но Инес подозревала, что Мишель пользуется ими еще и для своей нелегальной деятельности – чем меньше свидетелей, тем ему спокойнее. Оружие он перепрятал или отправил тем, кому оно было предназначено: когда неделю спустя Инес снова спустилась в тот погреб, никаких винтовок там не оказалось. И все же Мишель то и дело выскальзывал ночью из постели и куда-то уходил, думая, что она спит, а она лишь притворялась спящей. Инес понимала: он что-то скрывает и недостаточно доверяет ей, чтобы посвятить в свою тайну.

Знала Инес и то, что Эдит в курсе ее романа с Антуаном и в ужасе от ее поведения. Но подруга согласилась ее не выдавать – не только из дружеских чувств, но и стремясь сохранить собственные секреты. Эдит ничего не сказала бы Мишелю, если бы он вдруг спросил, а Инес в благодарность помалкивала насчет работы Эдит и Эдуара на подпольщиков. Конечно, Инес и без этого не предала бы друзей, но секрет в обмен на секрет создавали защиту для них всех.

– Понятно, что мое мнение тебя не интересует, – сказала Эдит как-то поздним майским вечером, случайно встретив Инес неподалеку от площади Эрлона. Эдит спешила в брассери «Мулен», – возможно, с конспиративной явки, потому что вид у нее был немного встревоженный, – а Инес направлялась к Антуану домой, даже не предупредив подругу о своем приезде. – Но ты совершаешь ошибку, Инес.

– Тебе не понять, – ответила Инес, не решаясь встретиться с ней глазами. – У тебя муж, который тебя любит.

– Мишель тебя тоже любит!

– Нет, Эдит, пойми это. Он считает меня глупой.

– И ты решила, что лучшее средство против этого – действительно наделать глупостей?

Слова подруги больно задела Инес.

– Получается, и ты того же мнения?

Эдит помедлила, потом взяла руки Инес в свои.

– Нет. Я думаю, что тебе очень грустно. И что ты ищешь свое предназначение в жизни. Но стать чьей-то любовницей – не способ найти себя.

– Что ты в этом понимаешь? – возмутилась Инес, вырывая руки.

– Пожалуйста, – сказала Эдит, когда Инес повернулась, чтобы уйти, – подумай, что ты делаешь. Умоляю, подумай, куда это может завести.

Но Инес даже не оглянулась. Да, ее поведению нет оправдания, вот только знала бы Эдит, что это такое! Благодаря Антуану Инес впервые за много лет почувствовала себя живой. Он искренне интересовался ее мнением, и это возбуждало не меньше прикосновений Антуана, знавшего, казалось, каждый сантиметр ее тела. Если она чего-то не понимала, Антуан не сердился, как Мишель, а понятно объяснял. Иногда, лежа рядом в постели и покуривая сигареты с настоящим табаком, которые каким-то образом умудрялся добывать, он рассказывал о своих неформальных знакомствах. Упомянул мэра Реймса, посла режима Виши в Соединенных Штатах и даже бывшего премьер-министра Франции, подчас делился с Инес новостями, полученными от какого-нибудь высокопоставленного деятеля. Антуан обладал властью, имел хорошие связи, вращался в высших кругах – и из всех женщин, которых мог выбрать, пожелал именно ее.

Все это казалось легким и почти волшебным, пока одним августовским днем Инес не явилась в знакомую квартиру за час до условленного времени. Открыв дверь ключом, полученным от Антуана две недели назад, она увидела его в компании двух немецких офицеров. Из патефона в углу гремел Вагнер, в воздухе висел дым от сигар, а на столе стояли две пустые коньячные бутылки.

– Ты слишком рано. – Антуан вскочил. Ни в его глазах, ни в голосе не было даже намек на обычную теплоту.

– Просто, – пролепетала Инес, – мне не терпелось тебя увидеть.

– А это что еще такое? – Один из немцев попытался подняться с дивана, но не сумел. Глаза у него были совершенно остекленевшие, а из-под расстегнутого кителя выпирал волосатый живот. Инес почувствовала тошноту. – Это для нас? Пикар, трусливый пес, говори!

– Нет, нет. – Антуан, широко и фальшиво улыбаясь, провел Инес в спальню, почти втокнул ее туда и плотно закрыл дверь. – Это моя приятельница, она просто зашла ко мне в гости.

– Приятельница! – повторил немец с сильным акцентом и громко рыгнул. – Это вы, французы, сейчас так называете проституток?

Инес прислонилась к двери и внимательно слушала, но Антуан не попытался защитить ее честь. Он лишь захохотал, а затем сказал немцам, что им, возможно, пора идти, но он позовет их завтра.

Когда стало тихо, Инес вышла в гостиную. Антуан стоял возле дивана с сигаретой и раздраженно курил, а в другой руке сжимал, как оружие, пустую коньячную бутылку. Он взглянул на Инес.

– Что тебе здесь понадобилось в этот час? – Антуан смотрел сердито, даже зло. – Сюда нельзя приходить когда заблагорассудится.

– Ты дал мне ключ. – Инес не верила своим ушам. – И я думала, ты будешь рад меня увидеть.

– Инес...

– А ты позволил им называть меня проституткой!

– Ну, а что мне было делать, Инес? – Он вихрем рванулся в кухню и бросил бутылку в раковину. Инес последовала за ним и на ходу крикнула:

– Защищать меня!

– Ты хоть понимаешь, кто ко мне приходил? Эрхард Крюгер, один из самых высоких военных чинов в Марне, и Франц Рудин, который лично знает Гитлера.

У Инес мороз пробежал по коже.

– Но что они делали здесь? В твоей квартире?

Антуан стукнул кулаком по кухонному столику.

– Черт побери, Инес, тебе это надо разжевывать? Они – мои друзья.

– Значит, ты... коллаборационист? – Она знала, конечно, что Антуан по работе общается с немцами, а контрабандные товары и деликатесы достаются ему благодаря деньгам и влиятельным друзьям, но как-то не соотносила одно с другим. Ей ни разу не пришло в голову,

что у него могут быть друзья в высшем немецком командовании. – Антуан, как ты можешь?

Он затушил сигарету о раковину, пересек кухню и обнял Инес.

– Дорогая, прошу тебя, позволь мне объяснить.

– Да что тут объяснять? – Но ее гнев уже отчасти выветрился, уступив место безумной надежде увидеть какое-то оправдание этому эпизоду – и себе. Ведь она, получается, несколько месяцев была любовницей человека, который сотрудничает с нацистами. – Да, объясни, пожалуйста.

– Милая Инес, – Антуан нежно поцеловал ее, и она ответила на поцелуй. – Я знаю, что сейчас принято ненавидеть немцев, но пойми – они прозорливее. Те французы, которые считают, что оккупация в конечном счете принесет стране только вред, не понимают логики исторических процессов. Мы сами виноваты в том, что Германия сумела так быстро нас одолеть. Она сильнее и в будущем приведет нас к процветанию.

– Но...

– Инес, я всегда думал, что ты лучше соображаешь. – Голос Антуана теперь звучал на октаву ниже. – И что такая женщина, как ты, никогда не поддастся на обман лживой пропаганды. Неужели я ошибся?

Инес почувствовала, что краснеет.

– Нет, конечно же, нет.

– В итоге, Инес, выживет только тот, кто выбрал правильную сторону. Я желаю Франции одного лишь добра, как можно винить меня за это?

В наступившей тишине, под умоляющим взглядом серых глаз, против которого была бессильна любая ее защита, она если и не согласилась с Антуаном, то почти поняла его. Кроме того, кто сказал, что Мишель и Эдит правы? Но одна вещь все-таки не давала ей покоя.

– Но депортация евреев в июле...

– Инес, – покачал головой Антуан, – ты правда думаешь, что немцы стали бы выдворять из страны людей, не причиняющих никакого вреда? Все евреи, которых забрали, были тем или иным образом связаны с Сопротивлением.

Инес подумала о подпольной работе Мишеля и почувствовала комок в горле.

– Но...

– Инес, это надо понимать. У немцев не было другого выхода.

– Но они забрали детей! Уж дети-то точно ничего не сделали!

– Арестованных всего-навсего отправляют на восток в трудовые лагеря, где они могут искупить свою вину. При этом немцы идут им навстречу и не разлучают семьи. То, что забирают детей, это акт милосердия, было бы чистым безумием предполагать иное.

– Но по всему нашему городу расклеены плакаты, дескать, все евреи – преступники и воры...

Антуан вздохнул:

– Ну, от нескольких плакатов ничье мнение на самом деле не переменится. Плакаты, конечно, дурацкие, но по большому счету не имеют значения.

Инес подумала, что для Селин эта пропаганда полна убийственного смысла, и тихо спросила:

– Ты ведь не веришь тому, что говорят о евреях?

– Инес! Конечно, нет! – ужаснулся Антуан. – А ты, пожалуйста, поверь мне, что это так. Но я, кроме того, понимаю, почему тех, кто пытается навредить Третьему рейху, нужно отправить прочь из страны. Поразмысли об этом. В любом случае немцы не стали бы высылать ни в чем не повинных людей – какой им от этого прок?

Инес долго смотрела на Антуана, недоумевая, почему ее никак не отпускает внутреннее напряжение, когда она изо всех сил стремится ему поверить.

– Наверное.

– Дорогая, я знал, что ты меня поймешь! – Он опять потянулся к ней и нежно ее поцеловал. – А теперь пообедаем? Я заказал у Арно столик.

Инес заколебалась, но, заглянув Антуану в глаза, не заметила там ни угрозы, ни злости.

– Да. – Она осознала, что одним коротким словом невольно выбрала, на чьей она стороне. И постаралась выкинуть этот разговор из головы, когда вместе с Антуаном вышла из квартиры на улицу. В ресторанчике «У Арно» их ждал уютный столик, а также бутылка ледяного шампанского, которого – по крайней мере на время – хватило, чтобы заглушить голос сомнения в душе Инес.

К октябрю, когда виноград был уже собран и в бочках бродило новое вино, Инес могла бы немного успокоиться: все-таки «Мезон-Шово» сумел и в военное время удержаться на плаву. Правда, Селин постоянно ходила мрачная: неизвестность тяжелым грузом давила ей на плечи, потому что никаких сведений о родных она так и не получила.

Однако Инес день ото дня все сильнее чувствовала внутренний разлад: совесть призывала ее к ответу за Антуана. Его доходчивые и хорошо, казалось бы, аргументированные рассуждения о стратегии Германии и неизбежности мирового господства нацизма постепенно потеряли для Инес прежнюю убедительность, и ей чем дальше, тем труднее становилось с ними согласиться. Антуан не сомневался: окончательная победа Германии в Европе – лишь вопрос времени. Но что, если гитлеровские военные ошибаются? И, главное, почему, выбрав сторону победителя, ты уже не можешь спокойно спать по ночам?

Инес лежала без сна рядом с похрапывающим Мишелем, пытаясь выгнать из головы вопросы, на которые у нее не было ответов. Объяснения Антуана насчет проведенной немцами депортации евреев никак не вязались с тем, что германская антисемитская пропаганда становилась лишь агрессивнее: нацисты явно готовились к следующему шагу. А как объяснить то, что оккупанты живут *la belle vie*^[24], припеваючи, а французы голодают и умирают от холода? Сейчас, когда надвигается новая зима, как может Антуан спокойно рассуждать о пользе оккупации для Франции?

Однажды дождливым пятничным вечером в начале октября Инес, поужинав с Антуаном, лежала в его объятиях и вдруг услышала на улице рычание грузовиков. Взвизгнули тормоза. Антуан храпел и не шелохнулся, когда Инес шепотом его окликнула.

– Антуан! – зашептала она более настойчиво, тряся его за плечи, и он открыл глаза.

– Мари?

Инес напряглась: Антуан не впервые произносил это имя в первые секунды после пробуждения, когда его сознание еще было затуманено.

– Нет, это я... – Она сделала вид, что не обижается: – Инес. – Кто такая Мари, она не знала, но давно догадывалась, что не является

единственной любовницей Антуана.

– Да-да, конечно, я так и сказал. – В голосе Антуана явственно звучало смущение. Он сел и потянулся за брюками, висевшими на краю кровати. – В чем дело?

– По-моему, снаружи что-то происходит.

Антуан выбрался из кровати и подошел к окну.

– Да, происходит.

– Что это? – Голая, она завернулась в одеяло, тоже подошла к окну, и у нее перехватило дыхание от ужаса.

На темной улице под ними немцы в форме, светя фонариками, волокли детей из дома напротив к французским полицейским машинам. Детей было четверо, все мальчики, в возрасте, наверное, от семи до четырнадцати лет. Самый младший, крохотный и тощий, с копной густых черных волос, отчаянно вопил, брыкался и вырывался; один из немцев наотмашь ударил его по лицу тыльной стороной руки, и маленькое тельце обмякло. Инес ахнула, а мальчика забросили в грузовик к остальным.

– Что это, Антуан? – повторила Инес шепотом, когда ей удалось сглотнуть. Хотя ответ она знала еще до того, как Антуан, не глядя на нее, бесцветным голосом произнес:

– Евреи.

– Куда их повезут?

– Вероятно, в Дранси. Это неподалеку от Парижа, лагерь для интернированных.

– А их родители?

– Скорее всего, депортированы раньше. Это сейчас частая ситуация – детям нельзя оставаться без присмотра, когда родители арестованы. И власти решают проблему.

– Но... это же всего-навсего дети.

Антуан повернулся к ней:

– Да, система несовершенна. Но скоро зима, с отцами и матерями они будут в большей безопасности.

– Но...

– Не надо о них беспокоиться, дорогая, это не наше дело. – Его зубы были стиснуты, брови сдвинуты вместе. – Так или иначе, сегодня берут не только детей. Это новая облава, такая же, как была в июле.

– Новая облава? – Инес почувствовала, что не может вздохнуть.

– Да, дорогая. Стандартная процедура. А теперь, может быть, ляжем спать?

Но Инес и думать не могла о сне. Что станет с этими несчастными детьми? И что, если на этот раз арестовывают евреев не только иностранного происхождения, подозреваемых в каких-то проступках? Если опасность грозит Селин?

– Я... я поеду домой.

– Посреди ночи? Ты с ума сошла?

– Нет. Просто... просто мне надо вернуться.

Антуан внимательно посмотрел на нее:

– А, это из-за еврейки, которая живет в имении твоего мужа?

Голова у Инес закружилась:

– Откуда... откуда ты про нее знаешь? Я же тебе ни разу не говорила!

– В департаменте Марна, Инес, не так много евреев. Кое-кто, кто видел нас с тобой вместе, предупредил меня. И если честно, это создало мне определенные проблемы. Мне пришлось оправдываться и объяснять, что ты в ее укрывательстве никак не замешана.

Чтобы не упасть, Инес ухватила за подоконник. Ее мутило, она не знала, что сказать.

– Антуан, Селин никогда не делала ничего противозаконного. И при чем здесь укрывательство? Она имеет полное право у нас находиться.

– Не волнуйся, *ma chère*^[25]. Она ведь родилась во Франции, верно? А депортируют, как и в прошлый раз, только евреев иностранного происхождения.

– Так ты... – У Инес вновь закружилась голова. – Ты знал заранее? О сегодняшних арестах?

Антуан пожал плечами.

– Я знаю об очень многом. Смотри, Инес, помнишь, я говорил тебе о том, как полезно быть на правильной стороне? Со мной вместе?

За окном взревели моторы, и полицейские машины тронулись с места.

– А Селин? Ей сейчас ничего не грозит? Или твои друзья уже собрались и за ней?

Антуан переменился в лице, и Инес с опозданием поняла, что совершила ошибку. Потом он улыбнулся, но холодно.

– Возможно, *мои друзья* когда-нибудь приедут за ней, но не нынешней ночью. – Он положил руку ей на плечо. – А сейчас, еще раз прошу тебя, пойдём спать.

Инес молча покачала головой, переполненная собственной виной, гневом, отвращением и бессилием.

Антуан еще раз пожал плечами и отвернулся, но Инес не могла оторваться от окна, хотя несчастных мальчишек давно увезли. Услышав за спиной безмятежный храп Антуана, она зажмурилась и сделала над собой усилие, чтобы не думать о том, какую сторону она раз за разом выбирала, до чего дошла и куда еще может пойти в будущем. Спустя еще несколько минут она, торопливо одевшись и схватив ключи от машины, шагала прочь.

По дороге в Виль-Домманж, в непроглядной ночи, при полном затемнении, Инес охватила паника. Вдруг Антуан солгал и на самом деле этой ночью забирают всех?

Она остановила ситроен перед флигелем, где жили Селин и Тео, и выскочила из машины, не выключая мотора. На шум вышел Тео с фонарем в руке, следом за ним – Селин в наспех накинутом халате.

– Что случилось? – Тео направил луч фонаря прямо в глаза Инес. – Инес, в чем дело?

– Я... – Она не сразу нашлась, что сказать. Что, насколько она поняла слова любовника, Селин, возможно, грозит опасность. – Новая облава!

– О боже! – Селин плотнее запахнула халат и схватилась за живот, как будто от боли. – Где? На кого?

– В Реймсе. – Инес отвела глаза. – Возможно, и еще где-то. Я... я беспокоилась о вас.

– О, спасибо вам, – Селин благодарно сжала руки Инес. От прикосновения ее мягких и вместе с тем сильных ладоней Инес охватил еще больший стыд. – Вы примчались посреди ночи из Реймса, чтобы меня предупредить?

– Я... я очень беспокоилась. – Под взглядом Селин ей было нестерпимо неловко. Что бы та сказала, узнай она, что Инес проводила время в удовольствиях, пока над евреями Марны сгущались тучи?

– У меня нет слов, чтобы выразить, как я вам благодарна. – Глаза Селин были полны слез.

– Селин, – вмешался Тео, – тебя надо на всякий случай спрятать.

Селин кивнула и повернулась к мужу:

– Да. Пошли к Мишелю, он скажет, как это лучше сделать.

Она проскользнула мимо Инес прочь, в сторону усадебного дома. Оставшись наедине с Тео, Инес поймала его взгляд в свете фонаря и уловила в нем нечто знакомое. Обиду и отверженность человека, которого перестали замечать, которым пренебрегли ради чего-то более значительного. В следующий миг он отвернулся и пробурчал:

– Пошли!

И Инес последовала за ним через темный двор.

Мишель был ошарашен известием, которое привезла Инес, но не стал терять время и сразу предложил Селин разместиться в погребах, в тайнике, охраняемом статуей Мадонны. Селин провела там два дня; Инес каждые несколько часов навещала ее, приносила ей еду и неловко пыталась развлечь беседой. На третий день все решили, что облава закончилась, а Селин в списках не оказалось. Она вышла на поверхность, и жизнь потекла как обычно.

Для всех, кроме Инес. Пережитый страх за Селин заставлял ее вновь и вновь думать об Антуане. Он оправдывал депортации легко и непринужденно, а ей его слова казались тогда убедительными. Может, Мишель прав, что считает ее дурочкой? Все эти вопросы давили на сердце, как тяжелые камни.

Через шесть дней после того, как Инес приехала из Реймса среди ночи, Мишель и Тео вскоре после полудня отправились осматривать лозы на винограднике в соседнем Саси, а Инес и Селин остались вдвоем в погребах – сортировать бутылки, полученные в начале недели от поставщика. Качество стекла резко снизилось – еще один результат оккупации – и чтобы новые бутылки зимой можно было заполнить вином, сейчас их следовало вручную проверить и отбраковать треснутые, с раковинами или иными дефектами.

– Инес, – Селин первой нарушила молчание. – Я так и не поблагодарила вас как следует за то, что вы сделали для меня на той неделе, когда в темноте приехали из Реймса, чтобы меня предупредить. Простите меня.

Инес прикрыла рот ладонью и замотала головой:

– Нет, Селин, это я должна просить у вас прощения.

Селин несколько раз моргнула:

– Ни в коем случае!

– Должна, поверьте. Боюсь, что я неверно судила о вас. – Инес помедлила, отвела глаза в сторону. – Мне стыдно признаться, и я понимаю, что это звучит безумно, но в последние месяцы я ревновала к вам Мишеля.

– Мишеля? – Селин покраснела. – Как вам такое могло прийти в голову?

– Знаю, что это неправда. И прошу у вас прощения за свою дикую фантазию. Наверное, я все это себе вообразила, потому что... потому что у меня ощущение, как будто наш брак разваливается.

– Инес...

– Селин, я должна что-то с этим сделать. Я все время совершаю ошибки и... – Инес осеклась, боясь сказать такое, о чем придется пожалеть. Отерла слезу. – Мне надо измениться, стать лучше, вот и все. Теперь я это знаю. В любом случае прошу у вас прощения за то, что в вас сомневалась, и за то, что теперь взвалила на вас эту историю. Мой брак – не ваша проблема.

– Инес, мне очень жаль, – прошептала Селин. Сочувствие так ясно было написано на ее лице, что Инес опять принялась всхлипывать. Наступила неловкая пауза, затем Селин обняла Инес одной рукой, та немного поплакала у нее на плече, успокоилась и отступила на шаг назад.

– Спасибо вам за доброту, – сказала Инес. – Я этого не заслужила.

Спустя час с виноградника вернулся Мишель, с перемазанными землей руками и лицом, и к этому моменту Инес успела дать себе обещание. Отныне все будет иначе. С Антуаном она при следующей же встрече порвет. Это единственный возможный выход. Пусть Антаун и оказывал ей немало внимания, но хороший человек никогда не встанет на неверную сторону в такой войне, как эта. Инес ужасалась себе – сколько времени ей понадобилось, чтобы это осознать. А теперь нужно дать Мишелю – и их браку – еще один шанс.

– Добро пожаловать домой, мой любимый, – сказала Инес, когда Мишель вешал пальто на крючок у двери.

– Привет, – Мишель смерил ее хмурым взглядом и нагнулся развязать башмаки, а когда выпрямился и увидел, что она стоит на прежнем месте, недоуменно сдвинул брови. – Что-то еще, Инес?

– Да. Я... я хочу перед тобой извиниться. Ты хороший человек, и я думаю, что недостаточно тебя ценю.

– О! – Он остановился и окинул ее взглядом. – Спасибо. Ты тоже хорошая.

Разговор выходил какой-то неловкий, словно между малознакомыми людьми. Они настолько отделились друг от друга, что теперь их разделяла гигантская пропасть.

– Я... я тебя люблю. – Инес шагнула к Мишелю, чувствуя уверенность в том, что слова, которые она произносит, могут вновь стать правдой. Она любила Мишеля, когда выходила за него замуж, и сейчас старалась вызвать в памяти то ощущение – как электрический ток проходил сквозь нее всякий раз, как Мишель смотрел в ее сторону.

– Да, я тоже тебя люблю.

– Пойдем в постель, Мишель, – проворковала она и, встав на цыпочки, дотянулась губами до его губ и прижалась к нему. Знакомые изгибы его тела теперь воспринимались как чужие. Антуан был худым и сухощавым, Мишель – кражистым и мускулистым.

– Послушай, – начал он, но Инес зажала ему рот поцелуем и прошептала:

– Возьми меня, Мишель. Прошу тебя. Я – твоя жена. – Она понимала, что ее просьба звучит как отчаянная мольба, но она действительно была в отчаянии. Близость с мужем была нужна ей как спасение, как то, что поможет ей отойти от края бездны.

– Инес...

Она вновь поцеловала его, и на сей раз он ответил, обнял ее, привлек к себе, и она вздохнула с облегчением. Повела его в спальню, выскользнула из платья и, пока он не передумал, расстегнула ему ремень.

Они легли в постель, но их движения напоминали хорошо отрепетированный танец. Прикосновения Мишеля то и дело казались Инес механическими, и она говорила себе, что это просто потому, что у них давно уже не было близости.

Когда все закончилось, Мишель коротко обнял ее и собрался вставать.

– Мне надо кое-что проверить в погребках, не возражаешь?

Инес надеялась, что они поговорят, и теперь силилась не сравнивать это резкое завершение с той нежностью, с которой Антуан обращался с ней после близости.

– Может быть, поужинаем?

– Спасибо, Инес, я не голоден.

– Ты не побудешь еще немного, Мишель? Здесь? Со мной?

Но он уже натягивал одежду и доставал башмаки.

– Надо идти к бутылкам.

– К бутылкам, – не удержалась Инес, – или к винтовкам?

В глазах Мишеля сверкнуло, и, когда он заговорил вновь, его тон был холодным и отрывистым:

– Бутылки. Как я сказал. Отдохни, Инес.

Когда Мишель спустя много часов вернулся, от него пахло мелом и ночью. Инес еще не спала и закрыла глаза, притворяясь спящей, а он забрался под одеяло и лег к ней спиной, так далеко, как только мог.

Глава 19

Октябрь 1942

Селин

После признаний Инес Селин было не по себе: весь оставшийся день ее терзало чувство вины. Инес оказалась лучше, чем думала Селин. И несмотря на все свои предыдущие высказывания, все отлично понимает о судьбе евреев.

Селин спрашивала себя, не слишком ли рьяно присоединилась к Мишелю в обращении с Инес как с наивной простушкой. Возможно, супруга Мишеля и не судила бы превратно о положении дел, если бы Селин все эти месяцы относилась к ней с большей теплотой и находила время для душевных разговоров. Инес не дурочка, просто она слишком молода и не хочет знать новостей с войны.

Мишеля это раздражало, он злился, что Инес не понимает, как много поставлено на карту, и из-за этого вовсе перестал обсуждать с ней серьезные вопросы. Но он ошибался, предполагая, что жена вообще не понимает, что происходит. Нет, Инес, как и Тео, закрывала глаза на ужасающие факты, успокаивая себя простыми объяснениями. Селин бы тоже хотелось поверить, что все хорошо, жить в мире, где главной проблемой были бы неподобающие чувства, которые она испытывает к Мишелю. Где ее не преследовал бы ежедневный ужас от того, что отца и деда с бабкой увезли на смерть, а следующей может стать она.

Скорее всего, именно от этого ужаса и одиночества Селин однажды вечером, примерно три месяца назад, оказавшись в погребах вдвоем с Мишелем, на несколько секунд отбросила сомнения и потянулась к нему за одним-единственным запретным поцелуем. И будто электрический ток прошел сквозь все тело, а губы затрепетали от вкуса его губ. Она, конечно, понимала, что это неправильно, но Мишель был так же одинок, как и она, а в его глазах, устремленных на нее, ясно читался любовный голод. И все же – что она натворила?

– Простите меня, пожалуйста, – начала она помертвевшим голосом. – Я не должна была...

Но Мишель тут же вновь привлек ее к себе, запустил пальцы ей в волосы, поцеловал долгим поцелуем и тихо проговорил:

– Господи, Селин, сколько же я этого ждал!

– Но Тео и Инес...

– Не те, за кого мы их принимали, – твердо сказал Мишель. – Неужели вы этого не чувствуете, Селин? Этой связи между нами? Я давно уже знаю, что люблю вас, а вы разве нет?

У нее перехватило дыхание, и впервые за многие годы перед ней замаячила надежда. Со слезами на глазах она прошептала «да». Спустя еще неделю они соединились – там же, в погребках, – и Селин поняла, что пути назад нет.

Теперь, переполненная чувствами, о которых наверняка потом придется пожалеть, она дождалась, пока Тео уснет, выбралась из постели и, взяв лампу, выскользнула в заднюю дверь.

Привычно ощущая, как ее окутывает подземная прохлада, она тихонько спустилась по ступенькам винтовой лестницы, прошла вдоль главного коридора, свернула направо, налево, затем снова направо в узкий проход. Там, в глубине, находилась комната, частично скрытая кирпичной стеной, так что ее невозможно было заметить, если специально не искать. На полу, спрятанное между двух огромных пюпитров с бутылками, лежало одеяло. Селин села, завернулась в него и стала ждать.

Она просидела так почти час и уже начала впадать в панику, когда услышала приближающиеся шаги по каменному полу, поднялась на ноги и прищурилась, вглядываясь в темноту. Наконец у входа в ее убежище возник силуэт, окруженный ореолом от света лампы.

– Мишель! – Селин почувствовала огромное облегчение. – Слава богу, я уже стала беспокоиться.

– Прости, пожалуйста, что опоздал. – Мишель прошел внутрь и поцеловал ее в обе щеки. – Инес хотела поговорить, и...

– Все в порядке, не нужно ничего объяснять. – Селин не хотелось думать об Инес и слышать, как Мишель произносит ее имя. Когда Инес со слезами на глазах просила у нее прощения за то, что заподозрила ее в любовной связи с Мишелем, Селин едва не упала Инес в ноги и не призналась во всем. В том, что они с Мишелем действительно любовники. Что Селин уже два месяца как помогает

Мишелю в подпольной работе. И любит его с мучительной и непреодолимой страстью.

– Селин, – выдохнул Мишель и поцеловал ее снова, на сей раз в губы. – Я должен кое-что тебе сказать.

Тут она заметила, что одежда Мишеля измята, а выражение лица виноватое.

– Что-то случилось с нашей сетью? Пожалуйста, скажи, что не с мадам Годен.

Селин очень любила эту строгую женщину средних лет, которая в последние месяцы поддерживала их связь с подпольем. Днем это была дородная сердечная домохозяйка, супруга ничего не подозревающего винодела, а по ночам превращалась в пламенного бойца и незаметно проскальзывала от тайника к тайнику с винтовками, спрятанными в складках платья. Несколько недель назад немецкий часовой остановил ее, когда она несла шесть стволов, но отпустил, с отвращением махнув рукой, когда она стала болтать о свином навозе и удобрениях. Вечером того дня она двадцать минут хохотала над этим приключением в «Мезон-Шово», помогая прятать оружие в бочку, предназначенную для отправки на север.

– Нет, нет, ничего подобного. – Мишель запустил пальцы в ее волосы. – Это Инес, Селин. Прости, но сегодня вечером у нас с ней были... *отношения*. Мне пришлось.

– О! – Селин, задохнувшись, отступила на шаг. Но она не имела права на боль – ведь Инес как-никак жена Мишеля. Попыталась, наверное, начать все с чистого листа. Возможно, это знак, чтобы Селин заканчивала роман с Мишелем. Но это невозможно!

– Селин, – начал Мишель.

– Не надо оправдываться, ты не сделал ничего дурного.

– Но та, которую я люблю, – это ты.

– А та, на которой ты женат, – она. – Селин улыбнулась сквозь слезы. – И в силу этого мы с тобой неправы, верно?

Несколько мгновений они молча глядели друг на друга, и, как раз когда Селин собралась с силами, чтобы произнести нужные слова, заговорил Мишель:

– Пора, Селин.

– Что пора?

– Принимать груз. – Мишель всмотрелся в ее лицо. – Ты уверена, что хочешь помогать? У меня не лежит душа рисковать тобой.

После секундного колебания Селин кивнула: сердце бешено билось. Мишель еще в августе согласился, чтобы она вместе с ним помогала подпольщикам, но до сих пор она работала только в погребах, получая оружие, которое привозили два человека – мадам Годен и мужчина, известный только под конспиративной кличкой Ренар – «Лис». Мишель говорил, что так безопаснее: если что-то случится, Селин будет утверждать, что в погребах имела дело только с вином. Но она постоянно просила новых поручений для подполья, и накануне ночью Мишель наконец сказал, что ему понадобится пара рук для одного дела, хотя и не объяснил, для какого именно.

– Пошли, – сказал Мишель.

Они взялись за руки, переплетя пальцы, и заспешили наверх.

Небо было ясным, и при свете месяца Селин могла разглядеть на пологих холмах костлявые очертания голых лоз, уснувших на зиму.

– Что происходит? – прошептала она. – Куда мы идем?

– Доверься мне, – ответил Мишель. В молчании они зашли на виноградник и двинулись вдоль одного из аккуратных рядов. Под ногами у них шуршали опавшие листья и хрустела мерзлая земля.

Их фигуры наверняка были хорошо заметны, шаги отчетливо слышны, движения очевидны, но Селин, доверившись Мишелю, шла за ним следом.

Еще через мгновение они оказались на дороге, и в первый момент Селин не могла понять, зачем они сюда пришли. Вокруг никого не было, и вряд ли кто-то мог бы скрытно приехать сюда среди ночи – звук на пустой дороге слышался за километры. Даже просто стоять здесь казалось безрассудством – что, если проедет немецкий грузовик и солдаты их заметят?

– Мишель, – нерешительно начала она, но тут из-за поворота в каких-то пятидесяти метрах от них появились двое мужчин, с ног до головы одетых в черное; они катили нагруженную телегу.

– Опаздываешь, – проворчал в темноте один из них. – И кого ты привел помогать? Это же женщина!

– Она сильная и ловкая, – твердо ответил Мишель.

– И ты ей доверяешь? – спросил незнакомец.

– Как себе самому, – сказал он вполголоса.

Селин едва различала черты незнакомца, окутанного темнотой, словно плащом; лишь белки его глаз сверкали в лунном свете.

– Хорошо, – сказал он, – будем считать, что ты не ошибся, потому что, если ты из-за нее попадешься, тебе без колебаний всадят пулю в голову. – Он фыркнул, то ли весело, то ли раздраженно, но сделал знак своему напарнику, и они, кряхтя от усилия, вместе поволокли свою телегу в сторону Мишеля и Селин. Напарник был худее и ниже ростом, и, когда он подошел ближе, Селин заметила в его глазах нечто вроде благожелательности. Он кивнул Селин, и она кивнула в ответ.

– Не говори потом, что я тебя не предупреждал, – сказал напоследок Мишелю первый мужчина, по-прежнему не обращая внимания на Селин, и оба скрылись в темноте.

– Давай, нам нельзя задерживаться, – сказал Мишель, берясь за оглоблю. – Тащи в меру своих сил. Я возьму основной вес на себя, а ты поддерживай равновесие и следи, чтобы мы ее не тряхнули. Я не ждал так много.

Селин нерешительно поглядела на телегу – обычную, деревянную, в какую впрягают мула. В ней лежало что-то тяжелое, укрытое слоем соломы.

– Оружие?

– И взрывчатка.

Мишель показал на другую оглоблю, Селин подставила под нее плечо, после чего Мишель, крякнув, тронул телегу с места и они вдвоем покатали ее через темный виноградник к входу в погреб.

Несколько минут они шли молча, потом, приблизительно на половине пути, Селин, стараясь не сбить дыхание, спросила:

– А откуда приходит оружие?

– Я не спрашиваю. Может, англичане. А может, Америка или Канада. Я знаю только одно: этот поворот дороги – прекрасное место для получения груза. Отсюда его можно перенести на хранение в наши погреба, а из погребов его заберут другие люди. – Селин споткнулась о корень, чуть не перевернув телегу, но Мишель помог ей удержаться.

– Извини, – прошептала она, восстановив равновесие.

– Нет, это ты меня извини. – Некоторое время Мишель только кряхтел, проходя неровный участок дороги. – Многовато для тебя, я должен был придумать, как справиться в одиночку.

– Нет, Мишель, пожалуйста, я хочу участвовать.

– Но почему, моя любимая? Почему ты не хочешь, чтобы я оберегал тебя от опасностей?

Селин взглянула на звездный пунктир над головой и вдруг подумала об отце: где он, видит ли сейчас это же небо? А бойцы Сопротивления и подпольщики по всей Франции? А солдаты в окопах далеко на востоке, из последних сил отбивающие атаки нацистов? Здесь, в темноте, замусоренной звездной пылью, Селин была лишь крохотным пятнышком света на земле и сама по себе мало что значила. Но сейчас, делая важное дело, она чувствовала, что значит больше, что решения, которые она принимает, могут помочь изменить мир.

– Потому что, – сказала она – я хочу быть частью чего-то большего, Мишель.

– Ты и есть его часть. Как и все мы, кто ведет скрытую работу. – Уже показался главный дом, и Селин представила себе, как там засыпает Инес, не подозревая об опасности за дверью. – Мы – бойцы незримой армии, те, кто вернет Франции победу.

Селин перевела взгляд со звезд на Мишеля. Глаза щипало от слез. Он даже не понимает, до какой степени изменил ее жизнь!

– Мы, – тихо проговорила она, – те, кто вернет стране будущее.

Мадам Годен появилась после полуночи, туго завернувшись в плащ. Могучая как бык, она не лишена была и женственного шарма. Нежный голос и грубые манеры – это сочетание неизменно завораживало Селин. Впрочем, кому, как не ей, было знать, что в одном человеке могут уживаться самые неожиданные вещи. Кто бы мог подумать даже полгода назад, что она изменит мужу, полюбит человека, женатого на другой, и вступит в ряды Сопротивления, внешне оставаясь все той же трудолюбивой хозяйкой и образцовой супругой, какой была всегда?

– Оружие есть? – нараспев проговорила мадам Годен, спустившись в погреба. Ее глаза, как всегда, беспокойно стреляли по сторонам.

– Есть, прямо здесь, – ответил Мишель. – На этот раз есть и взрывчатка.

– Хорошо. Хорошо. – Мадам Годен взглянула на Селин. – А вы? Как я понимаю, пришли помогать?

– Да, мадам. – Селин, сама не зная почему, вдруг занервничала.

Мадам Годен бросила на нее быстрый взгляд, и Селин показалось, будто все ее секреты прочли, словно раскрытую книгу.

– Хорошо. – Мадам Годен вновь повернулась к Мишелю. – Ребята с телегой наверху. Сходите за ними, а мы с Селин пока подготовим бочки.

Мишель кивнул и направился к лестнице. Мадам Годен сделала знак Селин, и они пошли в тот погреб, где хранились бочки, набитые оружием.

– Имейте в виду, вы занимаетесь опасными вещами, – сказала мадам Годен, как только Мишель ушел. – Осторожнее.

Селин сделала глубокий вдох:

– Но, мадам, я занимаюсь тем же, чем и вы. Я хочу быть полезной.

– Я не о вашей работе для Соппротивления, – мадам Годен сверлила Селин взглядом, – а о вашем романе с месье Шово.

Селин почувствовала, что краснеет.

– А как вы...

Мадам Годен жестом остановила ее:

– Я помню себя молодой и знаю, что сердцу не прикажешь. Но изменять тем, кто тебе близок, опасно, особенно в такое время, как наше.

Селин тяжело сглотнула, чувство вины переполняло ее.

– Знаю.

– Я по глазам вижу, что вы его любите. По-моему, он вас тоже любит. – Она вздохнула: – Но почва у вас под ногами зыбкая.

Селин не успела ответить, как мадам Годен повернулась и пошла вперед. Селин сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, и последовала за ней в погреб, где хранилось оружие. Мадам Годен жестом показала ей на одну из бочек, а сама покатила в сторону зала другую такую же.

– Куда их отправят отсюда? – проговорила Селин, почувствовав, что неловкое молчание затягивается. – Кому вы их передаете?

Мадам Годен остановилась, посмотрела на Селин и приложила обе руки к губам.

– Задавать вопросы еще опаснее, чем влюбляться не в тех мужчин. – Она помолчала и, по-прежнему глядя на Селин, добавила: – Раньше вы ни о чем меня не спрашивали.

– А теперь спрашиваю. Пожалуйста, я хочу знать, что делаю хорошее дело.

– Лучше, чтобы каждый знал только свое место в цепочке. Уже и это достаточно рискованно. – Мадам Годен отряхнула руки и зашагала прочь, а когда Селин выкатила в зал свою бочку, мадам Годен там уже не было. Следующие двадцать минут Мишель и двое других мужчин ходили вверх и вниз по лестнице, поднимая бочки и унося их в чернильную ночь.

– О чем ты говорила с мадам Годен? – спросил Мишель после того, как бочки с оружием уехали и он снова спустился в погреб к Селин. – У нее был расстроенный вид.

– Я... я спросила ее, куда отправляют винтовки.

Мишель поднял бровь:

– Зря.

– Знаю. – Селин помедлила. – Она уехала?

– Да. – Мишель жестом пригласил Селин присесть на каменную скамью у стены. Какое-то время они сидели молча, потом Мишель сказал:

– Селин, рано или поздно эти винтовки будут стрелять во врагов. Немцы не слышат голоса разума. Они понимают только винтовочные выстрелы.

Селин кивнула, закрыла глаза.

– Ясно. – Ей и правда было ясно. Но ясно было и другое: за все надо платить. На что она обрекает свою душу, вкладывая оружие в руки тех, кто станет убивать?

– Что такое, Селин? – Мишель положил ладонь на ее щеку.

Она открыла глаза, взглянула на него:

– Мадам Годен знает про нас с тобой.

Мишель пристально глядел на нее с непроницаемым выражением лица:

– Она ничего не упускает, верно?

Селин тряхнула головой и в наступившем молчании искала слова, которые следовало произнести и которые все изменят. Она сделала глубокий вдох:

– Есть еще кое-что, о чем мне нужно сказать тебе, Мишель. Кое-что важное.

Мишель взял ее за руку – чувствует ли он, какая у нее влажная рука?

– О чем, моя дорогая?

Селин собралась с силами. Она репетировала эту фразу уже две недели, с тех пор, как у нее во второй раз не пришли месячные.

– Мишель, я беременна.

Она затаила дыхание, а Мишель застыл с приоткрытым ртом и, не отрываясь, смотрел на нее. Ей вдруг представилось, что он, может быть, досадует на возникшую трудность и недоволен, что она, Селин, допустила такое развитие событий.

– О, Селин, – наконец проговорил Мишель. – Это ребенок Тео?

– Нет-нет! – Селин взяла его за руки. – Он твой, Мишель!

Мишель крепко стиснул ее пальцы, глаза его расширились.

– Ты уверена?

– Да. – Она не стала объяснять, хотя самой это было очевидно. С Тео у нее не было близости несколько месяцев, и, лишь осознав ситуацию, она поспешила с ним лечь – что, конечно, делало ее худшей женщиной в мире. Но ничего другого не оставалось. Что будет, когда Тео заметит ее живот и поймет, что он здесь ни при чем? Разумеется, он сразу поймет, кто отец ребенка, и остается лишь гадать, как он станет мстить. В «Мезон-Шово» имелось слишком много смертельно опасных тайн, чтобы рисковать.

– Ты сердисься? – спросила Селин, не дождавшись ответа Мишеля.

– Нет, Селин, конечно же, нет. Я счастлив, очень, очень счастлив.

– Правда?

Он отер слезы.

– Селин, я люблю тебя. И ничто на свете не может это изменить.

– Но ребенок все осложнит.

– Все и без того сложно. И да, нам придется пока держать это в секрете, но, Селин, у нас будет ребенок. Общий. Соединение лучшего, что есть в тебе и во мне. Это – да, это чудесно.

Она бросилась к нему в объятия, и он прижал ее к себе крепче обычного. Она не сознавала, что плачет, пока он, чуть отодвинувшись, не отер большим пальцем слезы с ее щек.

– Что с тобой, любимая?

– Мне так страшно. – Селин положила руки на живот. – За тебя, за меня, а вот теперь еще и за него. А что будет, когда он родится? Мы не сможем вечно скрывать правду от Тео и от Инес.

– Придумаем.

– Я просто представляла все это себе совсем по-другому.

– Но происходит то, что происходит. А жизнь, зачатая в любви, всегда благословение, невзирая на все сложности.

– Знаю. – Но Селин понимала: эта радость – рождение ребенка – навсегда останется омрачена ее проступком. К тому же сын или дочь могут так и не увидеть своего дедушку. Не говоря уже о том, что, столь многого лишенная, она и сама виновата, что лишила Инес Мишеля.

– Селин. – Мишель взял ее руки в свои. – Наверное, тебе сейчас лучше выйти из нашей группы.

Селин уже думала о том, что оборвать связь с подпольем было бы, пожалуй, безопаснее и для нее, и для ребенка. Но не могла на это пойти: на карту было поставлено слишком много.

– Нет. Если я не стану бороться за лучшее будущее, мой ребенок обречен.

– Но если ты погибнешь...

– Я умру, если прекращу быть собой, – твердо сказала Селин, хотя в душе и колебалась. – У каждого из нас есть причины отступить, но великое дело требует риска. Я уверена, Мишель. Теперь у меня больше оснований бороться, чем когда бы то ни было.

– Но...

– *Прошу тебя!*

Мишель долго смотрел на нее.

– Хорошо.

Когда он вел ее за руку в дальнюю часть погребов, ей показалось, что ребенок шевельнулся в животе, хотя для этого было еще слишком рано.

Глава 20

Июнь 2019

Лив

Лив понимала, что накануне слишком грубо ответила бабушке Эдит, но она устала ходить на цыпочках и искать дорогу на ощупь, пока бабушка по-прежнему придерживает все карты. Да и возмутиться намеками на адюльтер – что тут такого? Лив уже не верилось, что Жюльен вчера действительно ее поцеловал, а она не остановила его немедленно. Промаявшись всю ночь, она поднялась затемно, готовая извиниться перед бабушкой. Но та все утро не выходила из своей комнаты и отказывалась разговаривать, лишь резко выкрикнула из-за закрытой двери, что с ней все в полном порядке.

Лив оделась, вышла из гостиницы и направилась на юг от площади Эрлона, не вполне понимая, куда ее несут ноги. Ну почему первый за многие месяцы человек, который ее рассмешил, – и впервые в жизни дал почувствовать, что ее ценят, – принадлежит другой? Досадуя на себя, она вытерла губы. Не сама ли она спровоцировала Жюльена, жалуюсь на свои семейные невзгоды и смеясь его шуткам?

Но даже сейчас, коря себя, она испытывала странную и стыдную легкость. Ей нравилось с ним перешучиваться, его общество раскрепощало, а поцелуй ощущался как нечто совершенно естественное. Что все это говорит о ней самой? Что она ничем не отличается от новой подружки Эрика – разве что на полтора десятка лет старше и слишком хорошо знает, какими потерями, каким отчаянием может обернуться неверность.

На углу улицы Тиллуа Лив замедлила шаги, чтобы пропустить группу туристов, и вдруг заметила, что стоит прямо напротив брассери «Мулен». Интересно, она сама подсознательно выбрала маршрут, который привел ее сюда, или это знак? Впрочем, неважно. Она здесь и желает знать правду. Лив перешла через дорогу и вошла в дверь.

– *Bonjour, une table pour une personne, s'il vous plaît*^[26], – сказала Лив возникшему перед ней официанту и вновь взглянула на висящую возле двери фотографию, с которой смотрела молодая бабушка.

Официант улыбнулся, взял меню и направился было к столику, но Лив окликнула его: – Пойдите!

Он оглянулся, удивленный:

– *Oui, madame?*^[27]

– Вы говорите по-английски?

Он колебался:

– Немного. Чем я могу вам помочь?

– Я просто... У меня вопрос об этой фотографии. – Она указала рукой на снимок, и официант вернулся, чтобы на него посмотреть.

– Да?

– Это, должно быть, прозвучит странно, но я думаю, что изображенные здесь люди – мои дед и бабушка.

Официант нахмурился:

– Это супруги Тьерри, они владели этой брассери много лет назад.

– Да. – Лив дотронулась до фотографии. – Моя бабушка – Эдит Тьерри. На этой неделе она привезла меня сюда, в Реймс.

– Но, мадам, изображенная здесь женщина вряд ли еще жива. Ей сейчас должно было бы быть, наверное, больше ста лет.

– Ей девяносто девять, а на снимке, получается, девятнадцать. Я просто... я ищу ответы на некоторые свои вопросы и надеялась найти их здесь.

Официант все еще глядел на нее с сомнением, однако кивнул:

– Позвольте мне показать вам столик, а затем я попробую разыскать Жан-Пьера Руссо. Он работает здесь много лет и может что-то знать. Я выясню, где он.

– Спасибо вам огромное.

– Не за что. – Официант, улыбаясь, подвел ее к креслу. – Надеюсь, вы найдете то, что ищете.

Десятью минутами позже, когда Лив сидела за своим столиком с фужером брютта «Моэт э Шандон» и перечитывала историю брассери на обороте меню, к ней приблизился очень пожилой, под восемьдесят, седоволосый мужчина в рубашке и галстук.

– Простите, – сказал он на безукоризненном английском. – Это не вы разыскиваете кого-нибудь, кто мог бы поговорить с вами об истории этой брассери?

– Да, верно. – Лив поднялась на ноги, но мужчина жестом попросил ее сесть.

– Пожалуйста, сидите, а я, если позволите, к вам присоединюсь. – Он выдвинул стул. – Я Жан-Пьер Руссо, метрдотель.

– Для меня большое удовольствие познакомиться с вами, месье Руссо. Я Лив Тьерри Кент, – Лив протянула руку.

– А, так вы и правда Тьерри, Жан-Марк ничего не перепутал. И ваши предки были как-то связаны с брассери «Мулен»?

– Я полагаю, что моя бабушка Эдит Тьерри вместе со своим мужем Эдуаром владела этой брассери во время Второй мировой войны. Может быть, вы их знали?

Руссо покачал головой:

– Я здесь только с 1960-х. Но мой отец – он действительно работал здесь в 1940-х, у Тьерри.

– Ваш отец? – Лив подалась вперед. – А он жив? Нельзя ли мне с ним поговорить?

Руссо вновь покачал головой:

– Как бы я хотел, чтобы это было возможно. Увы, мой отец много лет назад, в возрасте всего пятидесяти лет, скончался от сердечного приступа. Но в детстве и в юности я часто слышал от него рассказы о военном времени и этой брассери.

– И о Тьерри тоже?

– Да, конечно. Он их очень любил. Вы, как я заметил, читали меню, а значит, знаете, что Тьерри участвовали в Сопротивлении. Но известно ли вам, как именно и сколь это было важно? Немецкие офицеры, которые приходили сюда, много пили – бармены всегда наливали им бесплатно, – а напившись, выбалтывали то, о чем им полагалось молчать. Тьерри и их работники подслушивали, что говорят немцы. Мой отец тоже. Однажды он услышал, как некий немецкий лейтенант рассказывает о планах арестовать руководителей маленькой ячейки Сопротивления, действовавшей здесь, в Шампани, и сумел через Тьерри сообщить об этом графу Роберу-Жану де Вогюэ. Тот предупредил подпольщиков, они скрылись, и немцы их так и не поймали.

– А кто это – Робер-Жан де Вогюэ?

Руссо усмехнулся:

– Вам известен дом шампанских вин «Мозэ э Шандон»?

– Конечно. – Лив посмотрела на свой бокал.

– Так вот, де Вогюэ был главой этого дома – в то время самого крупного – и, как вы понимаете, весьма важной персоной. Немцы, когда явились сюда, обращались с ним уважительно, потому что он имел большое влияние на остальные дома. – Руссо заговорщически наклонился вперед, его глаза сверкали. – А кроме того, он был одним из руководителей Сопротивления в восточной части Франции.

– Постойте, глава дома «Моэт э Шандон» был в числе лидеров Сопротивления?

– В те дни, мадам, никто не был тем, кем казался. Супругов Тьерри, к примеру, все считали коллаборационистами – кому бы пришло в голову, что на самом деле они вместе с де Вогюэ ведут подпольную работу против немцев? Владельцы дома Пипер-Эдсик прятали в своих погребах оружие, владельцы дома Крюг – сбитых летчиков. – Руссо легонько постучал по основанию фужера Лив. – Это шампанское, дорогая мадам, символизирует нашу историю. Героизм. Отвагу. Люди, стоящие за нашими винами, помогали спасти Францию.

Лив глядела на сотни мельчайших пузырьков, которые неслись вверх со дна фужера.

– И супруги Тьерри тоже в этом участвовали?

– *Mais oui*^[28]. Они были в самом центре событий.

– А что с ними произошло? Вы знаете?

Руссо пожал плечами:

– Если ваша бабушка – действительно та самая Эдит Тьерри, то вам, вероятно, известно больше, чем мне. После войны не все в Реймсе поняли, что супруги работали на Сопротивление, и многие по-прежнему их ненавидели как коллаборационистов. Как я понимаю, мадам Тьерри оставила Реймс еще во время оккупации, а месье Тьерри – вскоре после освобождения города. Какое-то время, пока ее не купили Буше, брассеры стояла закрытой, а когда открылась вновь, все уже знали, что Тьерри герои. Но они так сюда и не вернулись.

– То есть они пережили войну оба? С бабушкой понятно, но мой папа не знал своего отца. И я всегда думала, что он погиб во время войны.

– Нет, они оба выжили. Но погибли многие из тех, кто был с ними рядом. Помню, отец рассказывал, немцы застрелили лучшую подружку мадам Тьерри за участие в Сопротивлении. Он еще удивлялся, потому

что у этой подруги был любовник-коллорационист, но как знать? Может, она и у него что-то выведывала. В те дни, как я уже говорил, никто не был тем, кем казался. Примерно в то же время, я думаю, мадам Тьерри и уехала. Мой отец всегда считал, что месье Тьерри через некоторое время отправился туда, где жила она, чтобы с ней воссоединиться. Как бы то ни было, невольно поражаешься тому, как самые обыкновенные люди рисковали жизнью ради Франции. Если вы правы насчет вашей бабушки, мадам, то она – одна из тех героев.

Лив тяжело сглотнула. Как получилось, что бабушка Эдит никогда не рассказывала о той трагедии? Возможно ли, что именно это теперь заставляет ее держаться со всеми так отстраненно?

– Благодарю вас, месье Руссо. – Лив встала.

– Для меня было большим удовольствием побеседовать с вами. Молодежь сегодня не очень интересуется прошлым. Надеюсь, вам удастся найти то, что вы ищете. – Он сделал знак официанту, который обслуживал Лив. – Я попрошу принести вам бокал «Шово» – за счет заведения, как говорят у вас в Америке. Без него эта история, я полагаю, будет неполной.

– «Шово»? – переспросила Лив.

– Да-да. – Руссо повернулся к подошедшему официанту, коротко переговорил с ним по-французски, а затем вновь обратился к Лив: – Дело в том, что лучшую подругу Эдит Тьерри – ту, которую застрелили немцы, – звали Инес Шово. Она вместе с мужем владела винодельней «Мезон-Шово», одной из лучших во всей Шампани.

После бокала «Шово» вслед за бокалом «Моэт» у Лив закружилась голова. Рассказ месье Руссо лишь запутал все еще сильнее. Зачем бабушка потащила ее через океан в Шампань, если сама только и делает, что сидит у себя в комнате и хандрит в промежутках между стремительными вылазками по загадочным делам? Но то, что она участвовала в Соппротивлении – и потеряла тогда лучшую подругу, – проливало некоторый свет на причины ее скрытности. Может быть, бабушка Эдит, которая никогда не выставляла своих чувств напоказ, до сих пор оплакивает потерю. И может быть, именно поэтому ей так сложно объяснить Лив, для чего они сюда приехали.

Когда Лив вернулась в гостиницу, бабушка Эдит сидела за столиком и читала газету. Рядом стоял бокал с шампанским, а

откупоренная бутылка охлаждалась в ведерке со льдом. Бабушка подняла глаза на Лив:

– Где ты была, дорогая?

– Выходила. – Лив все еще не понимала, как ей быть с тем, что она только что узнала.

– Я только что открыла бутылку шампанского. Не откажешься от бокала? Мне бы хотелось с тобой поговорить.

– На самом деле я только что выпила почти полбутылки.

Бабушка Эдит удивленно подняла брови.

– Так что лучше не надо.

– Не будь занудой, – сказала бабушка, а когда увидела, что Лив медлит в нерешительности, закатила глаза и добавила: – Очень невежливо, дорогая, заставлять человека пить в одиночку. А вот и бокал для тебя. Давай же, налей себе немного.

Лив взялась за бутылку, наполовину вытасила ее из ведерка со льдом и резко остановилась.

– Это «Шово»?

– Да, – ровным голосом ответила бабушка, но глаза отвела в сторону.

Лив вдруг стало отчаянно жаль бабушку, потерявшую лучшую подругу, по-видимому, больше семидесяти лет назад. Она осторожно спросила:

– Ты знала людей, которые владели этим домом шампанского?

Бабушка Эдит несколько раз сморгнула:

– Да.

– Ты об этом собиралась со мной поговорить?

– Нет. Так ты нальешь себе или нет?

Лив налила полбокала, отпила маленький глоток и уселась напротив бабушки. Упоминание «Мезон-Шово» особо бурной реакции не вызвало, но вряд ли стоило еще раз испытывать судьбу и заводить речь об Инес Шово, старой бабушкиной подруге. Лив сделала еще глоток и велела себе набраться терпения. Казалось, бабушка вот-вот сообщит что-то важное, просто никак не подберет нужные слова.

– Оливия, дорогая, я надеялась кое-что прояснить, – наконец проговорила она.

– Хорошо, – откликнулась Лив. – Это по поводу брассери? И твоего участия в Соппротивлении?

– Что? Нет. – Предположение Лив явно ошарашило бабушку. – По поводу Жюльена.

– А, об этом.

– Оливия, откуда ты взяла, что он женат?

Лив в изумлении уставилась на бабушку.

– Из его собственных слов. Он подробно рассказал мне о своей жене, Дельфине, и о дочке Матильде. На этот счет он, по крайней мере, был честен. – Лив почувствовала, что начинает злиться. – И знаешь что? Первая встреча с ним меня на самом деле обнадежила в отношении моего собственного будущего, потому что было понятно, как сильно он их любит, и я размечталась, что мне тоже когда-нибудь посчастливится встретить такую любовь. А потом он попытался обмануть свою жену! Со *мной*! Что же это такое? Остались еще на свете порядочные мужчины или они все кобели? Это что, такой урок для меня?

– Ты закончила?

Лив гневно уставилась на бабушку, которая невозмутимо пила маленькими глоточками свое шампанское.

– Чем ты можешь оправдать такой поступок?

– Дельфины нет на свете, Оливия. Она умерла шесть лет назад.

У Лив перехватило горло.

– Погоди, как это?

– Родами. При рождении Матильды у нее возникли осложнения, и врачи не сумели ее спасти. Это стало чудовищным горем для бедного Жюльена, но он остался в строю, потому что так было надо.

– Нет, не может быть! – Лив мысленно перебирала свои разговоры с Жюльеном, где он упоминал Дельфину, вспомнила обручальное кольцо у него на пальце. – Он же так много о ней говорил... – Но все рассказы Жюльена о жене действительно были в прошедшем времени. – Боже мой, – прошептала она, – Дельфины нет на свете.

– Именно это я и пыталась тебе вчера сообщить, – сказала бабушка Эдит. – И по словам его деда, за последние шесть лет у него не было никого. Ты, похоже, первая женщина, к которой он проявил интерес. И твое общество, судя по всему, действует на него очень благотворно.

– Господи! – Лив уронила голову на руки. Это все меняло. Или нет? Что могло выйти из флирта с человеком, который живет за сотни

тысяч километров от нее; тем более с таким, который шесть лет ни с кем не встречался после потери жены?

Так или иначе, ей следовало извиниться.

– Я отлучусь на минуточку? – слабым голосом спросила она. – Думаю, мне надо позвонить Жюльену.

Бабушка Эдит взглянула на часы.

– Если тебе нужен номер, то его визитная карточка лежит у тебя на ночном столике.

Лив кивнула, поспешила в свою комнату и набрала номер, указанный на карточке. Но вызов после первого гудка переключился на голосовую почту, и Лив почувствовала себя идиоткой.

Записанный голос Жюльена предложил оставить сообщение, прозвучал сигнал.

– Жюльен, – заговорила она, – это Лив. Лив Тьерри Кент. Бабушка только что рассказала мне о Дельфине, и мне ужасно, ужасно жаль. Не знаю даже, с чего начать. Разумеется, я совершеннейшая идиотка, но из того, как вы говорили о ней, я заключила, что она жива, и можете себе вообразить, что мне пришло в голову, когда вы меня поцеловали. Очевидно, я была глубоко неправа и должна просить у вас... – Раздался второй сигнал, и связь оборвалась. – ...прощения, – пробормотала Лив себе под нос и уставилась взглядом на телефон, изо всех сил желая, чтобы он зазвонил. Но телефон упрямо молчал, и минут через пять, когда стало понятно, что Жюльен перезванивать не собирается, Лив поднялась и вернулась в гостиную.

– Ну как, дозвонилась? – спросила бабушка Эдит.

– Оставила сообщение, – вздохнула Лив. – Глупое, сбивчивое... – Но ей не дал договорить звонок телефона, стоявшего в номере, и, пока бабушка отвечала, она какое-то мгновение надеялась, что это Жюльен.

– *Oui, nous allons descendre tout de suite*^[29]. – Бабушка повесила трубку, и Лив вопросительно взглянула на нее. Они сейчас спустятся – возможно ли, чтобы Жюльен ждал их внизу?

Но бабушка покачала головой.

– Пошли, у нас нет времени на ерунду. Надо ехать, иначе мы не попадем на последнюю дневную экскурсию.

– На последнюю экскурсию? Какую? Куда?

– В «Мезон-Шово».

– В «Мезон-Шово»?

– Да ведь ты сама спрашивала меня об этом месте, разве нет? Ну, и я заказала нам экскурсию туда. И не говори мне теперь, что тебе неинтересно.

– Конечно, интересно. – Означало ли это, что бабушка Эдит все-таки собралась раскрыть причину, по которой привезла Лив в Реймс?

– Тогда пошли. Время не ждет. – С этими словами бабушка выскочила из номера, и Лив ничего не оставалось, кроме как последовать за ней – с тысячами вопросов, по-прежнему крутящихся в голове.

Глава 21

Январь 1943

Инес

После той октябрьской ночи, когда Инес вернулась к Мишелю, многое изменилось. Желая вновь стать верной женой, она пообещала себе, что будет близка с мужем по крайней мере раз в неделю, пока не ощутит, что их отношения наладились. Однажды ей даже показалось, что муж отвечает на ее ласки со страстью, а не по обязанности. При том что его холодность она вполне заслуживала.

Но заставить себя вернуться в Реймс и сказать Антуану, что все кончено, Инес не решалась, хотя и корила себя за трусость. Антуан, думалось ей, вряд ли обрадуется, и есть вероятность, что он рассердится не на шутку. А кто знает, чем это грозит, учитывая его связи? А если она вообще перестанет ездить в Реймс, то не исключено, что Антуан просто позабудет о ее существовании. Наверняка у него есть с кем еще встречаться – та же Мари, чье имя он иногда называл. Быть может, он просто-напросто выкинет Инес из головы.

Но однажды днем в первых числах января в «Мезон-Шово» явилась Эдит. Шел снег, Инес готовила на кухне обед, а Мишель с Тео отправились в погреба пробовать вино последнего урожая и делать заметки о его качестве и оттенках вкуса. Их блокноты пестрели словами «ягодный», «хлебный», «минеральный», «дымный». Для Инес по-прежнему оставалось загадкой, как они умудряются подмечать такие тонкости, – сама она чувствовала только вкус перебродившего виноградного сока.

– Эдит! Что ты здесь делаешь? – воскликнула Инес, порывисто обнимая подругу. – Мне так тебя не хватало! – Сейчас она жалела, что столько раз ездила в Реймс исключительно на свидания с Антуаном и нарочно избегала встреч с Эдит, осуждавшей эту связь. Зачем она так глупо тратила время, как позволила влечению к мужчине встать на пути у сердечной дружбы?

– Мне тебя тоже не хватало, – сказала Эдит, высвобождаясь из объятий Инес.

– У вас все в порядке?

– Не вполне. Я привезла тебе сообщение от *твоего друга*, – Эдит точно выплюнула эти слова. – Один из наших лучших клиентов, месье Пикар, интересуется, куда ты подевалась, и хотел бы назначить тебе встречу.

– О! – Инес, залившись краской, провела подругу в гостиную и усадила перед камином, а сама села рядом. – Эдит, я понимаю, что ты обо мне думаешь, и...

– Это не мое дело, – перебила ее Эдит. – Но Пикар связан с некоторыми очень влиятельными людьми. – Она помедлила. – И не самыми лучшими.

Инес не решалась говорить, да и что она могла сказать? Что она и так знает о связях Антуана с нацистами? Что ей каким-то образом удавалось внутренне с этим примириться? Да Эдит ее за это возненавидит!

– Думаю, ты не до конца понимаешь, как высоки ставки. – В тихом голосе Эдит слышалось сострадание. – Дорогая подруга, пусть не сегодня и не завтра, но рано или поздно обязательно настанет час расплаты. Ты ведь не хочешь тогда оказаться на неправильной стороне?

Инес ощутила страх. Что имеет в виду Эдит? Предупреждает ее о какой-то планируемой акции подпольщиков против Антуана? Или о том, что ей, Инес, надо его опасаться?

– Да, я знаю. Я пытаюсь все исправить.

– Тогда поехали со мной в Реймс. Поговори с ним. Скажи ему, что больше так не можешь. Прости меня, Инес, но он знает, что ты моя лучшая подруга, а если кто-то вроде него на нас рассердится, это подставит под удар все наше дело. Ты обязана нам помочь. Я пообещала ему сделать все от меня зависящее, чтобы сегодня вечером ты оказалась у нас в баре.

Инес помедлила, затем решила:

– Да, хорошо.

Вдвоем они спустились в погреба и сказали Мишелю, что Эдит решила сделать Инес сюрприз и просит отпустить ее на сегодняшний вечер в Реймс.

– Разумеется, – ответил Мишель. Инес больно было видеть облегчение на его лице. – Погостив у вас, Инес всегда возвращается

такой счастливой!

Эдит взглянула на Инес:

– Чудесно. Тогда я завтра сама ее привезу.

– Привет от меня Эдуару, – весело сказал Мишель и вернулся к работе.

Когда подруги вместе поднимались по каменным ступеням, Эдит протянула Инес руку, и на мгновение к ним вернулось прошлое. На школьном дворе в Лилле, когда обе они были маленькими, а немцы еще не начали во второй раз за столетие терзать Европу, Эдит обхватывала ладонь Инес, чтобы без слов сказать ей «все будет хорошо».

– Ты до сих пор его любишь? – спросила Эдит через несколько минут, когда Инес уже укладывала вещи в саквояж.

– Не думаю, чтобы я его вообще хоть когда-то любила, Эдит. Он был скорее развлечением, заставлял меня забыть о собственной никчемности.

– Ты вовсе не никчемна. Но я спрашиваю не об Антуане – о Мишеле.

– О! Да, конечно, люблю. Но вряд ли так, как жене полагается любить мужа. И совсем не уверена, что он хоть сколько-то любит меня.

На сей раз Эдит не стала говорить ложных слов утешения.

– Эта война, – сказала она, помолчав, – все обернула к худшему. Думаю, после того как немцы уйдут, дела наладятся. По крайней мере надеюсь на это.

– А такое будет? – спросила Инес.

– Ради всего честного и справедливого, что есть в мире, – ответила Эдит, – нам надо верить, что да.

Через несколько минут они вышли и по дороге к машине встретили Селин, которая направлялась из своего флигеля в погреб. Селин, заметив издали Инес и Эдит, повернулась в их сторону и помахала рукой, так что стал заметен ее округлившийся живот. Эдит ахнула:

– Инес! Ты не говорила мне, что Селин ждет ребенка!

И, не дожидаясь ответа, ускорила шаг, чтобы перехватить Селин и поздороваться с ней. Инес, заставив себя улыбнуться, поспешила следом.

– Да-да, мы очень рады за нее и за Тео.

Она не кривила душой, но стыдилась признаться, что немного завидует Селин. Они с Мишелем насчет детей пока даже не заговаривали, и, хотя Инес думала, что когда-нибудь такой разговор состоится, это ощущалось как дело настолько далекого будущего, что его и представить себе невозможно.

– Селин, мои поздравления! – воскликнула Эдит, поравнявшись с Селин, и обняла ее. Она была знакома с Селин лишь шапочно, через Мишеля и Инес. – Я и понятия не имела!

– Благодарю вас. – Щеки Селин чуть порозовели. Она как будто лучилась изнутри, ее счастье словно пересиливало военные горечи. Когда Эдит разжала руки, Селин взглянула на Инес и чуть улыбнулась ей.

– Когда ждете прибавления? – спросила Эдит.

– Думаю, в июне. – Селин вновь бросила быстрый взгляд на Инес.

– Как чудесно! – тихо проговорила Эдит. – Мы с Эдуаром тоже говорили насчет ребенка, но в нынешние времена... – Она не стала заканчивать фразу.

– Если честно, то я очень боюсь, – сказала Селин. – Но раз так суждено Господом...

– Это радостное известие, – твердо сказала Эдит. – И вы молодец.

Селин кивнула и слегка улыбнулась:

– Главная моя беда, что я все время голодная, а продуктов вечно не хватает.

– Посмотрю, что я могу сделать, – может быть, удастся получить для вас дополнительные карточки.

– Ой, что вы, я не это имела в виду!

– Знаю. Но давайте постараемся сделать все, от нас зависящее, чтобы этот ребенок родился здоровым. Его – или ее – ждет немало испытаний после рождения.

Селин помолчала в нерешительности, затем сказала:

– Благодарю вас. Вы очень добры.

Инес хлопнула в ладоши:

– Вот и прекрасно. А теперь, может, поедем в Реймс, Эдит?

– Да, да, конечно, – отозвалась Эдит и напоследок снова улыбнулась Селин. – Еще раз поздравляю.

– Спасибо. – Селин повернулась и пошла дальше к входу в погреб, а Инес и Эдит сели в машину.

– Похоже, она тебе чем-то не нравится, – сказала Эдит, осторожно ведя машину по обледенелой дороге.

Почему Эдит всегда видит ее насквозь? Инес думала, это потому, что они долгое время были как сестры, но сама она никогда не умела определять, что на уме у Эдит. А в последнее время подруга стала для нее полной загадкой.

– Нравится, – ответила Инес. – Просто мне кажется, что она тут уместнее, чем я.

– Уверена, что это не так. – Эдит притормозила перед выездом на шоссе и сочувственно взглянула на Инес.

– Мы с Мишелем женаты уже три с половиной года, а я все еще временами чувствую себя гостьей в «Мезон-Шово». А Селин – Селин здесь дома. Видимо, это меня и раздражает.

– Ты поэтому и завела роман на стороне? – тихо спросила Эдит. – Потому что тут чувствуешь себя чужой?

– Не знаю. – Инес смотрела на проносящиеся мимо виноградники. Голые лозы были как строй скелетов – безмолвная армия, вышедшая в поход против серого неба. – Мне стыдно, Эдит. Я знаю, что ты меня осуждаешь, и я это заслужила. Я совершила большую ошибку.

Эдит, чуть помолчав, сказала:

– Мы все делаем ошибки. Но пока жизнь продолжается, у нас всегда есть возможность стать лучше. Важны не решения, сделанные в прошлом, а выбор своего будущего.

Инес проводила взглядом проезжавшую навстречу колонну немецких грузовиков. Одну из машин слегка занесло на гололеде, но водитель справился с управлением. Когда грузовики пропали из вида, Инес посмотрела на Эдит.

– Мы все еще подруги? Или я потеряла и тебя тоже?

Эдит взглянула на Инес, затем снова на дорогу:

– Ты никогда меня не потеряешь, я буду с тобой, что бы ни случилось.

Наверное, именно эти слова помогли Инес набраться мужества для вечерней встречи с Антуаном. Она ждала его у входной двери брасери «Мулен».

– Привет, дорогая, – сказал, входя, Антуан и наклонился, чтобы поцеловать Инес в щеку. – Мы так давно не виделись, мне тебя очень

не хватало.

– А мне тебя. – Она отстранилась.

– Надо наверстать упущенное время. – Его пальцы сомкнулись вокруг ее запястья, как клещи. – Пойдем ко мне?

– Нет, – быстро сказала Инес, – давай пока побудем тут. Может быть, выпьем?

С противоположного конца зала, заполненного немцами, за ней наблюдала Эдит и, когда их взгляды на мгновение встретились, слегка ей кивнула. Антуан выглядел разочарованным, но не отказался, когда Инес предложила ему занять два стула в баре у конца стойки. Он выдвинул стул для Инес, потом уселся на свой.

– Ты долго не появлялась, – начал разговор Антуан. – Мне не нравится, что пришлось тебя звать.

Инес старательно рассматривала бутылки позади бармена.

– Было много работы на винодельне, – ответила она, не встречаясь с ним взглядом.

– Это все?

– Нет, – Она повернулась к Антуану и сделала глубокий вдох. – Антуан, я больше так не могу. Я поступала дурно, изменяя мужу, и... – Она помедлила. – Я пытаюсь стать лучше.

Глаза Антуана чуть прищурились.

– Нам слишком поздно становиться другими, моя дорогая, мы такие, какие есть.

Инес несколько раз моргнула:

– Но я пока что хороший человек.

– Хорошие люди не изменяют клятвам. – И прежде чем она успела возразить, наклонился и выдохнул ей в ухо: – В любом случае, Инес, ты должна понимать, что в военное время развязать связь не так-то легко.

Со стороны они выглядели как воркующая парочка, но Инес бил озноб.

– Что ты сказал?

– Ах, моя милая. – Его тон был ледяным, а губы, касавшиеся уха Инес, совершенно сухими. – У меня, как тебе известно, есть друзья, занимающие высокие посты. А за измену надо платить.

Она несколько раз сморгнула, силясь взять себя в руки.

– Я не изменяю тебе, Антуан. Ты... ты мне небезразличен. Но я больше не могу продолжать эти отношения.

– Думаешь, ты можешь решить это без меня? – Он откинулся назад и смерил ее тяжелым взглядом.

– Я думаю, что если ты учтешь то, что я тебе говорю, то согласишься.

– Нет, это вряд ли. На самом деле я подумываю о том, чтобы сказать о тебе и твоём муже кому-нибудь из своих друзей. Например, гауптману Мюллеру – вон он сидит, – Антуан кивнул через зал толстому офицеру с усиками, как у Гитлера. – Или вайнфюреру Отто Клебишу. Он мой близкий друг, и мне больно при мысли о том, что в результате может произойти с вашей винодельней.

– Ты мне угрожаешь?

– Инес, меня нельзя оскорблять. Я благородный человек.

Антуан холодно улыбнулся, а Инес почувствовала гнев, смешанный со страхом.

– Ну, я тоже не без друзей, – парировала она. – Вероятно, кое-кому в подполье будет очень интересно узнать о твоей тесной дружбе с немцами.

Антуан внезапно окаменел, и Инес тут же поняла, что совершила ошибку.

– А, так ты знакома с подпольщиками?

– Нет, конечно, нет, – быстро сказала она. – Я просто имела в виду, что не мне одной есть что терять.

– Теперь это звучит так, как будто *ты мне* угрожаешь. – Его спокойствие показалось Инес зловещим, опасным.

– Нет, я...

Антуан перебил ее:

– Очень надеюсь, что нет, это было бы глупостью. Я не стыжусь того, что делаю, я просто практичен. А что мне делает Сопротивление? Напишет мое имя на стене? Включит его в секретный список, который прочтет с десятков человек? Кого это волнует, Инес? Всех этих людей скоро казнят как предателей.

– Антуан, – начала было Инес, но Антуан опять ее перебил.

– Езжай домой, Инес. – Он резко оттолкнул свой стул и встал. – Отправляйся в свою деревню и брось строить из себя горожанку. Я с самого начала сделал глупость, когда увлекся тобой, думая, что ты –

нечто большее, чем простая шлюшка. – Он бросил на стойку бара несколько монет, еще раз смерил Инес тяжелым взглядом и удалился деревянной походкой.

Инес проводила его глазами до самой двери, затем оглянулась и обнаружила, что на нее смотрит не меньше десятка посетителей, причем половина из них – немецкие офицеры. Она тяжело сглотнула и поискала глазами Эдит, но в зале ее не было. Тогда она подозвала бармена и заказала сухой мартини. Надо притвориться, что все в порядке, и сидеть здесь, пока мужчинам не надоеет ее разглядывать и они не вернуться к своим разговорам и делам, начисто о ней позабыв.

Почти часом – и двумя коктейлями – позже в дальней части ресторанного зала появилась Эдит и сделала ей знак. Инес быстро расплатилась и, слегка пошатываясь, направилась к Эдит. Поесть она не сообразила, и алкоголь ударил ей в голову.

– Ох, Эдит, по-моему, я все. – Она начала заваливаться на подругу, и та удержала ее, схватив за запястья.

– Он злился?

Инес кивнула с несчастным видом.

– Ты все сделала правильно. – Вид у Эдит был встревоженный и страшно усталый. – Послушай, тут кое-что случилось. Я знаю, что тебе надо у нас переночевать, но ты сегодня не единственный наш гость.

– О! А кто еще?

– Пошли. – В интонации Эдит слышалось что-то странное. – Я вас познакомлю.

Они поднялись по лестнице позади кухни. Эдит отперла квартиру, но не стала зажигать свет, а втощила Инес внутрь, захлопнула дверь и сказала в темноту:

– Я вернулась.

В глубине комнаты вспыхнул огонек, осветивший мужчину и женщину в грязных лохмотьях. Они сидели на полу, – лица бледные, щеки впалые.

– Здравствуйте, – сказал мужчина. Он, как показалось Инес, был примерно ее возраста.

– Здравствуйте, – ответила она и взглянула на Эдит, ожидая объяснения.

– Инес, хочу представить тебе Самюэля Кона и его сестру Рашель. Самюэль, Рашель, это моя лучшая подруга, Инес, которая сегодня тоже ночует здесь. Вы можете ей доверять.

– Приятно познакомиться, мадам, – сказал Самюэль Кон, а его сестра продолжала подозрительно рассматривать Инес.

– Мне также очень приятно. – Инес беспомощно взглянула на Эдит, пытаясь понять, что происходит.

– Инес, – медленно проговорила Эдит, – Самюэль и Рашель путешествуют, и им понадобилось место для ночлега.

Самюэль прокашлялся:

– Откровенно говоря, мадам, мы евреи. Нас предупредили, что сегодня ночью за нами придут, и мы не знали, куда еще пойти.

– Инес, мы уже помогали другим, оказавшимся в таком же положении, как сейчас Коны, – объяснила Эдит. – Им сказали, что можно пойти к нам, но только в случае крайней необходимости.

– Мне очень жаль, что до этого дошло, мадам Тьерри, – сказал Самюэль. – Очень великодушно с вашей стороны приютить нас.

– Это не проблема, – дружелюбно ответила Эдит, хотя Инес видела ее напряженно наморщенный лоб. – К сожалению, поскольку Инес тоже ночует у нас, здесь будет несколько тесновато. Если это вас устроит, то я предлагаю, чтобы вы двое разместились в спальне, а Инес – на диване. Им, – объяснила она Инес, – безопаснее находиться за закрытыми дверьми.

– Мне очень жаль, мадам, – обратился к Инес Самюэль, – что приходится вас стеснить. Если бы мы с сестрой могли пойти куда-нибудь еще, то, будьте уверены, пошли бы туда.

– Пожалуйста, – сказала Инес, – не беспокойтесь. И давайте на «ты». Раз уж мы вместе ночуем.

– Хорошо, – улыбнулся Самюэль. – Тогда, значит, Инес.

– Инес, можно тебя на пару слов? – спросила Эдит, и Инес пошла вслед за ней в их с Эдуаром спальню. Самого Эдуара Инес этим вечером не видела. – Прости, что так получилось, – прошептала Эдит, закрыв за ними дверь. – Ведь в результате и ты подвергаешься некоторой опасности.

– Не извиняйся, я уже говорила, что хочу помочь.

– Я обязана спросить, есть ли какая-то вероятность, что Антуан сегодня ночью вернется и попробует разыскать тебя здесь? Если есть,

надо найти для Конов другое место.

– Нет, – пробормотала Инес. – Он ушел насовсем.

Эдит пристально посмотрела на нее:

– Хорошо. Эдуар должен скоро вернуться. Он пытается найти убежище для Конов на завтра. Надолго им здесь оставаться нельзя – слишком много немцев гуляет вокруг и ходит за нами по пятам.

– А как насчет погребов? – внезапно спросила Инес. – Мы могли бы спрятать их там, Эдит, получилось бы идеальное убежище. Немцы и не подумают искать их в погребах, а если и подумают, то все равно не найдут. Помнишь, я рассказывала, как сама заблудилась в этих коридорах, когда только переехала в Виль-Домманж? Это настоящий лабиринт.

Эдит нахмурилась:

– Нет, Инес, по-моему, это не лучшая идея.

– Но я хочу помочь, и я хочу быть лучше, чем я есть.

– Инес, твоя интрижка с Антуаном навлекает на всех опасность.

Прости, – Эдит немного смягчилась, – не хотела обидеть. Но после того как тебя видели в его обществе, никто из наших не станет тебе доверять.

Инес точно получила пощечину.

– Но *ты-то* мне доверяешь?

– Да, конечно. – Однако в голосе Эдит явственно слышалось сомнение, и она избегала взгляда Инес, так что настоящий ответ был мучительно очевиден.

Инес заставила себя улыбнуться:

– Понятно.

Неужели, подумалось ей, когда Эдит провожала ее назад в гостиную с одеялом и подушкой, теперь вся дальнейшая жизнь окажется под знаком этой ошибки? Неужто один-единственный грех пятнает душу навечно? Или все-таки есть такое доброе дело, которое его загладит?

Глава 22

Январь 1943

Селин

Инес уехала с ночевкой к Эдит в Реймс, и Селин, дождавшись, пока рядом с ней захрапит Тео, выбралась из постели, набросила пальто и скользнула в темноту под легкий снежок.

Мишель ждал ее в обычном месте. Он распахнул объятия, и Селин без слов упала в них, упираясь в него подростим животом.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Мишель, когда она наконец оторвалась от него и уселась на каменную скамью.

– Лучше. – Селин чуть улыбнулась. – Это необыкновенное ощущение – когда младенец начинает шевелиться.

Первое шевеление Селин ощутила две недели назад, но из осторожности умолчала об этом, потому что обманывала Тео насчет сроков. В норме младенцу полагалось родиться в мае, но Тео она говорила, что в июне, – вдруг ему придет в голову посчитать? Недавно он положил руку ей на живот и спросил, когда можно будет почувствовать движение ребенка, а она в ответ лишь пожала плечами, приберегая эти волшебные мгновения для себя одной. Всю беременность она чувствовала себя так, будто ей вверена особая тайна, невообразимо прекрасная, но в то же время потенциально разрушительная.

Каждый раз как Тео трогал ее живот, каждый раз как он смотрел на нее полными любви глазами, на нее наваливалось чувство вины. Он старался защищать ее и заботиться о ней, поскольку был уверен, что она носит его ребенка; а что бы он сказал, узнав правду? Его вернувшаяся привязанность тяготила Селин: он сделался почти таким же, как почти восемь лет назад, когда она выходила за него замуж, но вернуться в прошлое было уже невозможно.

– А сейчас младенец шевелится? – спросил Мишель.

Селин кивнула, и он с лучезарной улыбкой на лице нерешительно приложил руку к ее животу.

– Милый малыш, – тихонько сказала она, – это твой папа, чувствуешь?

Мишель нагнулся и зашептал в ее живот:

– Дитя мое, я тебя уже люблю, хотя еще не видел.

Младенец вдруг толкнулся так сильно и резко, что Мишель это наверняка ощутил, и Селин захлестнула громадная волна любви. Мишель улыбался ее животу, не веря своему счастью, его рука все еще лежала там, а губы отстояли от живота на какие-то сантиметры. И тут Селин на мгновение посетило прекрасное видение будущего: они втроем – Мишель, младенец и она. Все должно быть именно так, хотя обстоятельства складываются против них.

Тут Мишель с трудом оторвался от нее и сказал:

– Дорогая, у меня новости.

И четкая картинка будущего распалась.

– Какие?

– Мне сегодня ночью потребуются съездить в Эперне.

– Но уже два часа.

– Да. Кое-что запланировано на рассвет. Я вернусь только поздним утром, а Тео не должен знать о моем отсутствии, поэтому постарайся, чтобы он не спускался в погреба. Инес, я думаю, вернется намного позже, так что с ней проблем не будет.

– Что ты собираешься делать, Мишель? – Ее охватил страх, а младенец притих – почувствовав, наверное, что она боится.

– Тебе лучше не знать.

– Но ты всегда доверял мне.

– Дело не в доверии, любимая. Я хочу, чтобы в случае провала ты могла честно заявить, что ничего не знаешь.

– Мишель, пожалуйста, не ездь. – Она понимала, что просить об этом не имеет права, но, чем ближе подходил срок родов, тем сильнее становилось эгоистичное желание уберечь от опасности всех троих. Конечно, и она, и Мишель продолжали сотрудничать с мадам Годен, но перевозить оружие по своей территории – все-таки не то же самое, что ехать куда-то на рискованное дело посреди ночи. – Пожалуйста, подумай обо мне. Подумай о ребенке.

– О них я и думаю. Есть сведения, что планируются новые аресты евреев. Нам они пока не грозят – это опять касается евреев, рожденных за границей, тех, кого пропустили в прошлый раз. Надо отвлечь

власти, создать им проблемы. За это время можно будет переправить еще несколько человек в безопасное место.

– Что вы затеяли? – спросила Селин и подумала о винтовках, которые мадам Годен забрала всего лишь на прошлой неделе. – Пожалуйста, Мишель, не делай ничего такого, о чем будешь потом жалеть.

– Знаешь, меня уже поздно предупреждать, – он устало улыбнулся.

Селин отвела глаза.

– Тогда просто возвращайся благополучно.

Мишель наклонился и поцеловал ее, медленно и нежно.

– Моя Селин, – сказал он. – Все, чего я хочу, – это шанса вернуться домой, к тебе, на всю оставшуюся жизнь.

Распровавшись с Мишелем, Селин так и не смогла уснуть и на рассвете уже кипятила на кухне воду для эрзац-кофе. Солнце едва выглянуло из-за горизонта, когда сквозь кухонное окно она увидела, как по подъездной дорожке в сторону главного дома едет автомобиль. Сердце чуть не выскочило у Селин из груди, но потом она узнала машину Эдит. Взглянула на настенные часы – было только восемь.

Машина остановилась, из нее вышла Инес и направилась в дом, но Эдит почему-то не уезжала. Через несколько минут Селин вновь увидела Инес, которая осмотрелась по сторонам и заспешила по дорожке к флигелю. Мысли Селин разбегались. Что делать – притвориться, что она не знает, куда пропал Мишель, или спешно придумать правдоподобное объяснение?

К тому моменту как Инес постучалась во входную дверь флигеля, Селин успела изобразить на лице улыбку.

– Доброе утро, – прощелбетала она, может быть, слишком весело. – Что заставило вас вернуться в такую рань?

– О, просто захотелось поскорее попасть домой. – Инес явно избегала взгляда Селин. – Тео здесь? Я не могу найти Мишеля.

– Тео вообще-то еще спит.

Инес посмотрела на наручные часы.

– Ой, простите ради бога, я не сообразила, что сейчас еще рано.

– С вами все в порядке?

– Да-да. Но странно, что Мишеля нет дома.

– Ему надо было встретиться с владельцем одного виноградника.

– В такую рань? И в январе?

Конечно, это было глупое объяснение – что может происходить на виноградниках, когда лозы покрыты коркой льда?

– Не знаю точно, в чем там дело, но, кажется, что-то важное.

Брови Инес сдвинулись к переносице:

– Ну а к кому именно он поехал? Вам известно, когда он вернется?

– Нет. – Селин думала, что Инес пожмет плечами и уйдет в свой дом, но та продолжала стоять в дверях, кусая губы, и Селин не выдержала: – С вами точно все в порядке?

Инес ответила не сразу.

– Могу я доверять вам, Селин? Я имею в виду, доверять настоящему?

– Да-да, разумеется, – машинально отозвалась Селин, даже не подумав о том, что доверять ей в принципе нельзя: она спала с чужим мужем, а что может быть чудовищнее такого обмана?

– Я знаю, что вы в курсе, гм, работы Мишеля в погребках.

Селин тяжело сглотнула.

– Да, – осторожно сказала она. – Но Тео – нет.

– Знаю. И именно поэтому надеюсь на вашу помощь. – Только тут Селин заметила, что Инес сильно нервничает.

– А что нужно, Инес? Что-то случилось?

– Требуется кое-что спрятать.

– Что вы имеете в виду?

Инес долго смотрела на нее, потом сказала:

– Пожалуйста, пойдите со мной.

Ничего не понимая, Селин последовала за Инес к машине Эдит, по-прежнему стоящей перед главным домом. Подойдя ближе, она с удивлением увидела на заднем сиденье двух человек, которые сидели, низко наклонив головы. Эдит посмотрела на Селин, как заяц, попавший в свет фар, опустила стекло со своей стороны и заговорила.

– Инес, – в голосе Эдит сквозило напряжение, – ты же собиралась сходить за Мишелем.

– Его нет дома, – объяснила Инес, и глаза Эдит снова метнулись к Селин. – Но Селин нам поможет. Мишель полностью ей доверяет, и я тоже.

На сей раз Селин все-таки дернулась, но не отвела глаз и подтвердила, глядя в лицо Эдит.

– Да. Вы можете мне доверять. – Она опять посмотрела на две фигуры на заднем сиденье – темноволосый мужчина и темноволосая женщина так и сидели, не поднимая головы, как будто эта поза могла сделать их невидимыми. Очевидно, им грозила опасность.

Выражение лица Эдит смягчилось, и она взглянула на живот Селин.

– Просто я не хотела бы вас в это втягивать.

– Я и так втянута, – проговорила Селин со значением, и, хотя она не сказала, что работает с Мишелем, Эдит, кажется, поняла.

– Самюэль, Рашель, все в порядке, – сказала Эдит, и двое на заднем сиденье наконец выпрямились. Они были моложе, чем показалось Селин сперва, – лет, наверное, двадцати с чем-то. Женщина выглядела смертельно перепуганной, мужчина – усталым до изнеможения.

– Здравствуйте, – сказал мужчина.

– Здравствуйте. – Тут Селин, помня, что в любой момент может проснуться Тео, вновь повернулась к Эдит: – Простите, но мой муж скоро проснется, и лучше ему вас не видеть. Чем я могу помочь?

В ту же секунду лицо Эдит приняло прежнее беспокойное выражение.

– Это Самюэль Кон и его сестра Рашель. Они евреи, и их ищут немцы. Им нужно спрятаться на сутки или двое, за это время мы свяжем их с людьми, которые помогут им выбраться. Я отчаянно пыталась найти какое-нибудь другое место, но, кажется, у нас больше не осталось вариантов. Это наше последнее прибежище.

Она бросила взгляд на Инес; губы у нее были поджаты, и Селин спросила себя, что за размолвка случилась между подругами. Инес вспыхнула и отвернулась.

– Но если, – продолжала Эдит, обращаясь к Селин, – вашему мужу нельзя доверять...

– Об этом не волнуйтесь, – сказала Селин. – Здесь есть много вещей, о которых он и понятия не имеет. – От этих слов вновь накатило чувство вины. – Просто надо пошевеливаться.

Эдит это понимала.

– Хорошо. Куда мы их поместим?

– У нас в погребах есть комната, которую почти невозможно найти.

– Погреб, где мы спрятали вино? – спросила Инес.

– Нет, этот не подойдет, его знает Тео. Нельзя прятать Конов там, где он может на них случайно наткнуться. Есть еще один тайник, более дальний.

Инес пришла в некоторое замешательство, и Селин с запозданием поняла, что собралась выдать их с Мишелем секрет – небольшую комнату, куда надо было идти по нескольким изгибающимся коридорам. Он периодически использовал этот тайник для встреч с другими подпольщиками, а иногда и для любовных свиданий с ней, Селин. Но сейчас не время об этом задумываться – Конов надо спрятать прежде, чем их увидит Тео.

– Отлично. А из дома есть дополнительный ход в погреб, – сказала Инес. – Надо только отодвинуть большой шкаф. Пойдемте.

Эдит и Коны выбрались из машины, и все пошли в дом.

– Благодарю вас, – прошептала Рашель, дотронувшись до руки Селин, и Селин заставила себя улыбнуться. Оглянулась на флигель: ни света, ни движения – никаких признаков, что Тео что-то видел.

Внутри дома Инес и Эдит вдвоем отодвинули шкаф, а Селин взяла лампу, и все пятеро поспешили по узким ступенькам вниз. В полном молчании Селин повела остальных по лабиринту меловых туннелей к погребу, где позади кирпичной стены пряталась небольшая комнатка.

– Как вы узнали об этом тайнике? – спросила ее Инес, когда Коны и Эдит нырнули внутрь. Селин отвела глаза и пожала плечами:

– Помогала Мишелю кое-что спрятать.

– Как бы я хотела, чтобы он так же доверял мне, – пробормотала Инес.

– Он доверяет, – быстро проговорила Селин, но встретившись с Инес глазами, почувствовала, что та, как и она, понимает: это неправда.

Они вошли вслед за остальными.

– Невероятное место! – воскликнула Эдит.

– Мишель оборудовал его еще до оккупации, – сообщила Селин. – На всякий случай.

– Но когда он успел? – спросила Инес, и в ее голосе послышались резкие нотки. – Мы же постоянно были здесь, помогали ему все подготовить.

– Не знаю, – солгала Селин, решив не заострять внимание на том факте, что Инес в первой половине 1940 года тратила больше времени на прическу и макияж, чем на помощь Мишелю.

– Ну, – сказала Инес, обращаясь к Конам, – как видите, здесь вы будете в безопасности, пока Эдит не найдет, куда вас переправить.

– Благодарю вас, – ответил Самюэль, глядя в глаза Инес. Затем он кивнул Эдит и, наконец, Селин. – Поверьте, у меня нет слов, чтобы сказать, сколь многим мы вам обязаны. Я знаю, что все вы подвергаете себя опасности ради нас. Клянусь, когда-нибудь мы вернем долг.

– В этом нет необходимости, – сказала Эдит.

– Мы должны противостоять немцам, – сказала Инес с такой уверенностью, какой Селин до сих пор у нее в голосе не слышала.

Они пообещали Конам, что сегодня же попозже принесут им поесть, и пошли назад. По дороге Инес взяла руку Селин и крепко сжала ее один раз. Эдит шла впереди, и Селин почему-то казалось, что она сердится.

– Спасибо, Селин, – прошептала Инес. – Я не собиралась вас в это впутывать, думала, что здесь будет Мишель.

– Не проблема. – Селин забрала свою руку. – Я рада помочь. Но вы-то – скажите, как получилось, что вы вдруг оказались вовлечены в работу по спасению людей? – Она понимала, что ее слова звучат как обвинение, но никак не могла совместить в своем сознании ту Инес, которую знала, с этой новой женщиной, демонстрирующей пылкий героизм. Эта перемена тревожила.

– Коны попали к Эдит, когда я была у нее в гостях. Эдит не хотела отправлять их сюда, но больше ничего не оставалось. Я убедила ее, что все будет в порядке.

– О! – Селин все еще многого не понимала. Давно ли Эдит помогает бежавшим евреям? И что заставило Инес в это включиться? Очевидно, она искренне желала помочь Конам, но для чего? Чтобы чувствовать себя причастной к чему-то важному? Иметь возможность доказать Мишелю, что она на его стороне, после стольких месяцев беззаботного порхания в Реймс и обратно?

Но ведь ею могло двигать и что-то совсем иное. Селин одернула себя – нельзя так поспешно судить о людях. Вдруг война и правда сделала Инес лучше, а Селин не заметила этого преображения?

– Селин, – сказала Эдит несколькими минутами позже, когда Инес и Селин провожали ее к машине. – Простите меня, что я привезла опасность на ваш порог. Мы не должны были подвергать вас дополнительному риску. Но нам просто больше ничего не оставалось.

– Эдит, я очень благодарна вам за то, что вы помогаете таким людям, как Коны, – осторожно сказала Селин. – Я и сама хочу им помогать и знаю, что Мишель это бы одобрил.

Эдит посмотрела на нее как-то странно, и Селин с запозданием сообразила, что последние слова подошли бы Инес, а не ей. На прощание Эдит расцеловала ее в обе щеки, затем обняла, беспокойным шепотом поблагодарила Инес и уехала, оставив их вдвоем в паутине секретов, которая с каждым днем запутывалась все сильнее.

Глава 23

Июнь 2019

Лив

Поездка до «Мезон-Шово» заняла двадцать пять минут, сначала по шоссе, выходящему из Реймса, затем по узкой сельской дороге, петляющей между деревушками и пятнами виноградников.

Сама винодельня примостилась на невысоком холме на краю деревеньки под названием Виль-Домманж. Надпись на въезде приветствовала посетителей района виноградников премьер-крю, на узких улочках теснились уютные домики с крохотными садиками, а вокруг со всех сторон и чуть ли не до самого горизонта тянулись длинные аккуратные ряды виноградных лоз. У ворот «Мезон-Шово», украшенных кованой буквой *S*^[30], пока бабушка Эдит рассчитывалась с водителем, Лив огляделась. Внизу у дороги виднелись дома, но далеко. А винодельню с обеих сторон окружали виноградники – спереди маленький и аккуратный, а сзади огромный, спускающийся к самому подножию холма.

Машина уехала.

– Ну, пойдем, – сказала бабушка Эдит, делая приглашающий жест. – Полагаю, пора закрыть вопрос.

Вслед за ней Лив поднялась по вымощенной камнем дорожке к темным блестящим двойным дверям, которые бабушка распахнула с таким видом, как будто делала это уже тысячу раз. Внутри оказался небольшой магазин сувениров с дегустационным баром. У стойки сидела и о чем-то перешептывалась, сблизив головы, молодая пара с бокалами шампанского.

– С тобой все в порядке? – спросила Лив бабушку Эдит.

Та блуждала по помещению в каком-то трансе. О чем она думала, какие картины прошлого возникали у нее перед глазами? Не бывала ли она здесь вместе со своей подругой Инес – той, которая погибла во время войны?

– Что ты сказала? – Бабушка Эдит наконец повернулась к Лив и несколько раз моргнула, как будто не сразу узнала внучку.

– Я просто спросила, все ли с тобой в порядке. Может, нам присесть?

– Нет-нет, я чувствую себя хорошо. – Бабушка плавно переместилась к старинному камину в углу, трясущейся рукой коснулась полки и прошептала:

– Это была...

Дальше Лив не расслышала и хотела было подойти ближе, когда у нее в сумочке зажужжал телефон. При взгляде на экран ее сердце забилось, и она, еще раз сочувственно посмотрев на бабушку, нажала зеленую кнопку.

– Жюльен?

– Лив. – Голос был глубокий, уверенный. – Извините, что пропустил ваш звонок. Я был на встрече.

– Я подумала, вы меня игнорируете.

– Нет, Лив, я никогда бы так не поступил.

Конечно, он ни за что не оставил бы ее ждать у телефона, сейчас это было совершенно ясно.

– Жюльен, я хотела попросить у вас прощения. Я думала, ваша жена жива, и...

– Лив, – перебил он, и она напряглась в тревожном ожидании. – Это недоразумение, оно произошло по моей вине. Я думал, бабушка вам рассказала. Но на нее в этом смысле не стоит особенно полагаться, и мне следовало иметь это в виду.

Лив бросила взгляд на бабушку Эдит, которая, казалось, что-то нашептывала камину.

– Пожалуй, это преуменьшение года.

Жюльен коротко рассмеялся, затем посерьезнел:

– Лив, я чувствовал, что между нами что-то есть, но...

– Да, – теперь уже Лив перебила его, – знаю. У меня было такое же чувство, но я думала, что обманываю вашу жену, а когда вы меня поцеловали...

– Вы, должно быть, сочли меня худшим из мужчин.

– Нет, по-моему, я расстроилась из-за того, что сама хотела, чтобы вы меня поцеловали. Разозлилась за это на себя.

– Вы хотели, чтобы я вас поцеловал?

Лив сделала глубокий вдох:

– Да. И как бы боялась и надеялась, что вы это повторите. Если вас не отпугнуть раз и навсегда.

Жюльен молчал так долго, что Лив стало не по себе. Наконец он заговорил вновь:

– Я сейчас еду обратно в Реймс. Позвольте мне пригласить вас сегодня на ужин?

– Я не в Реймсе. Бабушка в типичной для нее загадочной манере час назад внезапно объявила, что желает съездить на экскурсию в «Мезон-Шово», так что мы сейчас в Виль-Домманже.

– Шово? – быстро переспросил Жюльен. – Как она себя чувствует, нормально?

Лив опять взглянула на бабушку Эдит. Та стояла у окна, вцепившись в раму побелевшими пальцами, и смотрела куда-то в сторону виноградников.

– Честно говоря, я в этом не уверена.

– Я сейчас проезжаю Тенкё, могу быть на месте через десять минут. Не возражаете, если я к вам присоединюсь? Я обещал деду сделать все возможное, чтобы позаботиться о ней во время ее пребывания здесь.

– Конечно. – Закончив разговор, Лив поискала глазами бабушку, но та исчезла. – Тьфу ты! – пробормотала она себе под нос, еще раз осмотрела помещение и направилась к двойным дверям, выходящим на виноградник позади здания.

Бабушка стояла прямо за дверьми и глядела вдаль. Лив, облегченно вздохнув, подошла к ней.

– Это был Жюльен? – спросила бабушка.

– Да. Он собирается сейчас приехать и присоединиться к нам.

– Еще бы он не приехал!

– Как ты себя чувствуешь?

Бабушка Эдит не ответила. С подножия холма поднялась стая черных птиц, и Лив проводила ее глазами. Когда птицы окончательно пропали из вида, бабушка заговорила.

– Тебе приходило когда-нибудь в голову, что призраки прошлого все еще с нами? И, быть может, постоянно присутствуют здесь, напоминая нам обо всех тех, кого мы потеряли?

Лив, проследив за бабушкиным взглядом, посмотрела на длинные ряды виноградных лоз и вдруг подумала о своем отце, которого почти

не знала. Она была совсем маленькой, когда он умер, но иногда, особенно в моменты горя или сомнения, у нее появлялось чувство, что рядом кто-то есть, и она спрашивала себя, не отец ли это. Лив почти верила, что это он, – ведь как может родитель оставить своего ребенка, не узнав, все ли с ним в порядке?

На узкой подъездной дорожке показалась машина, которая приближалась к главному дому. Лив заметила, как с обочины вспорхнула большая белая птица, потревоженная шумом мотора, и подумала о Дельфине, жене Жюльена, которая так и не увидела свою дочь. Возможно, она тоже все еще здесь и присматривает за ними всеми. Слезы навернулись Лив на глаза.

– Да, мне кажется, так и есть.

– Иногда я спрашиваю себя, почему именно я до сих пор жива. – Бабушка Эдит перешла на шепот. – Меня вообще не должно было здесь быть.

– Я рада, что ты есть, – сказала Лив. – Все эти годы ты была единственной постоянной величиной в моей жизни.

Лив одной рукой обняла бабушку за плечи, та не выказала недовольствия, и обе долго стояли так, глядя на бесконечные, до самого горизонта, виноградники и молча беседуя каждая со своими призраками.

Глава 24

Январь 1943

Инес

Быть может, ей удастся в итоге искупить вину.

Так думала Инес, ожидая возвращения Мишеля утром того дня, когда в «Мезон-Шово» прибыли Коны. И вот к дому, подпрыгивая на мерзлой дорожке, подкатил ситроен. Селин в это время была у себя во флигеле вместе с Тео, которого попросила починить плиту, чтобы он не отправился в погреб, и о прибытии неожиданных гостей Мишелю сообщила Инес.

– Как? – удивился он, выслушав ее рассказ о том, как Конам пришлось спасаться из Реймса. – За те несколько часов, что меня не было, ты успела приютить здесь двух беженцев?

– Пожалуйста, не сердись. Им нельзя было дальше оставаться на втором этаже brasserie, это слишком опасно, и...

– Я вовсе не сержусь, Инес, – перебил ее Мишель, – просто удивлен. Я не имел ни малейшего представления о том, что ты участвуешь в таких делах. – Он смотрел на нее так, будто видел впервые.

– Ну да. – Инес отвернулась. Она не спешила объяснять, что встретила с Конами случайно, а перед тем едва не оказалась в противоположном лагере. Сейчас она на правильной стороне, это главное. – Мне просто кажется, что я должна была так поступить, – скромно сказала она.

– Ну, – Мишель, казалось, на время лишился дара речи, – тогда я пойду, познакомлюсь с ними. Приготовишь им чего-нибудь поесть? Они, должно быть, очень голодны после всех своих скитаний.

– Я уже собрала и упаковала, пока ждала тебя. – Инес показала на небольшой узелок с хлебом и сыром.

– А Селин знает? – внезапно спросил Мишель.

– Да, – не сразу ответила Инес. – Она была здесь, когда мы с Эдит привезли Конов, и я обратилась к ней за помощью.

– А Тео?

– Нет. Селин не уверена, что его можно в это посвятить.

– Хорошо.

И они пошли от дома к главному входу в погреб.

– Где именно они находятся? – спросил Мишель по дороге.

– В тайнике. В том, о котором Селин знала, а я нет. – Инес не удержалась от колкости. – Ты держал его в секрете от меня?

– Прости меня, Инес, – вздохнул Мишель, когда они дошли до конца винтовой лестницы.

За что он просит прощения? За то, что выставил ее вон из их брака, из ее собственной жизни?

– Я бы сохранила секрет, ты это знаешь.

Мишель помедлил.

– Знаю. – Но пока они при свете его лампы молча шли в глубину темных извилистых коридоров, он ни разу не взглянул на Инес.

Конь сидели там, где их оставила Инес, – скрючившись позади бочек.

– Самюэль? Рашель? – окликнула их она. – Это Инес. Со мной мой муж, Мишель.

Брат и сестра медленно поднялись. Рашель глядела беспокойно, вид у Самюэля был сонный.

– Извините, – сказал он, выйдя к Мишелю и Инес. – Мы услышали шаги и не поняли, что делать.

– Вы все сделали правильно, – заверил его Мишель. – Добро пожаловать в «Мезон-Шово».

– Мне очень жаль, что мы причиняем вам столько хлопот.

– Ерунда. – Улыбка Мишеля была нервной, но искренней. – Это у вас следует просить прощения за то, как обошлась с вами Франция. Мы постараемся обеспечить вашу безопасность до тех пор, пока страна не опомнится. Ведь мир, кажется, сошел с ума.

– Поистине это так.

– Теперь вот еще что, у меня к вам есть одна просьба.

– Да, слушаю, – тут же отозвался Самюэль.

– Мой главный винодел, Тео Лоран, – хороший человек, но ему ничего не известно о деятельности, которую я здесь веду, и лучше, чтобы он не знал о вас и вашей сестре. Мне кажется, ему можно будет довериться, если до этого дойдет, но я не хочу ставить его перед выбором между законом и совестью.

– Мы понимаем. – Самюэль взглянул на Рашель, та кивнула. – Постараемся не попадаться ему на глаза.

– Хорошо, – сказал Мишель. – А мы предпримем все усилия, чтобы вы смогли поскорее уехать. Понадобится некоторое время, чтобы изготовить для вас поддельные документы и все такое.

– Да, конечно. И обещаю, когда-нибудь – как только это станет возможно – мы вернем долг вам и вашей семье.

– В этом нет необходимости, – сказал Мишель.

– Есть – для нас.

Мгновение оба молчали, вполне понимая друг друга.

– Ну, – Мишель взглянул на Инес, – мне пора заняться приготовлениями. Инес, сможешь Конам устроиться поудобнее?

– Конечно.

– Тогда оставляю это на тебя. – Мишель чмокнул ее в щеку, кивнул Конам и вышел.

– Вот, я принесла вам немного поесть. Не знаю, давно ли вы ели в последний раз, – сказала Инес, когда стихли шаги Мишеля. По тому, как брат и сестра набросились на скромное угощение, разложенное на каменной скамье, ответ был очевиден. В мгновение ока они уничтожили все до последней крошки. – Нужно ли вам что-нибудь еще? Мы не очень богаты, но...

– Нет, и мы благодарны вам за вашу доброту. – Самюэль помолчал. – То, что я сказал вашему супругу, – не пустые слова. Мы в долгу перед вами обоими, и перед мадам Тьерри и мадам Лоран тоже. И когда все закончится, мы вернем долг.

– Вы ничего нам не должны.

– Но вы рискуете собой ради нашего спасения. До того как меня выгнали из университета, я изучал юриспруденцию. И когда война закончится, я завершу курс, сдам выпускные экзамены и стану адвокатом. От души надеюсь когда-нибудь стать вам полезным в этом качестве и всегда добиваться, чтобы закон был на стороне добродетели.

– Я не очень уверена в своей добродетельности. – Слова слетели с языка Инес прежде, чем она успела их обдумать. – Я делала вещи, о которых сейчас очень сожалею.

– Как бы то ни было, мадам, я скажу вам: человек, который по-настоящему сбился с пути, никогда не рискнет своей жизнью, чтобы

помочь ближнему, попавшему в беду. Вы хороший человек, мадам.

Инес сжала губы. Знай Самюэль, что она творила за спиной у мужа, ему бы так не казалось.

– Можно задать вам вопрос?

– Конечно.

– Почему немцы вас преследуют?

– И правда – почему? – пробормотал Самюэль себе под нос. – Ну, формально из-за того, что мы родились в Польше. Наша семья переехала сюда, когда мы были совсем маленькими, так что Франция – единственный дом, какой я знаю. Думаю, мы такие же французы, как и вы. Но для немцев это не имеет значения. В октябре мы с Рашель возвращались вечером из гостей и увидели перед нашим домом машины. Мы спрятались и видели, как немцы уводят наших родителей. Я ничего не сделал, чтобы им помешать, и с сознанием этой вины буду теперь жить до конца своих дней.

– Но вы наверняка воссоединитесь после войны. Евреев отправляют всего-навсего в трудовые лагеря.

– Вы действительно в это верите? – В голосе Самюэля не было ни капли издевки. – Мадам Шово, лагеря – только фасад. Очень часто люди – особенно те, кого немцы не считают годными к работе, – бесследно исчезают сразу по прибытии.

– Но это не может быть правдой. Французская полиция никогда бы не стала в таком участвовать.

Самюэль вздохнул:

– Думаю, многие из них могли поначалу не понимать, во что их впутывают. Точно так же многие обычные французские граждане не понимают этого и сейчас.

Инес ничего не ответила и лишь смотрела на него.

– Хотя сейчас полиция все отлично понимает. По крайней мере, мне так кажется. – Самюэль помолчал. – Вы знаете, что во время июльских облав в Реймсе один французский полицейский застрелился, чтобы не участвовать в арестах?

– Что?

– Я видел это собственными глазами. Он выволок из дома девочку – совсем маленькую, не старше пяти-шести лет – и громко крикнул: «Вы же знаете, куда их повезут! Как можно отправлять на такую участь ребенка?» Командир ответил ему тихо, я не слышал, что

именно, и показал на грузовик, где уже сидели родители девочки. А французский полицейский нагнулся к девочке и что-то ей прошептал – наверное «беги», потому что она побежала, – а потом приставил себе к голове пистолет и после секундного колебания выстрелил.

– Выстрелил себе в голову? Да вы что? – Инес внезапно стало холодно.

– Наверное, он не смог больше с этим жить. А может, решил отнять жизнь у себя, чтобы дать девочке шанс спастись.

– А ей это удалось?

Самюэль слабо улыбнулся.

– Последнее, что я о ней слышал, – что ее приютила одна семья в деревне и там она в безопасности. А французский полицейский, быть может, обрел хоть какой-то мир. Искупил все, что сделал дурного, когда умер ради того, чтобы другой выжил.

Мишель понадобилось три дня, чтобы связаться с людьми, которые могли отправить Конов по одному из существующих беженских маршрутов. Все эти дни Инес замирала, когда Тео спускался в погреба, и то же самое чувствовали Мишель и Селин. Конечно, Инес тысячи раз проходила по подземным залам, не замечая тайника, но что, если Самюэль или Рашель кашляет или что-то случайно заденет, когда Тео будет неподалеку?

На четвертый день сразу после захода солнца Инес с удивлением заметила на подъездной дорожке незнакомую темную машину.

– Пора, – сказал Мишель и, отодвинув с помощью Инес шкаф в кухне, молча пошел вниз. Селин и Тео были у себя во флигеле – там горел свет, и Инес видела их тени за столом. Она молилась, чтобы Селин смогла отвлечь внимание мужа от окон.

Через десять минут Мишель появился вместе с Самюэлем и Рашель. Оба поцеловали Инес.

– Мы не забудем вашей доброты, – сказал Самюэль, а Мишель тотчас поторопил их жестом. – Да хранит вас Господь.

– И вас, – ответила Инес.

Как только Коны вышли, она испытала странное чувство опустошенности и к моменту, когда Мишель вернулся в дом, плакала.

– Ты едва их знала, – сказал Мишель и беспокойно поглядел сначала на нее, а затем в окно, на флигель Лоранов, где по-прежнему виднелась тень Тео за столом.

– Но я чувствую ответственность, Мишель. Я не смогу жить с собой в ладу, если они не сумеют благополучно выбраться на свободу.

– Нам остается лишь исполнять свой долг и надеяться, что удача на нашей стороне. Пойдем, поможешь мне поставить шкаф на место.

Инес вытерла глаза и, подойдя к Мишелю, чтобы вместе с ним передвинуть шкаф и закрыть им вход в погреба, осторожно спросила:

– Значит, ты раньше уже прятал людей? Помогал им спастись? И все это происходило прямо у меня под ногами?

Мишель отступил на шаг назад, задумчиво помолчал и произнес:

– Инес, ради твоей безопасности я бы очень хотел, чтобы ты оставалась от всего этого в стороне.

– По-моему, уже поздно. Ты должен открыть мне правду.

Мишель молча посмотрел на нее, и в его взгляде она увидела сомнение.

– Ты должен мне довериться, – тихо проговорила Инес. Из глаз ее вновь полились слезы, и Мишель наконец подошел к ней и заключил в объятия. Она не могла вспомнить, когда он в последний раз так ее обнимал – как драгоценность, как что-то, что нужно беречь изо всех сил, – и от этого плакала еще сильнее.

Мишель стал гладить ее по спине, тихонько приговаривая «шшшш», и слезы постепенно унялись.

– Мишель? – Какое-то мгновение Инес была уверена, что Мишель собирается ее поцеловать, но он прокашлялся и отступил назад, и она почувствовала, что лишилась опоры.

– Ответ на твой вопрос, – сказал Мишель, – «нет». Коны – первые, кого я прятал.

– И все же ты точно знал, куда их отправить, когда Эдит и Эдуар этого не знали.

Он долго и пристально вглядывался в нее, прежде чем ответить.

– Есть сеть, которая занимается перемещением секретных данных через швейцарскую границу.

– Секретных данных?

– Да, информации. Из нашей страны.

– Что это за информация?

– Документы. Иногда микрофильмы. Слухи, которые помогают союзникам понять, что собираются делать немцы. Сеть поддерживают какие-то голландцы, у которых есть общество здесь, во Франции.

У Инес пробежал холодок по спине.

– И ты тоже в этой сети?

Мишель взглянул на нее.

– Шампань в эту сеть не входит. Но время от времени здесь появляются люди, у которых есть с ней контакт. И я знаю, что они недавно отправляли беженцев.

– Но как?

– Фальшивые документы. Легенды прикрытия. Знакомство с представителями власти, которые тайно нас поддерживают. Все это очень опасно, потому-то я и не хочу тебя вовлекать.

Но Инес уже была вовлечена, и оба это знали.

– Куда отправятся отсюда Коны?

– В Париж. Оттуда, я думаю, на юг, в Лион, а затем в Анси, это рядом со швейцарской границей.

Она долго молча рассматривала свои руки. Эти руки ласкали чужого мужчину, соучаствуя в измене, но были достаточно сильными и для того, чтобы помогать в спасении жизней.

Инес потянулась к Мишелю и легонько притронулась к его руке выше локтя, но он дернулся, как от ожога, и она убрала руку.

– Я бы хотела помочь еще кому-нибудь.

– Это невозможно.

– *Все* возможно.

Мишель покачал головой:

– Тео не имеет понятия о том, чем мы занимаемся, и проделывать это вновь прямо у него под носом – значит играть с огнем.

– Так скажи ему.

Мишель моргнул:

– Не могу.

– Но почему? Селин ведь знает, а я уверена, он сделает все, чтобы ее защитить, тем более что ребенок на подходе. Он не станет нас выдавать, подвергая тем самым опасности мать своего ребенка.

Мишель отвернулся.

– Пойми, у Тео очень жесткие представления о том, что правильно, а что нет. Именно поэтому он хороший винодел, но, скорее всего, не лучшая кандидатура для участия в нашем деле.

– Я думала, он твой друг.

– Был. – Мишель нахмурился. – Но теперь мы мыслим по-разному. И хотя я по-прежнему уверен, что он сделает все, чтобы защитить Селин, в его преданности нам с тобой я не уверен.

Глава 25

Март 1943

Селин

Когда в феврале пришло известие, что Коны благополучно добрались до Швейцарии, Селин предложила Мишелю сообщить подпольщикам о возможности направлять к ним беженцев, раз уж в погребах есть такой прекрасный тайник. Но тот наотрез отказался – слишком опасно для нее и для будущего ребенка.

– Хватит и того, что мы по-прежнему переправляем оружие по всей области, Селин, – сказал тогда Мишель, избегая ее взгляда. – Не будем множить опасности.

Однако к марту потребность в убежищах выросла как никогда. Зловещий гауптман Рихтер больше не появлялся, и Селин снова стала просить Мишеля пустить беженцев в погреба.

– У нас, – убеждала его она, – есть способ помочь людям и место, где их спрятать. Мишель, мы очень осторожны. А это надо сделать.

Тео ранним утром отправился в Реймс за продуктами, а Инес попросилась поехать с ним, чтобы увидеться с Эдит. Впервые за месяц с лишним Селин и Мишель остались вдвоем. Сейчас они отдыхали после близости, лежа бок о бок на стопке потертых одеял. Рука Мишеля покоилась на округлившемся животе Селин.

– Любимая, подумай, какой это страшный риск, – тихо говорил Мишель, рисуя пальцем круги вокруг пупка Селин, а она чувствовала, как внутри шевелится ребенок.

– Еще страшнее не помогать. – Селин с полузакрытыми глазами положила голову Мишелю на грудь, он запустил пальцы ей в волосы и стал легонько гладить ее по голове, так нежно, что ей стало казаться, что она вот-вот уснет. – Вполне возможно, что мне и самой понадобится воспользоваться маршрутом для беженцев. И не забывай, что в нашем ребенке тоже есть еврейская кровь. Кто знает, что еще удумают немцы? Лучше нам включиться в сеть и стать частью системы спасения, чтобы иметь возможность бежать, если понадобится.

Мишель молчал, но его пальцы перебирали волосы Селин более нервно, чем прежде. Наконец он сказал:

– Система спасения не поможет нам, если мы погибнем.

– Постараемся остаться в живых.

– А как по-твоему, Инес мы можем доверять?

Стоило Мишелю произнести имя жены, как блаженная дрема мигом слетела с Селин, и она резко села.

– Посмотри на нас самих, Мишель, – стоит нашим супругам куда-нибудь отбыть, как мы крадемся в погреб. Инес заслуживает больше доверия, чем мы с тобой.

Мишель тоже сел, затем поднялся и подал руку Селин. Ноги у нее теперь сильно отекали, а живот делал ее неповоротливой.

– Думаю, ты права, – сказал он. – Но что, если она узнает про нас...

Селин сглотнула: в какой-то момент тайну придется раскрыть: при одной лишь мысли об этом ей делалось нехорошо. Столько боли, столько смятения – и все по ее вине! Но пока война не закончится, ничего говорить нельзя, ведь измена толкает людей на чудовищные поступки.

– Мишель, в ближайшее время она ничего не узнает.

– Если мы собираемся принимать еще беженцев, надо будет рассказать об этом Тео. Иначе он рано или поздно наткнется на них сам, это только вопрос времени.

– Знаю. – Селин уже не раз задумывалась о том, чем они рискуют, если посвятят в подпольную работу ее мужа. Но выбора не было – по крайней мере, если они собираются спасти людей. И собственные души.

Селин предполагала реакцию мужа, но никак не ждала такого яростного отпора.

– Нет. – Тео сидел за столом, скрестив руки, его суп остывал в тарелке, а Селин перед ним сжимала ладони в горячей мольбе. – Нет, Селин. Исключено. Это нас не касается.

– Как это не касается? Как такое можно говорить?

Тео пожал плечами:

– Мы живем уединенно, далеко от города. Нас никто не трогает, и мы никого не трогаем. Не будем высовываться, так и переживем войну.

– Ты правда веришь, что, если не высовываться, это спасет *меня*?

– Забирают только евреев, рожденных за границей, а остальные...

– Хватит! – Селин так резко вскочила на ноги, что чуть не потеряла равновесие. Положив одну руку на живот, а другой опираясь на стол, она повторила: – Хватит! Ты просто пережевываешь то, что скормили тебе немцы.

– А то, что говоришь ты, – всего лишь пропаганда их врагов. Нас с тобой ни то, ни другое не касается. Единственный способ обеспечить нашу безопасность – это ничего не делать!

– Ничего не делать – это для трусов! – выкрикнула она.

– Нет! – Лицо Тео побагровело, он встал и ударил по столу ладонями. – Считать, что ты можешь что-то изменить, – это для дураков!

– Но если не мы, то кто? Если каждый будет думать только о собственной участи, то кто спасет нас? Кто спасет Францию?

– Спасет Францию? – Тео засмеялся горьким смехом. – Ее уже поздно спасать, Селин. И взгляни, взгляни на ситуацию, в которую мы попали. – Он показал на ее живот. – Ты беременна! Как мы допустили такую ошибку? Конечно, я буду любить нашего ребенка, но это же еще один еврей, которого придется защищать, еще одна обуза! У нас только один выход – держаться так, чтобы не привлекать внимания немцев.

– Так ребенок для тебя – *обуза*?

– Я не это имел в виду. Просто с рождением ребенка наше положение станет еще опаснее. Мы должны подумать о нашем ребенке.

– Я и думаю о ребенке. Я стараюсь ради его будущего!

– А я – ради сохранения твоей жизни! – проорал Тео.

– Ты считаешь, что у тебя есть такая возможность, а на самом деле ее нет. Ты для немцев ничто, *ничто*. Даже меньше, чем ничто, потому что женился на еврейке. Ты уже в опасности, Тео, просто ты этого пока не видишь.

Он покачал головой и снова сел за стол.

– Нет. Мой ответ – нет. Я не согласен помогать беженцам. Я не согласен незаконно укрывать евреев. И я не даю тебе разрешения подвергать риску себя – или моего ребенка.

– Тео! – воскликнула Селин с отчаянной мольбой в голосе.

– Нет. Это мое последнее слово. – Он бросил на нее еще один взгляд и вышел из комнаты. Через несколько секунд Селин услышала,

как хлопнула входная дверь.

Она медленно опустилась на стул, положив руку на живот. Интересно, подумалось ей, слышит ли ребенок ее голос, чувствует ли ее решимость?

– Малыш, – прошептала в тишине Селин, – чтобы быть теми, кем мы должны быть, нам не нужно его позволения. Понимаешь? – Ребенок у нее внутри пошевелился, толкнувшись ножкой как раз против того места, где была ее ладонь. – Я буду тебя защищать, чего бы это ни стоило.

Во второй половине марта, накануне первого весеннего полнолуния, в погреба пришли с десятков работников – в основном дети от двенадцати до пятнадцати лет, благодарные за ту небольшую плату, которую Мишель выдавал в конце дня. Селин, несмотря на то что теперь быстро уставала, а тело отекало и ныло, тоже пошла помогать. По традиции, насчитывавшей не одну сотню лет, виноделы Шампани начинали разливать вина по бутылкам в день, когда в небо восходит весенняя луна. Считалось, что ее магическая сила рождает в бутылках пузырьки.

Селин работала рядом с Инес, которая стала вдруг бесконечно участливой. Она то и дело спрашивала Селин о самочувствии и бросала сочувственные взгляды на ее огромный живот. По расчетам Селин, младенцу предстояло появиться на свет уже через семь недель, в первой половине мая, но Инес, как и Тео, полагала, что это будет в июне, поэтому размер живота ее тревожил.

– Я в полном порядке, – в очередной раз успокоила ее Селин. Несмотря на отеки и огромный живот, она чувствовала, как лучится светом, и видела это всякий раз, как смотрелась в зеркало. Несмотря ни на что, она была счастливее, чем когда-либо прежде.

– Вам нужно отдохнуть, Селин, почему вы не присядете? Сегодня у нас много помощников, вы не должны доводить себя до изнеможения.

Селин сморгнула навернувшуюся слезу. Нет, она не заслуживает такой доброты.

– Не волнуйтесь обо мне. Когда-нибудь этот ребенок тоже будет учиться виноделию. Пусть начинает уже сейчас.

Селин хотела просто отшутиться, переменить неудобную тему и поговорить о чем-нибудь более легком и приятном, но Инес вдруг

посмотрела на нее как-то странно.

– Вы уже решили, что ваш ребенок станет виноделом, как Тео?

Тут Селин сообразила, что думает о своем будущем ребенке как о возможном наследнике «Мезон-Шово» и продолжателе дела Мишеля, который после войны непременно расстанется с Инес и узаконит свои отношения с ней, Селин. Но конечно, говорить такое было немислимо.

– Мне кажется, виноделие у него в крови.

– У него, – улыбнулась Инес. – А вы уверены, что будет мальчик?

– Мне кажется, да. – Теперь, когда малыш шевелился регулярно, она привыкла мысленно с ним разговаривать и была почти уверена насчет его пола. Он часто снился ей по ночам – круглощекий мальчик с голубыми, как у отца, глазами и густыми темными, как у нее, волосами. Лучшее от обоих.

– Как чудесно. Тео наверняка будет рад сыну.

Селин почувствовала, как у нее перехватило дыхание:

– Да.

– Вы очень бледны, – сказала Инес, кладя ладонь на руку Селин выше запястья. – Давайте поднимемся ненадолго наверх и чуть-чуть отдохнем в доме. – Селин попыталась что-то возразить, но Инес не стала и слушать: – Пожалуйста, я устала. Вы сделаете мне одолжение.

Селин кивнула, и Инес пошла впереди, а она следом. Наверху стояло яркое свежее утро, и Селин, закрыв глаза, втянула в себя бодрящий воздух, когда тишину нарушило рычание мотора. Моргнув несколько раз, чтобы глаза привыкли к солнечному свету, она увидела сверкающий черный мерседес, который катил по их подъездной дорожке. Прикрепленный к машине нацистский флажок полоскался на ветру.

– Господи, помоги нам, – выдохнула Инес за спиной у Селин, взяла ее за руку и встала рядом. Автомобиль подъехал к дому и остановился.

В высоком мужчине, поднявшемся с пассажирского сиденья, Селин узнала вайнфюрера Отто Клебиша, к которому Мишель и Тео относились с некоторым уважением, а водитель был ей незнаком. Она уже было успокоилась, решив, что это рутинная инспекция, когда распахнулась задняя дверца.

Из машины вылез гауптман Рихтер, и его взгляд тут же упал на Селин.

– Добрый день, мадам Лоран, – сказал он, поглаживая усы, а его глаза прицельно остановились на налившейся под ситцевым платьем груди Селин. Селин подпернула поношенную кофту, и только тогда Рихтер, ухмыляясь, поднял взгляд на ее лицо.

– Добрый день, дамы, – сказал герр Клебиш. – Извините за вторжение, сегодня мы объезжаем Виль-Домманж с инспекцией погребов. С вашего позволения мы пройдем вниз к вашим мужьям.

– Да, конечно, – ответила Инес, как будто Клебиш действительно нуждался в ее разрешении. А Селин поняла, что пристальный взгляд Рихтера лишил ее дара речи. Клебиш с водителем направились к лестнице в погреба, но Рихтер, который продолжал рассматривать Селин, крикнул им вслед:

– Я побуду тут с женщинами, проверю, что все в порядке.

Клебиш оглянулся.

– Очень хорошо, – оценил он предложение Рихтера и пошел вместе с шофером в подземелье, а Рихтер остался и продолжал сверлить Селин взглядом.

– Гауптман Рихтер, – громко сказала Инес, подходя ближе к Селин, – не желаете ли пройти в дом? Я могла бы приготовить для вас кофе.

– Ваш французский кофе – это помои.

– Тогда, возможно, вы не откажетесь от хлеба?

– Откажусь. А вы ступайте в дом. Мне надо сказать мадам Лоран пару слов наедине.

– Мне совсем не хочется есть одной, – поспешно проговорила Инес, – так что побуду пока здесь.

Тут Рихтер повернулся к ней. Глаза немца пылали гневом.

– Я же сказал вам идти в дом.

– О, но я не подумала, что это следует понимать так буквально, – защебетала Инес, и Селин не могла не восхититься тем, как умело та разыгрывает непонимание. – Тем более раз вы хотите что-то сказать мадам Лоран, мне, наверное, тоже будет полезно это услышать.

Рихтер бросил еще один свирепый взгляд на Инес, а затем вновь переключил внимание на Селин.

– Очень хорошо. Я не знал, что вы ожидаете ребенка, мадам Лоран.

– Да.

– Могу я сказать, что вы прекрасно выглядите? – Он улыбнулся, и Селин подумала, что он похож на лису, готовую броситься на добычу. – Беременность вам очень идет.

Селин с трудом удержалась, чтобы не съежиться под взглядом гауптмана.

– Благодарю вас.

– Правда, ребенок тоже будет евреем. Какой позор!

Селин молча сглотнула.

– Но я бы мог вас защитить, – ровным голосом продолжал Рихтер, внимательно наблюдая за лицом Селин. – И вас, и вашего младенца. Если вы меня попросите.

Он, казалось, чего-то ждал.

– Пожалуйста, не причиняйте нам вреда, – выдавила Селин.

– О, я не тот, кого вам следует опасаться. Наоборот, в нынешние времена вам может пригодиться дружба со мной. Я правильно понимаю, что вы сделаете все, что угодно, лишь бы спасти ребенка?

– Конечно, – прошептала Селин. Ее сердце бешено колотилось.

Рихтер улыбнулся, холодно и порочно:

– Хорошо, очень хорошо.

– Гауптман Рихтер! – Их разговор прервал раздавшийся сзади мужской голос. Обернувшись, Селин увидела на лестнице водителя машины. – Герр Клебиш зовет вас на пару слов.

Рихтер повернулся к ожидающему водителю и спиной к Селин.

– Я еще вернусь, – тихо проговорил он и зашагал к входу в погреб.

Селин стояла, затаив дыхание, пока он не скрылся из вида.

– Что с вами? – Голос Инес звучал как будто издалека. Перед глазами Селин все поплыло, она зашаталась и почувствовала, как руки Инес схватили ее за локти. Затем головокружение прошло, и Инес снова спросила:

– Селин, что с вами?

– Все в порядке, – ответила Селин и тут же ухватилась за Инес, чтобы снова не упасть.

Инес без лишних слов повела ее под руку в дом, помогла зайти внутрь и осторожно усадила в кресло, а сама пошла кипятить воду. Когда она вернулась с чашкой эрзац-кофе, Селин уже полегчало.

– Не придавайте словам Рихтера слишком много значения. – Инес постаралась успокоить Селин. – Он просто пытается вас запугать.

– Но это правда – моему ребенку действительно грозит опасность.

– Мы с Мишелем не допустим, чтобы с кем-то из вас что-то случилось.

Селин покачала головой:

– Благодарю.

Младенец внутри у нее притих, точно ждал, что будет дальше. Интересно, подумала она, Инес правда верит, что они с Мишелем в силах ее защитить, или просто утешает ее, понимая, что, кроме добрых слов, предложить больше нечего.

Селин понимала, что Рихтер обязательно исполнит свое обещание и вернется, но не думала, что это случится так скоро.

Однажды вечером, когда Мишель и Тео отправились на собрание виноделов в Саси, а Инес спокойно сидела дома и ни о чем не подозревала, он внезапно возник в дверях флигеля, и его взгляд прожег Селин насквозь. Рихтер приехал на велосипеде – нарочно, как поняла Селин, чтобы Инес не услышала звука подъезжающей машины.

– Мадам Лоран, – сказал он, – мне надо кое-что дополнительно обследовать в ваших погребках. Проводите меня туда.

– Я... я для этого не подхожу. – Она заикалась, а руки положила на живот, как бы оберегая его. – Скоро вернется мой муж, и я...

– Нет, скоро он не вернется. – Рихтер холодно улыбнулся: – Они с господином Шово на собрании виноделов, и я совершенно уверен, что это очень надолго.

– Но мадам Шово наверняка...

– ... ничего не будет знать о моем присутствии, – закончил за Селин Рихтер и схватил ее за запястье. – Пошли, мадам Лоран. Ведь вы же хотите защитить своего ребенка, да? Но дружба со мной не дается даром, я думал, что вполне внятно это объяснил.

– Пожалуйста, я не могу...

Но Рихтер уже не слушал. Он вытащил Селин из дома и поволок через сад к каменным ступеням, спускавшимся под землю. Тут она отчетливо осознала две вещи: что ей ясно, чего хочет гауптман, и что у нее не хватит сил сказать ему нет.

– Что-то не так, мадам? – хмыкнул он, услышав в темноте ее всхлипывания.

– Пожалуйста, не заставляйте меня это делать.

– А я и не заставляю. – Он ускорил шаг, под конец отпустил ее руку и стал подталкивать Селин к входу в погреб, а перед самым входом приостановился зарядить свой динамо-фонарик. – Я даю тебе шанс спасти ребенка. Разумеется, любая мать сама бы этого хотела.

Не дожидаясь ответа Селин, Рихтер с силой толкнул ее на лестницу. На первой ступеньке она оступилась, ахнула и чуть не упала, а он грубо поймал ее за руку и захохотал.

– Оп-ля! Мне не надо, чтобы внизу этой лестницы ты валялась дохлая, *du Schlampe!*^[31]

Она взялась за перила и старалась спускаться как можно медленнее, чтобы выиграть время. Ее мозг при этом лихорадочно работал.

– Мой муж подаст на вас жалобу, – сказала она, когда оба достигли конца лестницы и Рихтер подтолкнул ее к первому залу с правой стороны, уставленному рядами пюпитров с бутылками.

– Ой, вряд ли ты что-то расскажешь мужу. Потому что, если ты так поступишь, у меня не будет другого выбора, кроме как объявить тебя еврейской лгуньей. А жидов за клевету отправляют на восток. – Он хохотнул. – В лагерях от беременных жидовок проку мало, а от жидовских младенцев и того меньше.

Теперь они были в зале. Рихтер поставил свой фонарик на пол рядом с собой и выпустил Селин. Секунду она думала о том, чтобы убежать, но немец вытащил из кармана складной ножик и раскрыл его.

– Надеюсь, – он как бы мимоходом показал ей нож, и лезвие блеснуло в косом луче фонарика, – мне не придется убеждать тебя с помощью вот этого.

– Н-нет. – Она не могла оторвать глаз от ножа и на этот раз, когда он схватил ее за запястье, подавила инстинктивную дрожь.

Он повернул ее лицом к стене, прижал и свободной рукой полез к ней под юбку. Холодные потные пальцы дотронулись до ее тела.

– Ага, ага, – бормотал Рихтер себе под нос, а она лишь поскуливала от страха. Затем он сгреб в кулак нижнюю юбку и резко дернул за нее. Раздался треск рвущейся ткани, юбка свалилась на пол. Селин ахнула и заскрипела зубами, чтобы не вскрикнуть.

– Пожалуйста, не надо, – стала она умолять, на мгновение позабыв о ноже, но как только попробовала отодвинуться,

почувствовала лезвие у правой щеки.

– Бестолковая корова, – проворчал он по-немецки, расстегивая брюки; звук пряжки ремня, ударившейся о камень, грянул в темноте, как колокол. – Я же сказал тебе стоять смирно.

– Пожалуйста, пожалуйста, не надо! Что, если вы навредите младенцу?

Тут Рихтер немного изменил положение тела, и у Селин мелькнула надежда, что ее слова заставили гауптмана взять паузу, но он потянул ее назад и ударил головой о стену с такой силой, что она на несколько секунд потеряла сознание.

Стоило ей прийти в себя, как над ухом рывкнул Рихтер:

– Думаешь, мне будет жаль твоего жиденка?

Она лежала на холодном полу, в голове пульсировала боль.

– Пожалуйста, я...

– Вставай! – заорал Рихтер.

Она силилась подняться на ноги, но тело отказывалось ей повиноваться.

– Я...

– *Steh jetzt auf!*^[32]

Она хотела объяснить ему, что пытается встать, но лишь застонала – язык ее тоже не слушался.

Рихтер выругался по-немецки, рывком грубо поднял Селин на ноги и опять ударил ее о холодную влажную стену.

– Вот что бывает, когда ты не исполняешь приказаний, – прорычал он, и на Селин обрушилась волна невыносимой боли – это лезвие ножа располосовало ей правую щеку, и из рваного разреза потоком хлынула кровь. Она вскрикнула, и в тот же миг нож со стуком упал на каменный пол, а толстые пальцы Рихтера зажали ей нос и рот так, что она не могла дышать.

– Заткнись уже, *du Hure!*^[33] – прошипел он ей в самое ухо. – Ты сама напросилась.

Когда Рихтер наконец убрал руку, Селин стала жадно глотать воздух, чувствуя запах собственной крови. Свежая рана горела, кровь ручьем текла на плечо.

Рихтер снова прижался к ней, голый ниже пояса, почти вошел в нее. Крякнул – не по-человечески, а как какое-то животное.

– Ты грязная жидовская шлюха. Тебе повезло, что тебя желает такой человек, как я.

Она закрыла глаза и обхватила себя руками, молясь про себя Богу о том, чтобы ребенок не пострадал и чтобы все поскорее закончилось. Но насилие, которого она в ужасе ждала, не последовало. Вместо того раздался глухой удар, как будто что-то расколосось, и эхо многократно повторило звук. Прижатое к Селин тело Рихтера вдруг сделалось мягким, затем со стуком рухнуло на каменный пол. Тогда она повернулась, зажимая рукой кровоточащую щеку.

Позади нее в луче опрокинувшегося фонарика стояла Инес, сжимая обеими руками бутылку шампанского. Все дно бутылки было в чем-то ярко-красном, а между женщинами неподвижно лежало тело немецкого офицера в спущенных до колен брюках. Под затылком собралась лужа крови, глаза были закрыты, а на губах застыла презрительная усмешка.

– Он... он мертв? – спросила Селин.

Но Инес глядела не на неподвижное тело Рихтера, а на Селин, и ее глаза были полны ужаса.

– Боже мой! Вы вся в крови. Что он с вами сделал? Он вас...

– Вы появились прежде, чем он успел сделать то, зачем пришел.

– Значит, ребенок...

Селин закрыла глаза и, положив руку себе на живот, ощутила привычный толчок внутри – ребенок пошевелился.

– С ребенком, слава богу, все в порядке. Но, Инес, нам надо действовать быстро. Мы должны убедиться, что он до нас не доберется. – Селин опустила юбку и присела на корточки рядом с Рихтером, поддерживая обеими руками живот. Оглянувшись на Инес – та по-прежнему держала бутылку поднятой, чтобы, если понадобится, воспользоваться ею как оружием, – она трясущимися измазанными кровью руками дотянулась до шеи немца и нащупала пульс.

– Еще жив, – сказала она и тут же опасливо отодвинулась, как будто он мог в любой момент встать и довершить начатое. Взглянула на Инес: – Вы... вы спасли меня. Как вы догадались?

Инес посмотрела в сторону Рихтера.

– Я увидела его из окна, и он тащил вас к погребам, поэтому я знала, что вы в беде.

– Спасибо вам. – Эти слова прозвучали ужасающе неуместно. –
Но что теперь?

Инес все еще смотрела на поверженного немецкого офицера.

– Если он очнется, нас всех казнят.

– Да, – прошептала Селин.

– Значит, он не должен очнуться. Вот и все.

– Но что мы будем делать?

– Ждать. – Инес нагнулась к Рихтеру и осторожно вытащила у него из кобуры пистолет, а затем выпрямилась, держа пистолет наведенным прямо на него. – Подождем, пока вернется Мишель, он скажет, как действовать.

Глава 26

Июнь 2019

Лив

Жюльен приехал в «Мезон-Шово» незадолго до начала пятичасовой экскурсии, так что успел лишь расцеловать Лив и бабушку Эдит в обе щеки и пошел покупать билет.

– Я уже забыла, – сказала бабушка Эдит, с интересом разглядывая Лив, – как глупо ведут себя влюбленные.

Лив сообразила, что все еще касается того места на щеке, где только что были губы Жюльена, и поспешила убрать руки за спину.

– Я не *влюблена*, бабушка Эдит, – возразила она, чувствуя, что краснеет. – Это просто увлечение.

– Увлекаются дети. – Бабушка вскинула бровь: – А ты совершенно точно не ребенок.

Не успел Жюльен присоединиться к ним, как в холл вышел молодой человек, похожий на студента, и объявил:

– Все, кто записался на англоязычную экскурсию, пожалуйста, сюда. Мы начинаем.

Бабушка Эдит повела Лив к экскурсоводу, и Жюльен последовал за ними.

– Англоязычную, как тебе это нравится? – Бабушка Эдит обращалась к Жюльену. – Вот какие жертвы я приношу ради внучки.

– Я все слышу, – предупредила Лив.

Эдит закатила глаза и посмотрела на Жюльена. Тот рассмеялся.

– Добро пожаловать в *La Maison Chauveau*, всемирно известный дом шампанских вин «Шово», который находится в Виль-Домманж, здесь, во Франции, – начал экскурсовод, когда группа – две супружеские пары средних лет плюс Лив, Жюльен и бабушка Эдит – подошли ближе. – Меня зовут Рене, и я уроженец этих мест. Когда я был мальчишкой, мой отец работал в погребах «Мезон-Шово», так что можно считать, что я вырос на легендах этих мест. Свой рассказ я начну с истории, а потом мы осмотрим погреба.

Рене принялся рассказывать о семье Шово, основавшей дом шампанских вин вскоре после Французской революции и добившейся успеха в середине девятнадцатого века, наряду со своими южными соседями, вдовой Клико и Жаном-Реми Моэтом, но Лив никак не могла сосредоточиться.

Она не сводила глаз с напряженного лица бабушки Эдит.

– Что с ней такое? – прошептала она Жюльену, но он в ответ лишь нахмурился и покачал головой. – Это потому, что она была подругой женщины, владевшей этим замком? Той, которая погибла? – не унималась Лив, заработав осуждающий взгляд одной из туристок, женщины средних лет в обтягивающих легинсах и кроссовках.

– Ш-ш-ш, – шикнула женщина, и Лив посмотрела на нее с прищуром.

– Думаю, с вашей бабушкой все в порядке, – тихо сказал Жюльен, и Лив снова вслушалась в слова гида.

– Как и весь департамент Марна, Виль-Домманж был почти разрушен во время Первой мировой войны, и семья Шово, подобно многим другим здешним семьям, лишилась практически всего, – говорил Рене. – Марна пострадала больше других департаментов Франции. Что касается винограда, то сорок процентов виноградников Шампани были уничтожены, и для восстановления региона потребовалось много лет. Шово были в числе наиболее пострадавших семей, и говорят, именно это стало причиной преждевременной смерти владельца дома, Мориса Шово, в 1935 году. В том же году умерла его жена Жаклин, и *maison* перешел к их единственному сыну, Мишелю Шово, которому едва исполнился двадцать один год.

Бабушка Эдит издала какой-то сдавленный звук, затем сильно закашлялась, согнувшись пополам, и Лив бросилась к ней. Рене умолк, наморщив лоб, а туристка в легинсах уставилась на них во все глаза. Бабушка Эдит медленно выпрямилась и подняла дрожащую руку.

– Все в порядке, – сказала она. – Прошу прощения.

– Бабушка Эдит, может, нам стоит уйти? – прошептала Лив. – Выйдем наружу или...

– Нет! – Голос бабушки Эдит прозвучал резко, но, посмотрев на Жюльена, она смягчилась. – Нет. Мне нужно это послушать. – Она указала на Рене. – *Vous pouvez continuer*^[34], молодой человек.

– *Merci, d'accord*^[35], – ответил гид и повернулся к группе. – Итак, после смерти родителей главой дома стал Мишель Шово. Теперь следуйте за мной – свой рассказ я продолжу в погребках.

Рене повернулся и зашагал прочь, а Лив снова придвинулась к бабушке, чтобы при необходимости поддержать ее. Старую даму била дрожь, и Лив с Жюльеном обменялись озабоченными взглядами.

– Ты уверена, что с тобой все хорошо, бабушка Эдит? – спросила Лив.

– Перестань обращаться со мной как с ребенком. Я прекрасно себя чувствую.

Рене повел группу к двери в черной стене гостиной.

– Незадолго до начала Второй мировой войны Мишель Шово предусмотрительно закрыл этот вход огромным шкафом. Так месье Шово получил возможность при необходимости незаметно спускаться в погребок и возвращаться в дом, просто отодвигая мебель. Сегодня мы расширили проход, чтобы сделать его удобнее. Ступени довольно крутые, так что если кому-то нужна помощь... – Его взгляд остановился на Эдит.

– Большое спасибо, я прекрасно справлюсь сама, – сухо ответила старая дама.

Рене пожал плечами и повел группу по винтовой каменной лестнице вниз, в разветвленную сеть подземных коридоров. Чем ниже они спускались, тем холоднее становился воздух.

– Эти погребка вырыты в подземных меловых отложениях, и поэтому внизу сохраняется постоянная температура. Независимо от времени года, здесь всегда приблизительно десять градусов по Цельсию – или около пятидесяти по Фаренгейту, если среди вас есть американцы. Погребка строились более трех десятилетий во второй половине девятнадцатого века, потому что тогдашнему владельцу, Пьеру Шово, не давал покоя успех более крупных домов шампанских вин в соседнем городе Реймсе. Многие из этих домов хранили свое вино в подземных *крайерах* – это французское слово обозначает известняковые и меловые каменоломни. Каменоломни начали разрабатывать римляне приблизительно в 300 году нашей эры, но вовсе не для нужд виноделия; они просто добывали известняк для строительства, и в результате под землей образовалось множество прохладных туннелей. В Виль-Домманж таких нет, и Пьер Шово –

одержимый соперничеством с крупными домами шампанских вин – пытался вырыть собственные погреба. Лишь его смерть спасла семью от полного банкротства, а его сын, Шарль Шово, ставший главой дома после смерти отца в 1902 году, сумел сохранить производство вина и заложил основу успеха шампанского «Шово».

Повсюду на гигантских деревянных стеллажах лежали на боку бутылки без этикеток, а в одной из камер стояли аккуратные безмолвные пирамиды из бочек.

– В отличие от более крупных домов шампанских вин, почти все операции у нас выполняются вручную, в том числе *ремюаж* наших бутылок, – на ходу рассказывал Рене. – За три или четыре месяца до выпуска вина специалист, *ремюер*, спускается сюда и поворачивает бутылки, совсем чуть-чуть, на одну восьмую оборота в день, чтобы избавиться от осадка, который образуется при созревании вина. Смотрите, бутылки наклонены горлышком вниз, и вы видите, что частички дрожжей и осадок собираются у самой пробки. Скоро эти бутылки повернут вертикально вниз и выполнят *дегоржаж*. Вино при этом погружают в очень холодную жидкость, чтобы заморозить осадок, затем с помощью специального приспособления извлекают пробку, осадок выталкивается образовавшимся в бутылке углекислым газом, а затем в бутылку доливают *досаж*, смесь сахара и вина. Именно на этой стадии определяется сладость шампанского. В Шово мы отдаем предпочтение менее сладким винам, в которых лучше чувствуется аромат. Большая часть нашего ассортимента относится к категории брют или экстра-брют, то есть шампанское содержит меньше двенадцати граммов на литр остаточного сахара, или меньше половины чайной ложки на бокал емкостью сто пятьдесят миллилитров.

Рене повел их ниже, в старинные туннели, которые освещались потолочными лампами, подвешенными с интервалом в четыре с половиной метра, и Лив поймала себя на том, что размышляет о тайнах, которые должны хранить эти меловые стены. Запах напомнил ей о подвале дома на окраине Бостона, где она жила с матерью, когда ей было двенадцать; пахло камнем, землей и холодом.

Вскоре, в конце извилистого прохода, Рене резко свернул направо в маленькую камеру, совершенно пустую. Там он подождал остальных.

Бабушка Эдит подошла последней и замерла, судорожно втянув воздух.

– Что-то случилось? – прошептала Лив.

Бабушка покачала головой, но Лив видела, что кровь отхлынула от ее лица.

– Это очень интересное место, – сказал Рене, прижав ладонь к каменной стене. – Похоже на обычную камеру, правда? Но во время войны здесь было небольшое помещение, спрятанное за каменной стеной; тайник устроил Мишель Шово.

– А чего ради? – спросила туристка в легинсах, а ее муж достал айфон и принялся снимать.

В глазах Рене сверкнул огонек.

– *Résistance*.

– Я думала, это экскурсия на английском, – проворчала женщина. – Что это значит?

Рене прочистил горло.

– Сопротивление, – перевел он, и туристка удовлетворенно кивнула. – В общем, он был участником движения Сопротивления в регионе Шампань – наряду с другими простыми людьми, которые сражались с нацистами. Точных данных у нас нет, но говорят, что Мишель Шово прятал тут не только оружие, но и беженцев.

– Всего двух, – внезапно сказала бабушка Эдит. – Собирались прятать и других, но это было небезопасно.

Лив удивленно посмотрела на бабушку – и все остальные тоже.

– Э... да, – подтвердил Рене, растерянно глядя на пожилую даму. – Похоже, вы на этой экскурсии не впервые.

– Впервые. – Бабушка Эдит покосилась на Жюльена, который смотрел прямо перед собой.

– Что она такое говорит? – прошептала Лив, когда Рене возобновил свой рассказ.

Жюльен лишь покачал головой и поджал губы.

Рассказывая о том, что Мишель Шово состоял в организации, которая печатала листовки, взрывала железнодорожные пути и предположительно убила немецкого офицера, Рене с беспокойством посматривал на бабушку Эдит.

– Поэтому, – победоносно заключил он, – когда вы пьете шампанское, помните, что эти пузырьки наполнены героизмом.

«Мезон-Шово» помог спасти Францию.

– Что с ним стало? – спросила туристка в легинсах. – С Мишелем Шово?

– Видите ли, – заговорщическим тоном сообщил Рене, – он погиб в 1943 году, оставив дом шампанских вин своей жене, Инес Шово, но затем она тоже исчезла. С тех пор «Мезон-Шово» управляет трастовый фонд, созданный после войны юридической фирмой из Реймса.

– Как погиб Мишель Шово? – спросила туристка в легинсах.

Экскурсовод смущенно покашлял:

– Он бы арестован немцами, и никто не знает, что с ним случилось.

– Это неполный ответ, молодой человек, – заметила бабушка Эдит, и Рене повернулся к ней. На его лице явно читалась растерянность.

– Но так написано в материалах для экскурсии, мадам, – сказал он.

– Мишель Шово был казнен немцами в центре Реймса. – Голос бабушки Эдит дрожал. – А если точнее, то на улице Жанны д'Арк, у штаба гестапо. Его предал человек, которого он когда-то любил. И который, думаю, не заслуживал его любви.

Повисло молчание; все смотрели на пожилую даму.

– Откуда ты это знаешь, бабушка Эдит? – наконец тихо спросила Лив. – Ты была с ним знакома? – Разумеется, подумала она. Если тот человек в ресторане сказал ей правду, то Мишель Шово был мужем лучшей подруги бабушки Эдит.

Глаза бабушки Эдит наполнились слезами.

– Да, Оливия. Да. Я хорошо его знала. – Она повернулась и вышла в коридор прежде, чем внучка успела что-то сказать.

– Мадам! Вы заблудитесь! – крикнул Рене и пошел за ней, но Жюльен поднял руку, успокаивая его.

– Пусть идет. Она знает эти погреба.

Рене открыл было рот, собираясь возразить, но затем снова закрыл. Что-то в тоне Жюльена его остановило.

– Я должна убедиться, что с ней все в порядке, – сказала Лив Жюльену, но он лишь покачал головой.

– Ей нужно несколько минут побыть одной, – ответил он. – Она пришла сюда впервые за много лет. Думаю, не стоит ей мешать.

– Но... – Мысли у Лив путались.

Жюльен перевел взгляд на Рене, потом снова на Лив.

– Давайте прогуляемся? – Он снова повернулся к экскурсоводу: – Мы сами найдем выход. Прошу извинить, что мы вас прервали. – Он вывел Лив из камеры. Пока они шли к каменной лестнице, Лив все время оглядывалась в поисках бабушки Эдит, но та словно испарилась.

На поверхности Жюльен поспешно провел Лив через сувенирный магазин к выходу. На улице Лив повернулась к нему:

– Что здесь происходит? Почему моя бабушка так странно себя ведет?

– О, Лив, – вздохнул Жюльен. – Я бы рад вам все рассказать, но могу лишь повторить, что это ее история, а не моя.

– Тогда почему она молчит? – Вопрос был риторическим, и они оба это понимали.

– Пойдемте. – Жюльен взял ее за руку. – Взглянем на окрестности?

Он провел Лив к небольшому домику в нескольких сотнях метров от главного дома, аккуратному и ухоженному. Они миновали домик и остановились на гребне холма, возвышающегося над долиной.

– Виноград, – сказал Жюльен. – Насколько хватает глаз. Однажды он превратится в великолепное шампанское, которое разъедется по всему миру. Потрясающе, правда?

– Вы пытаетесь сменить тему.

Жюльен улыбнулся:

– Просто обращаю ваше внимание на красоту этого места. Ваша бабушка его когда-то очень любила.

– Но ни разу не упоминала о нем, – пробормотала Лив. – Вы уверены, что не можете объяснить мне, что происходит?

– К сожалению.

– Отлично. – Лив раздраженно тряхнула головой. – А что насчет вас?

– Меня?

– Если вы не вправе рассказать историю моей бабушки, может, расскажете вашу?

– Моя не такая интересная.

– Расскажите мне о Дельфине?

– Когда-нибудь, если вы захотите, я расскажу вам о ней все. – Он вздохнул. – Она была матерью моего ребенка, Лив. Я ее очень любил.

Беременность протекала без всяких проблем, и не было никаких причин сомневаться, что все будет в полном порядке. Но уже в больнице начались осложнения, и... – Он покачал головой. – Вы, конечно, знаете, что она умерла, и Матильда осталась без матери. Все эти годы я старался сохранять память о ней для дочери, и, конечно, она навечно останется в моем сердце. Я всегда буду ее любить. – Но, – продолжал он, – я начинаю понимать, что жить прошлым – значит лишать себя будущего. Когда в тот день в брассери мы говорили о вашей жизни, это заставило меня задуматься о своей, о том, что я не даю себе двигаться дальше. Передо мной, как и перед вами, открыто много возможностей, и я не должен об этом забывать. Вы, Лив, мне об этом напомнили.

– Я так вам сочувствую, – сказала Лив, и Жюльен шагнул к ней. – Даже не могу представить, каково это – пережить такую потерю.

– Спасибо. Мы все переживаем потери. Но главное в том, какой путь мы выбираем потом, правда? Нужно уважать прошлое, но не поворачиваться спиной к будущему. – Жюльен убрал прядь волос с ее щеки, но его пальцы по-прежнему касались ее кожи. – Надеюсь, теперь, зная правду, вы не думаете, что я вел себя абсолютно неприемлемо, когда поцеловал вас.

– Нет. – Собравшись с духом, Лив преодолела последние несколько сантиметров, которые их разделяли, и ласково коснулась губами его губ. Пальцы Жюльена вплелись ей в волосы, и он притянул ее к себе.

– Лучше поздно, чем никогда? – спросила она с улыбкой, слегка отстранившись от него.

– Согласен. – Он рассмеялся и провел пальцем по ее щеке. – До тех пор, пока мы можем это повторять. – Жюльен наклонился и снова поцеловал ее, уже с большей страстью, и ее губы раскрылись ему навстречу.

Лив ответила на его поцелуй и на мгновение забыла обо всем, но чьи-то приближающиеся шаги вернули ее на землю. Отстранившись, она увидела бабушку Эдит, которая с удивлением смотрела на них.

– Бабушка Эдит, я... – Лив в смущении прикрыла ладонью рот.

– Вы ведете себя как парочка подростков. А теперь я хочу уехать, – сказала бабушка.

Лив почувствовала, что краснеет.

– Боюсь, это моя вина, мадам Тьерри. – Жюльен усмехнулся. – Но могу вас заверить, что в дальнейшем буду вести себя как подобает благородному человеку.

– Ладно, – сказала бабушка Эдит. – Пожалуй, нам пора, а то вы тут совсем стыд потеряете.

Она повернулась и, не став ждать их, пошла к вызванной машине.

– Я должна... – Лив смущенно махнула рукой в сторону бабушки.

– Конечно. – Жюльен улыбнулся. – Можно, я вам позвоню? Или сначала вам надо успокоить бабушку?

– Я сама позвоню вам, когда она ляжет спать, если вы не против.

Жюльен наклонился к Лив, коснулся губами ее губ и застыл так на несколько секунд.

– Может, стоит поехать за вами? – спросил он, выпрямляясь. – Или, думаете, с ней все будет хорошо?

– Думаю, все будет в порядке, – ответила Лив, растроганная его заботой. – По крайней мере, она снова похожа на себя.

Но когда Лив устроилась на заднем сиденье рядом с бабушкой Эдит, то увидела, что у той закончились силы. Она сидела, привалившись к дверце и закрыв глаза; дыхание у нее было частым и неглубоким.

– Ты... – начала Лив.

– Пожалуйста. – Голос бабушки Эдит звучал хрипло. – Помолчи, Оливия. Со мной все в порядке. Просто мне нужно немного покоя.

Лив кивнула, водитель тронулся с места, и вскоре Жюльен и «Мезон-Шово» исчезли вдаль.

Глава 27

Март 1943

Инес

Инес и Селин почти полтора часа простояли на страже над бесчувственным немцем, ожидая возвращения Мишеля и Тео. Они не могли ни оставить Рихтера одного, ни куда-нибудь перенести – он был слишком тяжелым, – но сидеть рядом с ним было настоящей пыткой. Раз десять Инес пыталась уговорить Селин подняться наверх, промокнуть рану чистой тканью и отдохнуть, чтобы не подвергать опасности ребенка, но та отказывалась, настаивая, что не может рисковать, оставляя Инес наедине с таким чудовищем.

– А вдруг он очнется? – снова и снова с беспокойством спрашивала она.

Наконец женщины услышали рокот мотора. Когда наверху заскрипели тормоза и машина остановилась, Инес с Селин переглянулись.

– Может, подниметесь и проверите, точно ли это Мишель? – спросила Инес.

Селин покачала головой:

– Нет, идите вы. Я одна посторожу.

– Но...

– Вы и так достаточно рисковали ради меня, Инес. Я... я этого не заслуживаю.

Поколебавшись, Инес отдала Селин пистолет Рихтера и направилась к лестнице. Осторожно поднялась на поверхность, подождала, пока глаза привыкнут к лунному свету и с облегчением вздохнула – это была машина Мишеля. Он вышел с водительской стороны, Тео – с пассажирской.

– Мишель! – громким шепотом позвала Инес.

Он резко повернулся, вглядываясь в темноту.

– Инес? Что ты здесь делаешь?

– Иди сюда, скорее. Это срочно.

Тео пошел за ним, и Инес не попыталась остановить его, хотя и сомневалась, правильно ли поступает: до сих пор он ни в какой нелегальной деятельности не участвовал. Но было непонятно, как Селин объяснит ему огромную рану на щеке, к тому же Инес так и не смогла придумать причину, почему Мишелю нужно срочно спуститься под землю. Поэтому она посторонилась, пропуская Мишеля и Тео, которые бросились к каменным ступеням. Потом всей грудью вдохнула свежий вечерний воздух и последовала за ними.

Вернувшись в камеру, где лежал Рихтер, Инес увидела, что Тео сидит на корточках, одной рукой обнимая Селин, которая без сил опустилась на землю, а Мишель, не отрываясь, смотрит на них, с пистолетом Рихтера в руке и с искаженным страданием лицом.

– Ради всего святого, что здесь произошло? – спросил он, поворачиваясь к Инес.

– Я... Я увидела их в окно, – ответила она, и Мишель перевел взгляд на Селин, которая теперь всхлипывала, опустив голову, а Тео пытался шарфом вытереть кровь с ее лица. – Он тащил Селин.

– Она?..

– Я спустилась за ними. Он... Он напал на нее. Ты видишь ее лицо. – Инес боялась даже представить, какую боль испытывает Селин. – Но я остановила его раньше, чем он сделал то, за чем пришел. И с ребенком тоже все хорошо.

Исполненный муки взгляд Мишеля скользнул по камере и остановился на окровавленной бутылке шампанского.

– Ты этим его ударила?

– Да.

– Он был один?

– Да.

– Спасибо тебе. – Голос Мишеля дрожал. – Боже, Инес, ты такая храбрая.

– Ну да. – Что-то в его благодарности показалось ей странным, но она отмела сомнения. – Что нам теперь делать? Если он очнется...

– Да, знаю, – сказал Мишель.

– Что вы предлагаете? – Тео поднял голову. – Мы не можем просто взять и убить человека.

– Не обманывайте себя. Он убил бы Селин, не испытывая никаких угрызений совести. И ребенка... – Мишель умолк и покачал головой. –

Он не оставил нам выбора.

– Мишель, – прошептала Селин, но затем крепко сжала губы.

– Не волнуйтесь, – ласково сказал Мишель. Затем посмотрел на Инес. – Наверное, Селин нужно показать врачу, но вызвать его, мне кажется, мы не можем – будет слишком много вопросов. Ты сумеешь о ней позаботиться?

– Постараюсь, – пообещала Инес.

– Мишель... – неуверенно произнес Тео.

Мишель повернулся к нему:

– А вы, Тео? Вы с нами или против нас? Я не стану вас упрекать, если вы нам не поможете, но в любом случае потребую вашего молчания. В конце концов, это вашей жене спасли жизнь.

Тео перевел взгляд на Селин, затем снова на Мишеля. Вид у него был злой и испуганный.

– Я помогу. Но потом мы забудем об этом.

– Прекрасно, – сказал Мишель. – Инес, отведи Селин наверх. Только тихо.

Инес колебалась. Решения, которые они теперь принимают, определяют всю их дальнейшую жизнь.

– Инес, – настойчиво повторил Мишель, протягивая ей пистолет Рихтера. – Уходите. Немедленно. Я не знаю, сколько у меня времени, – немцы скоро начнут его искать.

Эти слова вырвали Инес из задумчивости. Она обняла Селин и бережно вывела ее в коридор; за ними тянулся кровавый след.

Инес промыла рану Селин и попыталась остановить кровотечение. Она понимала, что Селин нуждается в медицинской помощи, но, как и Мишель, считала, что обращаться к врачу слишком рискованно. Если Рихтер кому-то сказал, что вечером собирается в «Мезон-Шово», то, как только его исчезновение обнаружат, поместье тут же наводнят немцы. Чем меньше людей будет знать о случившемся, тем больше шансов не навлечь на себя подозрений.

Наконец кровь остановилась, и, пока женщины ждали возвращения мужей, Селин заснула прямо на неразобранной кровати Инес и Мишеля, подложив ладони под живот. Инес погладила ее по голове и задумалась, что с ними всеми будет. Ведь в опасности каждый, и не только из-за недавних событий. Кому из них суждено остаться в живых?

Инес не заметила, как задремала рядом с Селин. И проснулась незадолго до рассвета от того, что внизу хлопнула входная дверь. Она вскрикнула, села и выхватила из тумбочки пистолет Рихтера. Направив оружие на дверь спальни, она увидела Мишеля в перемазанной кровью и грязью одежде.

Инес опустила пистолет, встала и положила ладонь на лоб Селин.

– Как она? – спросил Мишель.

– Думаю, пока все в порядке. – Инес подошла к нему и крепко обняла, но тело его оставалось напряженным, и он не ответил на объятие. Отстранившись, она поняла, что он все еще смотрит на Селин.

– Нужно отнести ее домой.

– Да.

Мишель поспешно переменял рубашку, оставив окровавленную на полу, потом взял спящую Селин на руки.

– Я быстро, – сказал он, не глядя на Инес.

– Подожди. А Тео. Он...

– Он будет молчать – как соучастник.

– А Рихтер?

– Он мертв, Инес. И лучше тебе больше ничего не знать.

– От велосипеда вы тоже избавились?

Мишель кивнул:

– Мы проехали два города, потом бросили его на обочине. На какое-то время это собьет немцев со следа.

Он ушел с Селин на руках, а Инес долго сидела на кровати не шевелясь, затем заставила себя встать и поднять с пола рубашку Мишеля. Все казалось каким-то нереальным, ужасающим. Есть ли шанс, что это им сойдет с рук, или сегодня вечером они подписали себе смертный приговор? Инес согрела воду и начала застирывать кровавые пятна, но тут в заднюю дверь вошел Мишель, посмотрел на жену и выхватил рубашку у нее из рук.

– Кровь до конца не отстирывается, – сказал он. – Нужно сжечь. Твою одежду тоже.

– Но у нас так мало...

Его глаза сверкнули:

– Если придут немцы, у нас не будет *ничего*. Послушай, Инес, ты все прекрасно понимаешь.

Уязвленная его тоном, она молча подложила дров в едва тлевший камин. Потом бросила туда рубашку и смотрела, как пламя жадно пожирает хлопок, превращая его в пепел.

Через несколько минут Мишель вернулся.

– Пойдем. До восхода солнца мы должны смыть кровь вниз. Сожжешь свою одежду, когда закончим.

Инес кивнула, и они наполнили ведра водой и поспешили к лестнице, ведущей в погреба. Там они опустились на колени и в молчании принялись за работу – изо всех сил терли пол и стены старыми тряпками, пока пятна и потеки крови не побледнели и не стали неразличимыми на фоне камня. Когда они закончили, Инес так устала, что не могла встать, но Мишель помог ей подняться и поддерживал ее всю обратную дорогу, пока они все так же молча поднимались по ступеням лестницы.

– Отдохни, – сказал он, когда они подошли к задней двери дома. – Просто дай мне свою одежду, и я все сам сделаю.

– Ты, наверное, тоже очень устал.

– Инес, ты спасла Селин. Ты спасла ребенка.

Инес замерла на пороге.

– Иди, – прошептал Мишель, и она с удивлением заметила слезы у него на глазах. И только потом, когда она оставила кучу окровавленной одежды у двери и голой легла в постель, Инес сообразила, что ей даже не пришло в голову утешить мужа, облегчить его страдания, обнять его и пообещать, что все будет хорошо.

Может, от понимания, что добром это не кончится, а слова бессмысленны? Или от собственной опустошенности – она лишилась всего, что составляло ее суть? Эти вопросы не давали Инес покоя, пока она не провалилась в сон – глубокий, без сновидений.

Три дня и две ночи они провели в тревожном ожидании, почти не замечая друг друга и вздрагивая от звука любой проезжавшей по шоссе машины. Казалось невыносимым, что за жизнь Рихтера не придется платить, но с каждой прошедшей минутой в Инес крепла вера в то, что немец, возможно, никому не сказал, куда он поехал на велосипеде, и никто не догадается проследить его путь до «Мезон-Шово». Может быть, существовали и другие женщины, которых он домогался, которым угрожал и которых пытался изнасиловать. Есть вероятность, что коллеги Рихтера даже не знали о Селин и о том, что

именно ее формы и запретность стали смертельной наживкой для жестокого животного.

Рана Селин начала заживать; неровные края сомкнулись, на их месте образовался темный и твердый рубец, но воспаления, по всей видимости, не было. Инес знала, что шрам всегда будет напоминать Селин о той ужасной ночи, но плод в ее чреве по-прежнему шевелился. Она ходила с отрешенным лицом и темными кругами под глазами, но, похоже, утешалась тем, что с ребенком все хорошо. Инес радовалась, что спасла жизнь по крайней мере одного невинного существа, но даже эта гордость не могла заслонить предчувствие надвигающейся бури.

На третью ночь Инес внезапно очнулась от глубокого сна без сновидений и обнаружила, что место на кровати рядом с ней, где спал Мишель, пустое и холодное. Она села, чувствуя, как бешено стучит сердце. Было около полуночи.

Инес выскользнула из-под одеяла, зажгла лампу, надела пальто, ботинки и вышла наружу. Залитая лунным светом местность была неподвижной и безмолвной – ни намек на присутствие немцев. Значит, Мишель не объясняется с оккупационными властями. Но где же он тогда? Мишель обещал приостановить свои контакты с подпольем до тех пор, пока не уляжется суматоха, вызванная исчезновением Рихтера, но что, если он солгал? Инес внимательно оглядела виноградники, дорогу, а затем ее взгляд остановился на входе в погреб. Из-под закрытой двери пробивался слабый луч света, и Инес тут же поняла, что ее муж там, под землей. Она почувствовала, как изнутри поднимается волна гнева: как он посмел в такое время подвергать еще большему риску их всех? Особенно Селин?

Инес решила вернуться в постель и поговорить с ним утром, но поняла, что все равно не уснет. Поэтому она плотнее запахнулась в кофту, словно облачаясь в доспехи возмущения, и поспешила к входу в погреб, готовясь отчитать мужа за пренебрежение их безопасностью.

А что, если Мишель просто не мог заснуть и пошел посидеть в погребах, чтобы успокоиться? Спускаясь по винтовой лестнице, Инес немного остыла. Ведь она сама не раз и не два поступала точно так же, и это лишь доказывает, что ее муж – обычный человек. Может, не стоит ему мешать. Но она уже была под землей, а из дальней камеры в правом коридоре доносились какие-то шорохи. В конце концов, она

может просто успокоить Мишеля. Стать для него светом в этот полночный час.

Она шагала бесшумно, не желая испугать его, а когда миновала последний поворот к камере с тайной комнатой, где Селин недавно помогала ей прятать Самюэля и Рашель Кон, уже поняла, что скажет ему. *Мы вместе все преодолеем. Я буду рядом, любовь моя.*

Но Мишель не плакал, не был погружен в раздумья и даже не складывал оружие в бочки. Он лежал на полу среди скомканных одеял – на ком-то, кого страстно целовал.

Инес вскрикнула; звук ее голоса разорвал тишину, и Мишель повернул голову. На его лице застыла маска ужаса. Он с трудом поднялся, прикрываясь одеялом, и принялся искать брюки. Его лицо стало красным.

– Инес, пожалуйста, я все объясню, – багровея, пробормотал он.

Но Инес смотрела не на Мишеля. Ее взгляд был прикован к той, что была под ним.

– *Селин?* – неуверенно прошептала она.

Женщина схватила одеяла, пытаясь прикрыть обнаженные груди, набухшие и нежные, и бледную кожу огромного живота. Инес не могла поверить своим глазам. Неужели Мишель мог изменить ей с той, которую она знает и которая притворялась ее подругой? И при том что Селин носит под сердцем ребенка Тео! Это было невозможно представить.

Но затем яркой вспышкой пришло осознание. Неужели она была настолько слепа?

– Этот ребенок... – Она повернулась к ошеломленной Селин, которая все еще не произнесла ни слова. – Он Мишеля, так?

Мишель что-то говорил, застегивая брюки, но его голос доносился словно издалека. В этом туннеле горя Инес была одна. Она знала ответ еще до того, как слова слетели с губ Селин.

– Да, – прошептала Селин, и по ее изуродованному лицу потекли слезы. – Мне так жаль, Инес!

Инес не находила слов. Медленно пятясь, она вышла из камеры, затем повернулась и побежала. Мольбы о прощении, летевшие ей вслед, постепенно затихли.

Заплакала Инес только в машине, мчавшейся во тьме через Виль-Домманж. Она пробыла в доме минут десять, затем с сумкой через

плечо бросилась к ситроену – и за то время, пока она одевалась и собирала вещи, Мишель не пришел за ней. Насколько она могла судить, ни он, ни Селин так и не поднялись наверх. Даже застигнутые на месте преступления, даже загнанные в угол, они выбрали друг друга. Как ни странно, именно это было больнее всего.

Когда впереди проступили очертания Реймса – раньше, чем должны были, потому что Инес ехала слишком быстро, – ее горе начало превращаться в нечто более мрачное, в ярость. Холодную и тяжелую.

Инес резко вывернула руль, объезжая какое-то сбитое животное, и едва не свалилась в кювет, но в последнюю секунду под протестующий визг покрышек сумела выровнять машину. К тому времени, как она добралась до погруженного во тьму центра Реймса, ее уже трясло от ярости.

Она остановилась в нескольких кварталах от брассери «Мулен» и побежала туда, стараясь держаться в тени и всем сердцем надеясь, что заведение еще открыто. Ресторан работал. Эдуар наводил порядок за барной стойкой, а Эдит обслуживала оставшихся посетителей – немецких офицеров, сидевших за длинным столом. Некоторые были настолько пьяны, что дремали, привалившись к столу. Эдит наклонилась, прислушиваясь к тому, что говорил один из немцев, когда раздался стук закрывшейся за Инес двери. Голова Эдит резко дернулась вверх, а несколько офицеров повернулись и уставились на Инес.

Она почувствовала облегчение – лучшая подруга подскажет, что делать, – но ненадолго. Эдит, побелев от гнева, бросилась к ней через весь зал и схватила за плечо.

– Эдит, я...

– Что ты тут делаешь? – прошипела Эдит и потащила подругу к лестнице в глубине ресторана.

– Мне нужно было тебя увидеть, потому что...

– Разве ты не видишь, что я занята важным делом? – Эдит обернулась и лучезарно улыбнулась немцам, с которыми только что разговаривала. Один из них приветливо помахал рукой и вернулся к беседе.

– Пожалуйста, Эдит. – Инес заплакала. – Мишель изменил мне, и...

– Я очень хочу с тобой поговорить, Инес, но сейчас не могу. Офицеры обсуждают тут план сражения. Мне нужно услышать, что они говорят. Подожди меня в квартире.

– Но...

– Быстро, Инес! – Эдит поспешила прочь, и Инес оглянулась на Эдуара, который пристально смотрел на нее из-за стойки бара, где наливал пиво в бокалы. Несколько немцев тоже повернули головы в ее сторону, но Эдит вернулась к ним с подносом, и они снова занялись пивом. Всклипывая, Инес торопливо поднялась по лестнице и вошла в квартиру.

Никому она не нужна. Все считают ее дурочкой, досадной помехой. Теперь она ненавидела Мишеля, но себя ненавидела еще больше. Как можно быть до такой степени слепой? Шли минуты, и пылающий шар гнева перекатывался у нее внутри. Где же Эдит? Разве она не видела, как Инес расстроена? Она должна была бы уже собрать всю нужную информацию. Видимо, подруга для нее ничего не значит. Инес сидела на мягком диване посреди квартиры Эдит, и отчаяние росло и ширилось в ее душе, пока она не наполнилась им, словно воздушный шар, готовый вот-вот лопнуть.

Время едва тянулось. Прошло полчаса, потом еще полчаса. Снизу доносились голоса, смех. Немцы продолжали пить, веселиться и выбалтывать свои секреты. Стало ясно, что Эдит придет не скоро, а чувство одиночества давило все сильнее. Инес встала – в голове ее вдруг созрело решение. Не давая себе времени передумать, она вышла через заднюю дверь и поспешно спустилась по лестнице. Вернуться домой она не могла, но куда ей идти, если не к Эдит?

В мире есть всего один человек, который действительно хотел быть с ней. И хотя хорошим его не назовешь, он ее замечал, даже желал ее. Несмотря на все опасения, ей было нужно, чтобы ее заметили, хоть *кто-нибудь*, – или она сойдет с ума. Она пойдет к Антуану, всего на одну ночь, а о последствиях подумает утром.

Стараясь держаться в тени, Инес шла знакомым маршрутом к улице Жанны д'Арк, всего в двух кварталах от брассери. В последний раз они с Антуаном виделись в январе, два месяца назад, и она надеялась, что он не заменил ее новой пассией.

В квартире было темно и тихо, и сколько Инес ни стучала, к двери никто не подходил. Антуана не было дома. Поникнув, она

повернулась, собираясь уйти, как вдруг вспомнила. У нее есть ключ! Наверное, он до сих пор лежит под подкладкой сумочки, куда она прятала его от Мишеля.

Она рылась в сумочке, разрывая подкладку, пока пальцы не нащупали что-то маленькое и холодное. Инес закрыла глаза и облегченно выдохнула. Потом достала ключ, повернула его в замке и вошла в квартиру. Она надеялась найти утешение у Антуана, но как только закрыла за собой дверь, поняла, что рада оказаться в одиночестве. В темноте и одиночестве, где никто не будет ее судить или игнорировать, никто ее не отвергнет.

Она зажгла лампу рядом с дверью, и свет упал на небольшую коллекцию бутылок, которую Антуан держал в углу. В приступе ревности, удивившем ее саму, она подумала о том, что после их расставания он пил с другими женщинами. Отбросив эти навязчивые мысли, Инес направилась к бутылкам, налила себе большой бокал коньяка и выпила залпом. Янтарная жидкость обожгла горло и теплом разлилась по желудку. Через несколько минут волшебство добралось до мозга, и внезапно все, что казалось таким ужасным, стало вполне терпимым. Она налила себе еще и, захватив бутылку с собой, устроилась на диване в гостиной. И с каждым глотком в ней крепла уверенность, что все будет хорошо.

Инес проснулась от скрежета ключа в замке, смеха и голосов на улице. Затем скрипнула дверь и наступила тишина.

– Кто здесь? – послышался из темноты голос Антуана, загнувшийся женский шепот.

Инес с трудом выпрямилась. Голова пульсировала болью. Она потеряла счет выпитым бокалам и не имела представления, как долго просидела здесь в темноте. С трудом сфокусировав взгляд, она увидела Антуана, удивленно смотревшего на нее с порога гостиной, а за ним – худую как палка и сильно покрашенную блондинку в туфлях на высоких каблуках. Женщина тоже смотрела на нее во все глаза.

– Инес? – нарушил неловкое молчание Антуан. – Что ты тут делаешь?

– Прости. Мне было некуда больше идти.

Негромко выругавшись, он еще минуту пристально разглядывал ее.

– Жди здесь, – наконец рявкнул он и захлопнул дверь, оставив ее и забрав блондинку с собой. Вернулся он один, минут через десять, с перекошенным от злости лицом.

– Кто это был? – тихо спросила Инес.

Его лицо побагровело от ярости:

– Шутишь? У тебя нет никакого права задавать такие вопросы. Два месяца назад ты сама разорвала наши отношения, Инес. А теперь явилась в мою квартиру и устраиваешь мне допрос? Как ты вообще сюда вошла?

– У меня сохранился ключ. Я... я думала, ты будешь один.

– Думала, сижу и тоскую? – Он ухмыльнулся. – Я забыл о тебе, Инес, как только ты ушла. Что ты здесь делаешь? Что все это значит?

Она хотела выложить все, что накопилось у нее в душе, но смогла лишь тихо всхлипнуть.

– Мне было нужно тебя увидеть, – прошептала она, безуспешно пытаясь встать. – Я не хотела... То есть я...

– Ты пьяна. – Его лицо исказила гримаса отвращения. – Что с тобой случилось?

– Муж, – пробормотала она. – Он спал с женой винодела, беременной, но выяснилось, что ее ребенок не от мужа, что она забеременела от моего мужа, и я думаю, он влюблен в нее, и... – Инес умолкла, запутавшись и не понимая, что хочет сказать.

Антуан пристально смотрел на нее, и она не понимала, чего больше в его взгляде, отвращения или жалости.

– Господи. Ложись спать, Инес. Ты совсем никакая. Расскажешь утром.

– Но утром никто меня не будет любить, – простонала Инес, с трудом выговаривая слова. Все остальное смазала зевота.

– Тебе нужно поспать, – устало сказал Антуан, но она уже проваливалась в темноту. Он взял ее на руки и отнес в спальню.

Когда Инес снова открыла глаза, комнату заливал яркий свет. Прищурившись, она посмотрела на часы в углу спальни. *Полдень?* Она села, и от резкого движения закружилась голова. Неужели она проспала полдня? Мишель, должно быть, жутко волнуется. Но затем события минувшей ночи – Селин, ребенок, бегство в Реймс – разом обрушились на нее, и она, объятая ужасом, вновь откинулась на подушки. Неужели прошлой ночью она на самом деле пришла в

квартиру Антуана, вливая в себя коньяк, пока все не поплыло перед глазами, а потом плакала и жаловалась ему на Мишеля? Голова раскалывалась от боли, подсказывая правильный ответ: «Да».

Инес услышала, как в замке поворачивается ключ, затем шаги в коридоре квартиры. Дверь спальни со скрипом открылась; за ней стоял Антуан. Он был в костюме, вид у него был энергичный и победоносный – серебристые волосы зачесаны назад, глаза сверкают.

– Ага, проснулась, наконец, – пропел он, вошел в спальню и раздвинул шторы, впуская в комнату еще больше солнечного света. Инес прикрыла ладонями глаза, но Антуан лишь рассмеялся: – Ты довольно много выпила ночью, моя милая.

– Прости, – простонала Инес, уязвленная его веселостью. – Мне не следовало тебя беспокоить. Кажется, я помешала твоему свиданию.

– Да, я был бы вне себя от ярости, если бы не два обстоятельства, – с улыбкой ответил он. – Во-первых, молодая женщина, с которой я встречался, чрезвычайно глупа, и ее легко убедить в чем угодно. Я объяснил ей, что ты всего лишь нацистская шлюха и доставила мне сообщение от офицера, с которым трахаешься.

Грубость Антуана заставила ее отшатнуться:

– Антуан, я...

Он выставил вперед ладонь, останавливая ее:

– Во-вторых, этой ночью ты *очень* охотно рассказывала о недавних событиях в «Мезон-Шово». А поскольку моих немецких друзей беспокоило исчезновение некоего гауптмана Рихтера, сегодня утром я был рад сообщить им ответы, которые они искали.

– Ч-что?.. – Инес показалось, что время в комнате остановилось.

– Известие о том, что в его исчезновении замешан владелец такого известного дома шампанских вин. – Антуан усмехнулся. – Я думал, у гауптмана Боулера голова взорвется, когда сообщил ему эту новость.

– Боже, – выдохнула Инес. – Антуан, что ты наделал?

– Я наделал? – Антуан широко улыбнулся. – Я всего лишь исполнил свой долг. А ты?

Инес попыталась вспомнить минувший вечер, но воспоминания были скользкие, словно покрытые слизью, и она не могла их ухватить.

– Что бы я ни говорила, это неправда! Пожалуйста, возьми свои слова обратно. Ты должен сказать немцам, что я ошибалась!

– Да, но мы оба знаем, что это не так. – Антуан шагнул к ней и погладил по щеке. Она отпрянула, как от ожога. – Не стоит драматизировать, Инес. Твой муж и его любовница получают по заслугам.

– Боже, нет! – Инес попыталась встать с кровати, но Антуан заставил ее снова лечь.

– Дорогая Инес, прошлой ночью ты слишком много выпила, – промурлыкал он. – Останься, поспи еще немного.

Она попыталась выскользнуть, но Антуан прижал ее к кровати.

– Мне нужно идти, – всхлипнула она. – Я должна их предупредить. Я должна...

– После того как я с тобой закончу. Разве ты пришла сюда не за утешением? – Он расстегивал брюки, другой рукой крепко держа Инес, которая тщетно пыталась вырваться.

Инес закричала, но Антуан зажал ей рот ладонью; его самодовольная улыбка сменилась хищным оскалом.

– Взгляни на это так, Инес. – Он придавил ее своим весом. – Чем скорее это закончится, тем скорее ты сможешь вернуться домой в Виль-Домманж.

Он задрал ей подол и вошел в нее. Инес прикусила язык, сильно, до крови. Что она наделала? Может, немцы уже штурмуют «Мезон-Шово»? Может, они уводят Селин, Мишеля, Тео? Или расстреливают прямо на месте?

Когда Антуан закончил и столкнул Инес с кровати, она, спотыкаясь и пытаясь прикрыться разодранной одеждой, бросилась к двери. Потом сунула ноги в туфли и, всхлипывая, выбежала на улицу. И с ужасом поняла, что уже слишком поздно.

Глава 28

Март 1943

Селин

После того как Инес наткнулась на них с Мишелем, Селин хотела побежать за ней, извиниться, объяснить. Но Мишель удержал ее и ласково обнял.

– Что ты ей скажешь? – печально спросил он.

– Но, Мишель, я не могу позволить ей уйти, не попытавшись объяснить, что это не просто интрижка. Что я тебя люблю.

– Милая моя, это еще хуже.

И тогда она уткнулась ему в плечо и ждала в темноте, чувствуя, как внутри шевелится ребенок, пока до них не донеслось рычание автомобильного двигателя, постепенно затихшее вдали.

Инес уехала, а вместе с ней исчез и шанс для Селин исправить то, что она натворила.

Они молча поднялись по лестнице, и перед расставанием Мишель нежно поцеловал ее.

– Все будет хорошо, – пообещал он.

Но Селин понимала, что он лжет. Откуда он это взял? Что он может видеть в будущем, кроме катастрофы?

Тео крепко спал, не догадываясь о том, что их жизнь изменилась навсегда. Он тоже узнает правду – это лишь вопрос времени.

Селин попыталась заснуть, но не смогла. И, слушая храп Тео, думала о том, что эта ночь может стать последней, когда она лежит рядом с мужем. Где теперь Инес? Скорее всего, поехала в Реймс, искать утешения у Эдит. Но что, если причиной бегства Инес из Виль-Домманж были не только злость и боль? Что, если она сделала что-то ужасное? Селин выругала себя: как можно такое подумать? Это она, а не Инес совершила непростительный грех.

Селин закрыла глаза и дотронулась до правой щеки. Шрам был сухой, неровный, шелушился по краям – нестираемое напоминание о том, что случилось всего несколько дней назад. Но при воспоминании об ужасе, пережитом в погребках, перед глазами всплывало не только

лицо Рихтера, но и лицо Инес. Инес, которая пришла ей на помощь. Инес, которая рисковала всем, чтобы спасти жизнь и самой Селин, и ее ребенка. Инес, которую Селин так жестоко предала. Чем она до сих пор умудрялась оправдываться в своих глазах? Теперь уже не понять, но ясно одно: ей нет прощения.

Утром, едва полоска света тронула горизонт на востоке, в дверь постучали. Может, это пришли немцы? Тео зевнул и потянулся, не замечая охватившего Селин ужаса.

– Кого это принесло в такую рань? – Он встал и направился к двери, не дожидаясь ответа.

Селин открыла и закрыла рот, но не издала ни звука. Потом с трудом заставила себя встать с постели, обхватив руками тяжелый живот. Неужели все кончено? Она сунула ноги в ботинки, накинула на плечи свитер и приготовилась к худшему. Но, выйдя из спальни, услышала голос Мишеля – неестественный, напряженный. Он смотрел на нее из-за спины Тео, стоявшего в дверном проеме.

– Селин, доброе утро. – Мишель вежливо кивнул, словно не он этой ночью сжимал ее, голую, в своих объятиях, словно не он сделал ребенка, плавающего в ее утробе, словно не он знал ее так близко, как только мужчина может знать женщину. – Я просто хотел сказать Тео, что Инес взяла машину.

Селин сглотнула, но все равно не смогла выдать ни звука.

– Не знаете зачем? – спросил Тео.

Мишель колебался:

– Нет.

– Однажды она просто убьется, – проворчал Тео.

Селин и Мишель обменялись виноватыми взглядами.

– Да, этого я как раз и боюсь, – кивнул Мишель. – Так что я намерен зайти к месье Летелье и попросить у него машину, чтобы попробовать найти Инес.

– Я уверен, что она поехала в Реймс, – сказал Тео. – Повидаться с той своей подругой. Найдете ее в их брассери, можете не сомневаться.

– Да, наверное, – согласился Мишель и снова бросил взгляд на Селин. – В любом случае я хотел, чтобы вы знали, куда я направляюсь.

– Удачи, – сказал Тео, а Селин по-прежнему не могла вымолвить ни слова; тугой ком вины перекрывал ей горло.

Позже, когда Тео спустился в погреб, чтобы переставить недавно наполненные бутылки, Селин слонялась по дому, словно привидение, и ждала вестей от Мишеля. Вдруг в животе резко потянуло, и по бедрам потекло, заливая платье и туфли. Ухватившись за стул, чтобы не упасть, она в ужасе смотрела на лужи на полу. Но ведь еще слишком рано? Ребенок должен появиться на свет только через полтора месяца. Это невозможно.

Тем не менее это случилось. Воды отошли, и ей нужна помощь. С учащенно бьющимся сердцем, поддерживая руками живот, Селин добрела до входа в погреб.

– Тео! – крикнула она в открытую дверь.

Что, если Бог ее наказывает?

– Тео!

Что, если ребенку грозит опасность?

Муж не откликнулся, и Селин, ухватившись за перила, осторожно спустилась в подвалы.

– Тео! Ты мне нужен!

Что, если Тео с самого начала знал, что она ему лжет, – просто по ее лицу?

– Тео! – закричала она и вдруг увидела его. Он вынырнул из камеры, вытирая руки тряпицей.

– Селин? Что случилось?

– Ребенок! – с трудом выговорила она. – Я рожаю.

– Уже? Но еще слишком рано!

Внезапные схватки заставили ее согнуться от боли.

– Пожалуйста, Тео, помоги мне.

С побелевшим от страха лицом он подхватил ее на руки и понес к лестнице.

– Я должен поехать за помощью.

– На винограднике у подножья холма живет акушерка, мадам Фуко, – сказала Селин.

– Но у нас нет машины. Проклятье!

Это тоже вина Селин. А если ее ребенок умрет из-за того, что она вынудила Инес уехать?

– Ты можешь пойти к ней пешком?

– Я не могу тебя оставить. – Тео на руках нес ее к дому.

– Ты должен, Тео. Нам нужна помощь. Со мной все будет в порядке. – Селин не была в этом уверена, но в присутствии акушерки у ребенка будет больше шансов.

Тео с неохотой кивнул. Войдя в дом, он осторожно положил жену на кровать, потом принес ей второе одеяло и стакан воды. Снова начались схватки, и Селин пыталась сосредоточиться на дыхании.

– Я возьму велосипед Мишеля. Вернусь как можно быстрее, Селин. Обещаю.

Селин улыбнулась ему сквозь слезы. Все правильно. Мишель уехал. Тео по-прежнему верит, что это его ребенок. Селин – чудовище, и это начало ее наказания.

– Я люблю тебя, Селин, – сказал Тео и вышел.

– Иди, Тео, – ответила Селин, потому что больше не могла лгать. По крайней мере, теперь. Потому что теперь она уповала на помощь Бога.

Ребенок, крошечный и фиолетовый, появился на свет в четвертом часу дня, покуда Тео смотрел во все глаза, а мадам Фуко, болтливая женщина с редкими седыми волосами и объемистой талией, втолковывала вопящей от боли Селин, как нужно дышать и тужиться. Это был мальчик, чуть больше предплечья Селин, весом около двух килограммов. Но мадам Фуко принялась массировать ему грудь, вдвухать воздух в легкие, и спустя целую, полную ужаса минуту он наконец закричал; тоненький писк, похожий на кошачье мяуканье, вызвал у Селин слезы облегчения.

Солнце клонилось к горизонту, Мишель еще не вернулся, младенец дрожал, даже завернутый в одеяла, даже в объятиях Селин. Она слышала, как мадам Фуко сказала Тео:

– Не уверена, что он выживет.

Он должен выжить! Должен, иначе все бессмысленно. Селин гладила его головенку, покрытую редким черным пухом, целовала крошечные щечки, по-прежнему синеватого оттенка.

– Мой малыш, мой малыш, – снова и снова шептала она. – Ты боец, как твой папа. Пожалуйста, родной мой, борись. Не сдавайся, ради меня.

Когда муж старой акушерки приехал забрать ее домой, дыхание младенца уже выровнялось. Глазенки – синие и ясные – открылись и с

удивлением смотрели на мать, а губы даже смогли найти ее грудь. Некоторое время он сосал, жадно глотая.

– Утром я попытаюсь найти врача, – пообещала мадам Фуко. – Держите его в тепле. Он ест – и это добрый знак.

– Не знаю, как я смогу вас отблагодарить, – сказала Селин, не отрывая взгляда от сына.

Вскоре она задремала, а Тео следил за дыханием ребенка у нее на груди, а когда Селин проснулась, нежно поцеловал ее и погладил лоб малыша.

– Настоящее чудо, – прошептал Тео. – Родиться так рано и выжить... – Он смахнул слезу. – Чудо.

Селин вглядывалась в его лицо, но не увидела ни тени подозрения и немного расслабилась:

– Чудо.

– Как мы его назовем?

– Я... я еще не знаю. – На самом деле она хотела, чтобы в выборе имени участвовал Мишель.

Едва она снова заснула, прижимая ребенка к себе, как послышался стук в дверь. Тео напрягся и с тревогой посмотрел на Селин.

– Кто это может быть в такой час?

Селин лишь покачала головой. Мысли у нее путались. Как ей защитить ребенка, если это пришли нацисты?

– Я пойду с тобой, – прошептала она, и Тео помог ей встать, передал ребенка, и они вышли в гостиную.

Тео распахнул дверь. На пороге стояла Инес – волосы растрепаны, глаза красные, взгляд остекленевший.

– О, слава богу. Я пришла предупредить вас, что... – начала Инес, но затем ее взгляд скользнул по Тео и остановился на Селин и свертке со спящим ребенком у нее на руках. Она замерла. – У вас ребенок?

– В чем дело, Инес? – спросил Тео. – Что случилось? Что вы хотели нам сказать?

Инес не отвечала. Она стояла совершенно неподвижно, а когда младенец шевельнулся и повернул к ней личико, вскрикнула.

– Малыш так похож на него, – прошептала она, и глаза Селин наполнились слезами, потому что Инес была права. Как Тео до сих пор этого не заметил – форму носа, выступающий подбородок? Вылитый Мишель.

– Инес, я... – Глухим голосом начала Селин, но Инес дрожала, прижимая ладонь ко рту, и, прежде чем Селин успела что-то сказать, повернулась и, спотыкаясь в темноте сада, побежала к своему пустому дому. Мишель еще не вернулся.

– Что это было? – спросил Тео, захлопывая дверь.

– Наверное, она просто волновалась, что ребенок появился на свет так рано. – Селин старательно избегала взгляда Тео.

– Да. – Тео кивнул. – В последнее время она какая-то странная, правда?

Как ни была измучена Селин, уснуть она не могла. Мишель все не возвращался, и с каждым часом ее тревога усиливалась, постепенно сменяясь ужасом. Случилось нечто страшное. О чем пыталась предупредить их Инес? Внутри у Селин все сжалось.

Незадолго до полуночи она услышала рокот мотора приближающегося автомобиля, вскочила, не выпуская из рук спящего сына, и прижалась лицом к окну. Во двор медленно въехала незнакомая машина и остановилась. Затаив дыхание, она смотрела, как с водительского места выбрался Мишель и тихо прихлопнул за собой дверцу. Вероятно, это была машина соседа. Он скользнул взглядом по флигелю, но, по всей видимости, не заметил ее силуэта в окне. Потом повернулся и быстро пошел к своему дому, а Селин закрыла глаза и отошла от окна, благодаря Бога, что Мишель цел и невредим, и гадая, что будет дальше. Конечно, Инес скажет ему о ребенке.

Словно почувствовав волнение Селин, малыш проснулся и заворочался. Она помогла ему найти сосок и, вздохнув, села; малыш слабо сосал, обхватив крошечными ручками ее грудь.

– *Dodo, l'enfant do,* – шепотом запела Селин колыбельную, которой ее баюкала мать двадцать лет назад. *L'enfant dormira bien vite. Dodo, l'enfant do. L'enfant dormira bientôt.* Баю-бай, детка, баю-бай. Засыпай, детка, засыпай!

Когда малыш насытился и снова заснул, Селин прилегла на диван в гостиной и задремала, то проваливаясь в сон, то просыпаясь снова. Ей снилось, что где-то в темноте плачут ее отец и бабушка с дедушкой, но их голоса были похожи на писк ее крошечного ребенка: беспомощный, печальный, голодный. Она проснулась в слезах и поняла, что ее разбудил тихий стук во входную дверь. Селин

посмотрела на часы. После возвращения Мишеля прошел час. Конечно, это он.

Не выпуская ребенка из рук, она открыла дверь и увидела Мишеля. Он выглядел изможденным, но при виде сына его лицо просветлело. Тревога сменилась радостью. Страх – надеждой.

– Он прекрасен, – тихо сказал Мишель. Потом встретился взглядом с Селин. – Господи, с тобой все хорошо? Должно быть, ты так испугалась.

Глаза Селин наполнились слезами.

– Ребенок родился слишком рано, Мишель, но он сильный. Думаю, он выживет.

– Дай бог, – прошептал Мишель. – Можно... Можно мне его взять?

– Если Тео проснется... – Селин оглянулась.

– Может, спустимся в погреба? Я помогу тебе на лестнице.

Поколебавшись, Селин улыбнулась:

– Думаю, уже пора показать нашему сыну его будущее.

И тотчас пожалела об этих словах. Может, она выглядит слишком алчной? Грезит о том, чего он ей не предлагал? Вообразила, что после войны они с Мишелем будут здесь жить, учить своего ребенка делать шампанское, будут стареть вместе, будут счастливы? А что, если Мишель мечтает совсем не об этом?

Но он улыбнулся ей в ответ.

– Однажды он будет знать эти туннели как свои пять пальцев. – Он протянул руку, коснулся крошечных пальчиков сына, и сердце Селин наполнилось радостью.

– Я возьму для него второе одеяльце.

Мишель помог ей плотнее завернуть младенца, а потом они тихо закрыли за собой дверь и ушли в ночь. Мишель освещал дорогу лампой и поддерживал Селин, когда они медленно и осторожно спускались по лестнице в погреба.

В камере с тайной комнатой они нашли одеяла на том же месте, где бросили их прошлой ночью, когда на них наткнулась Инес и мир перевернулся. Неужели это случилось лишь вчера? Мишель помог ей устроиться на груди мягкой ткани, и Селин на мгновение показалось, что все это был дурной сон, что Инес не знает правды и что опасность не вьется вокруг них, точно смерч.

Мишель захотел поддержать сына, и Селин осторожно протянула ему спящего младенца. Она смотрела, как Мишель нежно гладит лицо ребенка, и ее сердце наполнилось целительной радостью: она чувствовала, как счастье поднимает их на своих крыльях.

Но потом вспомнилась Инес, ярость в ее глазах, боль, которую Селин ей причинила, и мираж рассеялся.

– Мишель, я волнуюсь, – сказала Селин. – Когда Инес вернулась домой, она как будто хотела сказать что-то важное, но увидела ребенка и...

Мишель кивнул, не отрывая взгляда от младенца. Потом снова потрогал крошечное лицо сына.

– Я тоже беспокоился, но мы с ней поговорили. Все в порядке. Она просто расстроилась из-за вчерашнего. Естественно. Теперь она отдыхает.

– И все же она хотела нас о чем-то предупредить. – Тревожное чувство не покидало Селин. – Может, что-то случилось, Мишель? А вдруг она кому-то рассказала, что мы сделали с Рихтером?

– Невозможно, – твердо отвечал он. – Не забывай, что она соучастница. К тому же она на такое не способна. Она нас не предаст.

Селин опустила голову, чувствуя предательницей себя.

– Знаю.

– Кроме того, кому она может сказать, кроме Эдит? А Эдит мы, вне всякого сомнения, можем доверять.

Это немного успокоило Селин.

– Надеюсь, ты прав. – Селин, все еще сомневаясь, снова устроилась рядом с Мишелем, и он передал ей младенца. Малыш, открыв синие глаза, посмотрел на Селин, и все тревоги тотчас улетучились. – Как мы его назовем? – спросила Селин.

– А что говорит Тео?

– Это не его ребенок. – Мишель молчал, и Селин прибавила: – Я тут подумала... Может, Давид?

– Тот, кто бросил вызов Голиафу, – прошептал Мишель, – и выжил. Это чудесно, Селин. Давид. Наш сын Давид.

– Наш сын Давид, – повторила Селин.

Когда их крошечный сын наконец заснул, вместе с ним заснула и Селин – усталость взяла свое. Она знала, что, пока Мишель рядом, ей ничего не грозит.

Селин разбудил стук распахиваемой двери, топот ног по каменным ступеням и далекие крики наверху.

– Мишель! – вскрикнула она, вскочила и крепко прижала к себе Давида. – Вставай!

Мишель, дремавший подле нее, вздрогнул, в глазах его метнулась паника, он вскочил на ноги и загородил собой Селин, оттесняя ее в камеру, словно надеялся своим телом заслонить ее от того, что их ждет.

– Что? Что случилось?

– Не знаю.

Разбуженный резкими движениями родителей или их страхом, Давид пошевелился и захныкал. Селин поспешно сунула ему грудь, но у него никак не получалось ухватить сосок, и малыш заплакал еще громче.

– Надо, чтобы он затих, – сказал Мишель. – А то его услышат. И найдут нас!

– Знаю. – Селин тоже заплакала, и ее слезы капали на лицо Давида. – Тише, милый, – прошептала она, но в голосе ее слышалась дрожь, и младенец заплакал еще громче.

Послышались окрики на немецком, приближающиеся тяжелые шаги и чей-то вопль. Это кричала Инес – она звала Селин. Селин прижалась к Мишелю, а ребенок плакал между ними.

– Я буду всегда тебя любить, – прошептал Мишель, крепко обнимая ее. – Не забывай об этом. И я ни о чем не жалею, ни об одном мгновении.

И тут у входа появились немцы; их было четверо, и они направили оружие на Селин, Мишеля и ребенка.

– *Runter, runter!*^[36] – рявкнул один из них. – *Bas, bas!*^[37] На землю!

– Пожалуйста, не трогайте ребенка, – закричала Селин, но немцы, не обращая на нее внимания, вырвали плачущего Давида из рук матери. Один из них скрылся вместе с ребенком, другой швырнул всхлипывающую Селин на пол и прижал коленом.

– *Halt die Klappe!* – крикнул солдат. – Заткнись!

Но Селин не могла, потому что больше не видела Давида, его плач становился все тише, а единственным ее желанием было защитить сына – если она этого не сделает, то ее жизнь ничего не стоит. Мишель

лежал рядом с ней: его несколько раз ударили головой о каменный пол, пока он не перестал кричать.

– Мишель! – позвала Селин, и он повернулся к ней и посмотрел затуманенным взглядом. Слава богу, жив.

– Мишель Шово, вы арестованы за убийство гауптмана Карла Рихтера, – гаркнул один из немцев, рывком поставил Селин на ноги и вытолкнул в камеру. Она лихорадочно оглядывалась, ища сына. Один из солдат держал его под мышкой, словно буханку хлеба, но Давид был жив – он кричал и дрыгал ножками, выпроставшимися из одеяла.

Рыдания сдавили горло Селин.

– Пожалуйста, все что угодно, только не трогайте ребенка.

– Заткнись, еврейка. Ты тоже в этом замешана?

А затем среди этого хаоса вдруг появилась Инес – лицо красное, глаза безумные. Она выхватила ребенка у немца – тот хотел было возразить, но Инес снова испустила вопль, низкий, нечеловеческий, похожий на рык животного, и солдат попятился, испуганно вскинув руки.

– Нет, нет, это ошибка! – Голос Мишеля был сиплым и сдавленным. – Селин не трогала Рихтера. Это только я, она ни при чем.

– Нет, – застонала Селин. – Нет, нет, нет!

– *Genug!*^[38] – рявкнул один из немцев, с усами. – Хватит лгать! Думали, это вам сойдет с рук?

– Это не они! – крикнула Инес. – Это я! Это моя вина! Я его убила! Я убила Рихтера!

Селин потрясенно смотрела на нее, на этот незнакомый вихрь из растрепанных волос и слез. Давид на руках Инес продолжал плакать, и Селин инстинктивно потянулась к нему, заработав удар в лицо рукояткой немецкого пистолета. Мир завертелся, а писк Давида заглушили пронзительные крики Инес.

– Довольно! – зарычал усатый немец. – Вы Инес Шово? Мы знаем, что вас не было здесь, когда убили гауптмана Рихтера. Зачем вы лжете?

– Но я...

– Убирайтесь, – заревел немец. – Антуан Пикар поручился за вас. Вы были с ним. Идите, пока мы вас тоже не арестовали!

Селин задохнулась в истерическом рыдании и тотчас прикусила губу. Она ничего не понимала. Кто такой Пикар и почему он защищает

Инес? И почему Инес пытается взять вину на себя? А потом со смутной обреченностью поняла: Инес сама же и привела все это в движение, когда прошлой ночью сбежала в Реймс, и теперь все неотвратимо.

– Простите, простите! – всхлипывала Инес, пятясь назад. Ее взгляд был прикован к Селин. – Я не хотела...

– Хватит! – прервал ее причитания усатый немец. – Отдайте ребенка и уходите! Быстро. Пока я не передумал и не арестовал и вас тоже!

– Нет! – Селин снова потянулась к Давиду и получила еще один удар в лицо. Все завертелось у нее перед глазами, и она заморгала, силясь не потерять сознание.

– Зачем вам невинный младенец? – Инес сверлила офицера исполненным ненависти взглядом.

Он ухмыльнулся:

– А тебе зачем? Ведь он еврей, правда?

– Не по вашим нацистским законам, а вы, нацисты, любите играть по правилам, так? – парировала Инес. – У него среди дедушек и бабушек всего один еврей, и, так или иначе, он родился здесь, во Франции. Кроме того, неужели вы хладнокровно убьете невинного младенца? Так может поступить только настоящее чудовище.

Немец какое-то время молча смотрел на нее, затем пренебрежительно махнул рукой.

– Какое мне, собственно, дело? Если тебе так нужен этот неполноценный ублюдок, забирай его. И проваливай, потаскуха грошовая!

Инес, вздрогнув, повернулась к Селин:

– Простите меня, Селин. Я не хотела...

– Защитите Давида, – сказала Селин. Державший ее солдат с силой ткнул стволом пистолета ей в спину, и боль пронзила все тело. – Защитите его, Инес. Умоляю вас.

– Но...

– Идите, Инес, пока они не передумали! Пожалуйста!

После секундного колебания Инес повернулась и побежала, крепко прижимая к себе ребенка. Селин смотрела им вслед, слушая, как младенческий плач затихает в меловых туннелях, словно Давида и не было, словно он ей только приснился. В наступившей тишине

Селин поняла, что больше никогда его не увидит. Одновременно пришло отчетливое осознание: все это – расплата за ее вину, ставшая неизбежной с тех самых пор, как она впервые поцеловала Мишеля, когда впервые отбросила сомнения и влюбилась в того, кто не мог ей принадлежать.

Когда нацисты, выведя ее по лестнице, потащили к машине, толкая позади нее Мишеля, на пороге их домика она увидела Тео; слабый свет зари освещал его искаженное гневом лицо. Он не двинулся с места, не попытался помочь ей, и Селин поняла, что он знает.

Инес и Давид исчезли, и Селин оставалось лишь молиться о том, чтобы Инес поняла, осознала: цена ее предательства – ответственность за жизнь Давида. Нацисты затолкали Селин в одну машину, Мишеля в другую, и она в последний раз окинула взглядом уходящие вдаль виноградники, землю, с которой были связаны все ее мечты.

Глава 29

Июнь 2019

Лив

Бабушка молчала, пока водитель не высадил их перед отелем и они с Лив не поднялись к себе. В номере она тяжело опустилась на мягкий красный диван.

– Ладно, – произнесла она. – Вижу, вы с Жюльеном поладили.

– Ну да. – Лив осторожно присела рядом. – Ты ни о чем не хочешь поговорить?

– Что ты имеешь в виду?

– Там, в «Мезон-Шово», ты выглядела очень взволнованной.

– Интересно, откуда у современных молодых людей привычка все время сообщать об очевидном? – Бабушка Эдит вздохнула: – Кстати, я бы задала тебе тот же вопрос. Ты то ходишь и киснешь, а то вешаешься на шею юному Жюльену. Должна ли я за тебя волноваться?

Лив почувствовала, что краснеет:

– Нет.

– Значит, с тобой все будет в порядке? – Тон бабушки Эдит немного смягчился. – Ты должна понимать, что я не смогу собирать тебя в кучу из осколков?

– Ах, вот это как называется, когда ты внезапно появилась на пороге моей нью-йоркской квартиры и потребовала, чтобы я отправилась с тобой в безумную поездку во Францию?

Бабушка Эдит пожала плечами:

– Что тут такого, я же за тебя волнуюсь? Я люблю тебя, Оливия, и хочу, чтобы ты была сильной и счастливой. Я хочу убедиться, что Эрик тебя не сломил.

– Пытаешься сменить тему, чтобы я не выпрашивала про «Мезон-Шово»?

– Возможно. Но это не значит, что я не хочу услышать ответ.

Лив пристально посмотрела на бабушку, потом опустила взгляд.

– Понимаешь, похоже, мне нужно было уехать от Эрика как можно дальше, чтобы понять, что я совсем по нему не скучаю. Я

скучают по *себе*. Каким-то образом я позволила себе исчезнуть, и я не хочу, чтобы это повторилось. Я не знаю, что еще преподнесет мне жизнь. Но мне хочется думать, что я наконец двигаюсь в правильном направлении. – Вспомнив совет Жюльена, она улыбнулась: – Скажем так: я готова посмотреть, куда меня вынесет волна.

– Только не дай волне унести себя. – Бабушка Эдит наклонилась к Лив и с неожиданной пылкостью сжала ее руки. – В жизни, моя дорогая, следует слушаться себя. Прошое переписать нельзя, но можно жить полной жизнью здесь и сейчас.

– Бабушка Эдит...

– Нет, дай мне сказать. Пожалуйста. Я слишком поздно поняла, что смысл жизни – любить и уважать других. Нет ничего проще. Но для начала нужно любить и уважать себя. Найти свое счастье. Ты должна, милая. Должна, иначе однажды окажешься старой и одинокой, окруженной одними сожалениями.

– Бабушка Эдит, зачем ты мне все это говоришь? – раздраженно спросила Лив. – Я ценю твои советы, но неужели ты меня сюда привезла только ради них? Может, ты хотела сказать мне что-то еще? Или вся эта авантюра – только для того, чтобы познакомить меня с овдовевшим внуком твоего старого друга? Но сделать это можно сотней других способов. Честно говоря, проще было бы дать мне адрес его электронной почты и сказать: «Лив, этот горячий парень одинок и живет в Шампани». И я бы клюнула. Я люблю горячих парней. И шампанское.

Тут бабушка Эдит все-таки позволила себе улыбнуться.

– Признаю, я надеялась, что вы с Жюльеном поладите. Но не ожидала, что вы начнете трахаться практически на публике. Это так у вас теперь называется?

Лив почувствовала, что ее щеки вновь заливают румянец.

– Ты правда решила меня уесть?

– Возможно – но совсем чуть-чуть. – Озорная улыбка снова заиграла на бабушкиных губах, но ее тотчас смыло печалью. – Видеть тебя с ним в этом месте, в «Мезон-Шово»... Иногда пути Господни мне кажутся очень странными и загадочными.

– То, что там произошло, как-то связано с дедушкой Жюльена?

– Не совсем.

– Тогда что? Что ты боишься мне рассказать?

Бабушка Эдит опустила взгляд на свои руки, старые, узловатые, распухшие от артроза. Вспоминает былое, подумала Лив, годы, когда ее муж Эдуар был еще жив.

– Я не боюсь, Оливия. Просто очень тяжело возвращаться в прошлое, когда ты изо всех сил пыталась его забыть.

– Что тогда произошло, бабушка Эдит?

– Чудесные вещи. И ужасные. Любовь двоих, которые следовали велению сердца, и предательство той, которая думала только о себе. И ребенок. Прекрасный ребенок, который родился прямо там, в «Мезон-Шово», и который изменил все. Я привезла тебя сюда, Оливия, чтобы рассказать обо всем этом, но боюсь, правда окажется более горькой, чем я думала.

– Расскажи мне. Пожалуйста. Я пойму все, что бы это ни было.

– Правда? – Бабушка Эдит покачала головой: – Нет, не поймешь, конечно. Но все-таки я права, что привезла тебя в «Мезон-Шово», хотя далось мне это нелегко. Это следовало сделать давным-давно. Надо было привезти сюда и твоего отца, Оливия, но у меня не хватило духу.

– Почему? Какое отношение «Мезон-Шово» имеет к нам?

Бабушке Эдит потребовалась почти минута, чтобы собраться с мыслями.

– Милая моя, твой отец и был тем ребенком, который здесь родился – плодом страстной любви двух людей. Дело в том, что его отец – твой настоящий дедушка, которого звали Мишель Шово, – был владельцем «Мезон-Шово».

– Постой. Что? Эдуар Тьерри *не был* моим дедушкой? – Лив растерянно смотрела на бабушку Эдит. Мысли ее путались. – У тебя был роман с Мишелем Шово?

– Нет, милая. – Пожилая женщина тяжело вздохнула. – Понимаешь, родная моя, я не была матерью твоего отца. Но я любила его так, как только мать может любить сына. И люблю тебя так сильно, как бабушка может любить внуку. Но я всегда знала, что этого недостаточно. Моя любовь не может заменить то, что у тебя отняли.

– Я... я не понимаю. Что ты такое говоришь?

Бабушка Эдит встала и положила ладонь на плечо Лив. Ее била дрожь.

– Я говорю, что люблю тебя, Оливия, и сожалею о своих ошибках. После рождения твоего отца я старалась изо всех сил. Но этого всегда

было мало.

И прежде чем Лив успела еще хоть что-то спросить, бабушка Эдит встала и вышла. Щелкнул замок ее спальни, а Лив, потрясенная и растерянная, смотрела на закрытую дверь и прислушивалась к доносящимся из-за нее сдавленным рыданиям.

Глава 30

Март 1943

Инес

Мишеля казнили в тот же день у штаба гестапо на улице Жанны д'Арк в Реймсе, в двух кварталах от брассери «Мулен». Тео уверял Инес, что не доносил на него – разъяренный предательством, он собирался это сделать и ринулся в город на велосипеде, но по дороге передумал: как бы гнусно ни поступили Мишель и Селин, он не вправе распоряжаться жизнью другого человека.

В Реймсе он видел, как солдаты выволокли Мишеля, избитого и окровавленного, из здания и прислонили к стене. И прежде чем он успел упасть, в него одновременно выстрелили четверо солдат.

Тео рассказал об этом Инес после того, как собрал свои вещи и сухо попросил отвезти его в Реймс.

– Куда вы едете? – спросила она со слезами на глазах. Маленький Давид крошечными холодными ручками теребил ее платье, ища грудь, но ей нечего было ему предложить. Как уберечь его от гибели?

– На юг, – ответил Тео. – В Бургундии есть винодельни, и им пригодится человек с моим опытом.

– Когда вы вернетесь? – спросила Инес.

– Никогда. – Он указал на Давида. – Когда отвезете меня на вокзал, поезжайте к мадам Фуко. Она скажет, чем кормить ребенка.

Инес кивнула и завернула малыша в еще одно одеяло, чтобы он не замерз. Тео держал его, пока они в молчании ехали в Реймс. Глаза Инес наполнялись слезами каждый раз, когда она представляла безжизненное тело Мишеля, распростертое на холодной земле. *Что она натворила?*

– Что будет с Селин? – спросила Инес, лавируя среди узких улочек Реймса.

– Не знаю. – Тео умолк и долго смотрел в окно. – Наверное, отправят на восток. Они не любят казнить женщин на площадях, если вина не очевидна.

– А что будет с «Мезон-Шово»?

– Думаю, он теперь ваш. – Тео пожал плечами. Но на вашем месте я бы уехал. Как можно дальше. Хотя от правды не убежишь.

Инес увидела, что в глазах у него полыхает ярость. Помимо Мишеля и Селин, Тео злился и на Инес. Он знал, что она сделала, – или, по крайней мере, догадывался.

– Мне так жаль, – прошептала она. – Я ничего этого не хотела.

В ответ Тео лишь хмыкнул, а когда они остановились у вокзала, аккуратно положил Давида на переднее сиденье, захлопнул дверцу, закинул сумку за спину и ушел, сгорбив плечи и не оглядываясь.

Инес еще долго смотрела ему вслед, пока немецкий офицер не наклонился к ней и не постучал в стекло.

– Проезжайте, мадам. – От низкого, с сильным акцентом, голоса веяло замогильным холодом.

Инес вытерла слезы, положила ладонь на спящего ребенка и тронулась с места. Она поедет к мадам Фуко. Отдаст все свои силы, чтобы защитить Давида. Мишель мертв, Селин нет, и Давид – все, что у нее осталось.

Мадам Фуко помогла Инес достать немного детской смеси и сказала, что нужно официально зарегистрировать Давида, чтобы получать на него продуктовые карточки, но Инес пугала мысль о том, что власти узнают, кто настоящие родители ребенка, и заберут его. Поэтому однажды вечером она остановила машину у квартиры Антуана. Оставив спящего Давида на сиденье и не переступая порога дома, она заявила Антуану, что если он не обеспечит ее детским питанием, то она сочинит историю, как он работал на подполье и шпионил за нацистами, и расскажет немецкому командованию.

Антуан было посмеялся над ее угрозами, но что-то в лице Инес остановило его, и он согласился.

– Но ты у меня в долгу, – мрачно бросил он ей в спину, когда она уже уходила.

– Не строй иллюзий. – Она обернулась, чувствуя, как ярость прожигает ее изнутри. – Ты получишь все, что заслужил. Я не успокоюсь, пока этого не произойдет.

Он кивнул, явно восприняв ее слова как обещание, а не как угрозу. Когда дверь закрылась, Инес плюнула на ступеньку крыльца. Да, она виновата, и это бремя с ней навсегда, но ее предательство все же было

неумышленным – горе и алкоголь развязали ей язык. Убил Мишеля, в сущности, Антуан. И она ненавидела его почти так же, как себя.

Доехав до брассери «Мулен», Инес взяла Давида и вошла внутрь. Эдит стояла за барной стойкой. При виде Инес с ребенком на руках ее глаза широко раскрылись. Она жестом показала на лестницу в глубине зала, и Инес торопливо пересекла ресторан, стараясь не смотреть на немцев.

– Господи, Инес, я слышала о Мишеле, – сказала Эдит, когда поднялась вслед за ней в квартиру. Она обняла подругу и погладила лобик ребенка. – Мне так жаль. Как ты? Что произошло? Это ребенок Селин?

– Да, это Давид. – Эдит коснулась руки младенца, и Инес вдохнула, собираясь с духом: – И как выяснилось, сын Мишеля.

Эдит вскинула голову:

– Что?

– Ох, Эдит, что я натворила?

Всхлипывая, Инес рассказала обо всем, чувствуя, как Эдит отстраняется, отодвигается от нее. Это физическое отвращение только укрепило Инес в ненависти к себе.

– Я не знаю, что делать. – Давид пошевелился и заплакал, и Инес достала бутылочку с молоком, приготовленным из остатков смеси, которую дала мадам Фуко.

Эдит осторожно взяла Давида, потом бутылочку и дала ему – с такой нежностью, что сердце Инес замерло. Давид смотрел на Эдит широко раскрытыми глазами, жадно глотая желтоватую жидкость, а она воркующим голосом разговаривала с ним; ее глаза тоже наполнились слезами.

– То, что ты сделала, теперь не имеет значения, – сказала она. – Теперь важно только то, что ты заботишься об этом ребенке.

– Не нужно меня утешать, Эдит. Оставь эти банальности.

– Отлично, пусть будет по-твоему. – Эдит нежно баюкала ребенка, но голос ее звучал твердо и уверенно. – Мишель был хорошим человеком. Он сделал для Сопротивления больше, чем ты можешь вообразить. Был ли он тебе хорошим мужем? Наверное, нет, но можешь ли ты сказать, что была ему хорошей женой?

– Нет, – прошептала Инес. – Конечно, нет.

– Ты ведь понимаешь, что Селин тоже умрет. – Тон Эдит немного смягчился.

Инес подняла голову. Сердце ее разрывалось от горя.

– Что? Нет, ее отправят на восток, в трудовой лагерь. – Она понимала, что обманывает себя надеждой, будто лагеря вовсе не такие, как их описывал Самюэль Кон, – места, где большинство людей бесследно исчезают по прибытии.

– Она вряд ли выживет. – В глазах Эдит блеснули слезы.

Тяжело сглотнув, Инес устала на собственные руки, словно ждала увидеть на них кровь, несмываемое пятно вины. Но руки были белыми, чистыми, а линии жизни на обеих необъяснимым образом уходили в бесконечность.

– Но шанс все-таки есть.

– Да, шанс есть, – согласилась Эдит. – А пока ты должна сделать все, чтобы защитить их ребенка.

– Да, конечно. – Глядя, как Эдит воркует с младенцем, как, тихо напевая, нежно покачивает Давида и крошечные веки начинают закрываться, Инес вдруг поняла: – Можно тебя кое о чем спросить?

Эдит оторвала взгляд от Давида, и блаженная улыбка медленно сошла с ее лица.

– Спрашивай.

– Почему у вас с Эдуаром нет детей?

Эдит вздохнула.

– Мы пытались завести малыша. Потом началась война, и мы решили, что такой мир для ребенка слишком опасен. А через какое-то время поняли: жизнь слишком коротка. – Она снова посмотрела на спящего Давида, погладила его личико и продолжила, но так тихо, что Инес пришлось напрягать слух: – Мы возобновили попытки, больше года назад. Но похоже, Господу не угодно, чтобы мы стали родителями.

– Или тебе суждено растить *этого* ребенка, – сказала Инес, и Эдит резко повернулась к ней.

– Что?

– Подумай об этом, Эдит. Что я могу дать Давиду? Я эгоистична и глупа. Я виновата в том, что у него отобрали родителей. Ты рождена для материнства. А моя судьба – одиночество. Я никчемный человек.

– Неправда.

– Неужели?

Ответ Инес прочла в глазах Эдит и почувствовала, что щеки заливают краска стыда.

– Я могу взять на себя твою работу в подполье, – сказала Инес. – Ты будешь в безопасности. И позаботишься о Давиде.

Эдит посмотрела на нее с изумлением.

– Ты шутишь, Инес? Думаешь, после того, что здесь случилось, тебе кто-нибудь поверит?

– Но...

Инес заплакала, но Эдит не придвинулась к ней, а, наоборот, отстранилась, не выпуская Давида из рук.

– Инес, я тебя люблю, но невозможно просто по щелчку пальцев отменить то, что ты натворила.

– Я знаю. Знаю! Вот почему я хочу что-то делать. Что угодно! Я должна искупить свою вину. – Таков ее долг, Инес в этом не сомневалась. Если она оставит ребенка с Эдит и просто исчезнет, у Эдит не останется выбора, кроме как стать для Давида матерью до возвращения Селин, и ребенок получит любовь, которую заслуживает, от хорошего доброго человека, который его достоин. – Прости, Эдит. Ты не присмотришь за Давидом? Мне... Мне просто нужно съездить в Виль-Домманж за вещами, а вечером я вернусь. И тебе больше не нужно будет обо мне волноваться.

– Что бы ты ни сделала, Инес, что бы ни случилось, я всегда буду волноваться за тебя. Ты навсегда останешься моей подругой. И я всегда буду любить тебя как сестру.

Инес печально улыбнулась.

– Мы обе знаем, что я этого не заслуживаю. – Она поцеловала Давида в пахнущую молоком макушку и вышла.

Свернув на подъездную дорожку к «Мезон-Шово» – дому, где прожила странную жизнь с мужем, которого больше не было, – Инес увидела на пороге седовласого мужчину в костюме, что-то писавшего в блокноте. Он повернулся на звук автомобиля и, прищурившись, смотрел на нее, пока она выходила из машины и нерешительно приближалась к нему.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросила Инес.

– Мадам Шово? – На мужчине были крошечные круглые очки и тонкий черный галстук.

– Да.

– Здравствуйте. Я Жорж Годар, поверенный семьи Шово. Возможно, вы помните меня – я был на вашей свадьбе.

В толпе Инес вряд ли бы его узнала, но теперь лицо показалось ей знакомым.

– Да, конечно, месье Годар.

– Мадам Шово, позвольте выразить соболезнования вашей утрате. Насколько я понимаю, месье Шово с нами больше нет. – Его лицо выражало сочувствие, хотя и несколько вымученное.

– Да. – Она склонила голову. – Благодарю вас.

– Я приехал предложить свою помощь.

– Помощь?

– Дело в том, что со смертью месье Шово вся собственность переходит к вам, единственному живому члену семьи. – Он взмахнул рукой, указывая на весь «Мезон-Шово». – Месье Шово позаботился об этом. Оформление документов займет какое-то время, но я всегда к вашим услугам, если вам понадобится помощь в управлении имуществом.

Инес удивленно заморгала.

– Вы, вижу, не теряете времени даром, а?

– Месье Шово просил меня помочь вам, если с ним что-то случится. Но я уверен, что ваш главный винодел тоже не оставит вас в такой трудной ситуации. Месье Лоран, если я не ошибаюсь?

Инес покачала головой:

– Он уехал. Насовсем.

– Понятно. Но вы остаетесь?

Инес колебалась:

– Нет. Не думаю. Я тоже уеду, по крайней мере, на какое-то время.

– В таком случае я могу присмотреть за хозяйством, пока вы не вернетесь. За небольшое вознаграждение, разумеется.

Вот, оказывается, в чем дело. Инес улыбнулась в ответ на его натужную улыбку.

– Да, конечно.

Пока он занудно расхваливал винодела, который в настоящее время работал у Рюинара из Реймса, Инес механически кивала, чувствуя, что это ее совершенно не интересует. Но ей на блюдечке преподносили решение, о необходимости которого она даже не

задумывалась, – кто-то сохранит «Мезон-Шово» от разрушения, даже если за это придется платить. Она должна позаботиться о будущем этого места, чтобы однажды Давид мог унаследовать то, что принадлежит ему по праву рождения.

Месье Годар протянул ей несколько листов бумаги, пахнущих свежими чернилами.

– Я взял на себя смелость составить эти документы на тот случай, если вас заинтересует мое предложение помощи в управлении «Мезон-Шово».

Инес взяла документы, прекрасно понимая, чем на самом деле является их встреча, – шантажом. Но она слишком устала, чтобы сопротивляться. Ей не нужны деньги Мишеля. Пусть месье Годар немного заработает в ее отсутствие, если ему хочется.

– Я прочту их и вечером подпишу.

Улыбка сползла с его лица.

– Может, удобнее подписать их прямо сейчас?

Инес проигнорировала вопрос:

– Можете забрать их завтра в брассери «Мулен» в Реймсе. Всего доброго, месье Годар.

– Подождите, – остановил он Инес, которая уже собиралась войти в дом. – Моя жена просила у вас кое-что узнать. – Он колебался: – В городе ходили слухи, что жену вашего главного винодела тоже арестовали.

Инес с усилием сглотнула:

– Да.

– А что с ее ребенком? Ведь она была беременна? Моя жена слышала, будто мадам Фуко помогала ей при родах незадолго до того, как мадам Лоран была арестована немецкими властями.

Неприятность Инес к месье Годару сменилась отвращением, но она поняла, какая возможность перед ней открывается. Глаза поверенного блестели, и он подался вперед в ожидании очередной порции слухов. Лицо Инес стало печальным.

– Вы очень добры, месье, но ребенок вчера умер. Как оказалось, у него были слабые легкие.

– О, как печально это слышать. – Но месье Годар вовсе не выглядел опечаленным; он был похож на кота, слопавшего канарейку.

Инес не сомневалась, что месье Годар проглотит эту ложь и разнесет ее по всей Шампани. А это значит, что Давид – которому могла грозить опасность из-за еврейской крови матери, – исчезнет без следа. Эдит и Эдуар, с их связями в подполье, обязательно придумают убедительную легенду, которая объяснит появление ребенка в Реймсе.

– Да. Такая трагедия.

– Ну, в таком случае я вас покину. – Месье Годар несколько подобострастно поклонился и стал пятиться к машине. – Надеюсь, мы завтра увидимся в брассери «Мулен».

– Да. – Инес подумала, что у нее нет никакого желания встречаться с льстивым юристом, пока она себя не реабилитирует. – Значит, до завтра.

Инес привезла в квартиру Эдит две сумки – одну со своими вещами, другую с детской одеждой, которую Селин в ожидании ребенка несколько месяцев перешивала из старых вещей.

Весь вечер она не выпускала Давида из рук – разговаривала с ним, кормила, старалась запомнить крохотные черты. В нем сквозило сходство с Мишелем, хотя в очертаниях пухлых щек было что-то от Селин.

– Обещаю тебе, – сказала Инес, тихонько качая младенца, – я сделаю все, чтобы твоя жизнь была счастливой.

В брассери «Мулен» Эдуар прочел документы, составленные юристом, и предложил несколько небольших поправок к порядку оплаты, но Инес отмела его сомнения.

– Мне нужно лишь, чтобы Годар сохранил «Мезон-Шово», – сказала Инес. – Когда-нибудь он будет принадлежать Давиду.

Эдуар нахмурился:

– Но как ты это устроишь – без доказательств, что он сын Мишеля?

– Теперь владелица «Мезон-Шово» я и могу делать со своей собственностью что пожелаю.

Когда хозяйева уснули, Инес зажгла свечу и напечатала на машинке завещание: по нему, если с ней самой что-то случится, «Мезон-Шово» отходит Эдит. Ведь если она не вернется, Эдит, разумеется, усыновит Давида и тем самым сделает законным наследником. Инес подписала завещание и оставила его для Эдит вместе с другим листком –

написанной второпях запиской, в которой умоляла подругу позаботиться о Давиде, пока ее не будет.

С тобой ему будет лучше. Ты хорошая и добрая – в отличие от меня. Я должна искупить свою вину, потому что иначе мне не стать такой, какой я должна быть. Теперь я понимаю, что сражаться за Францию, сражаться за справедливость – единственный способ заслужить прощение. Именно так старался поступать Мишель, и я должна продолжить его дело. Если я не вернусь и если, хуже того, не выживет Селин, пожалуйста, постарайся сделать так, чтобы у Давида была счастливая жизнь и чтобы он унаследовал «Мезон-Шово», который, откровенно говоря, моим никогда и не был.

Подписав и эту записку, Инес оставила ее на столе и вернулась в гостиную, где среди одеял на полу мирно спал Давид. Она долго смотрела, как во сне трепещут его крохотные веки и подергиваются ручки и ножки. Наконец, она встала, тихо, как мышь, выскользнула из квартиры и растворилась в темноте ночи.

Глава 31

Май 1945

Селин

Селин называли везучей, хотя это слово – *chanceux* – казалось настолько фальшивым и тошнотворным, что она не могла произнести его вслух, даже когда медсестры склонялись над ней, лечили ее раны, щипали за впалые щеки и называли чудом то, что она осталась в живых.

Но можно ли называть это везением? Ей очень хотелось вернуться в «Мезон-Шово», найти там Мишеля, который ее ждет, и Давида, бегущего среди виноградников толстощекого малыша, смех которого мыльными пузырями плывет в небе. Эта мысль поддерживала ее ужасными темными ночами в Аушвице, в лагере, населенном призраками и ночными кошмарами. Почти за два года, проведенных там до освобождения, она усохла до тридцати пяти килограммов и от нее остались лишь кожа да кости. Но Селин выжила, потому что должна была выжить. Должна была вернуться к любимому, если оставался хотя бы малейший шанс, что он ее все еще ждет. Вернуться к сыну.

В глубине души она понимала, что Мишель, скорее всего, мертв. Она видела, как его уводили немцы, знала цену, которую ему придется заплатить за смерть Рихтера. Что Рихтер едва не изнасиловал Селин, вряд ли повлияет на судьбу Мишеля, – даже если гестапо ему поверит. Вот уже два года, как она свыклась с мыслью, что его больше нет, но горе ее не утихало.

Но Давид? Ведь у него-то был шанс? Конечно, Инес знала, на что идет, когда взяла его из непослушных рук Селин. Но поняла ли она, что искупить вину она сможет, только если спасет Давида? Два года Селин надеялась, что да, Давид счастлив, здоров, жив.

Но теперь, когда она пешком приближалась к «Мезон-Шово», после того как поездом добралась из Парижа в Реймс, а потом американский конвой подбросил ее в Виль-Домманж, Селин все больше одолевали сомнения, почти парализуя. Исчез указатель, когда-

то стоявший на границе владений и сообщавший гостям, что они на территории «Мезон-Шово», а флигель управляющего, который в прошлой жизни служил ей домом, оказался заколочен. Выронив сумку с бруском мыла и старым платьем, которое отдала ей сердобольная сотрудница Красного Креста, Селин побежала к главному дому. Ноги, похожие на палки, подкашивались – мышцы на них успели атрофироваться.

Она постучала в дверь, чувствуя, как изнутри поднимается волна страха. Высохшая, мертвая виноградная лоза, за которой когда-то ухаживал Мишель, чернела на фоне синего неба. Единственный признак присутствия людей – отпечатки шин, ведущие в дальний конец участка, где они обычно хранили пробки и пустые бутылки. На стук никто не вышел, и Селин, прикусив губу, чтобы не расплакаться, побежала к сараю и распахнула дверь.

Внутри она увидела незнакомый черный автомобиль и несколько бочек, лежавших на боку, явно на разных стадиях очистки. Сердце ее затрепетало. Здесь точно кто-то был, занимался производством шампанского – несмотря на то, что место выглядело заброшенным.

– Мишель? – задохнулась она. – Инес? Тео?

Но человек, который вылез из люка в полу, – новый вход в погреба? – был ей незнаком. Высокий, худой, лет шестидесяти, с седыми усами и тонким носом.

– Мадемуазель? – Он удивленно смотрел на Селин, которая, должно быть, казалась ему почти ребенком. И действительно, бедра у нее исчезли, грудь стала плоской, а тонкие руки и ноги напоминали высохшие ветки виноградной лозы.

– Кто вы? – Ее голос был хриплым от страха. – Где Мишель? Тео? Инес?

Мужчина нахмурился, и в его взгляде промелькнуло сочувствие.

– Их нет.

– Они мертвы?

– Кто вы? – Мужчина старался говорить как можно мягче.

– Меня зовут Селин Лоран. Мой... мой муж, Тео, был здесь главным виноделом.

Он смотрел на нее во все глаза.

– Селин Лоран? Но я думал, вы погибли. – Мужчина шагнул к ней и дотронулся до ее руки так осторожно, словно боялся, что от более

энергичного прикосновения она рассыплется. – Простите. Мадам Лоран, меня зовут Альфонс Бертло. Меня пригласили на должность здешнего винодела в сорок третьем году, но, как вы видите, я работаю один и на все у меня не хватает сил. Я пытаюсь сохранить производство.

– Где все? – шепотом спросила Селин.

– Ваш муж уехал еще до моего прибытия сюда. Ходят слухи, будто он отправился на юг.

Конечно, Тео сбежал. Она сама его оттолкнула. Селин надеялась, что он жив, но в конечном счете какая разница? За прошедшие два года она о нем ни разу не вспоминала.

– А Мишель? Мишель Шово?

– Вы не знали? – Месье Бертло нахмурился. – Мадам, я сожалею, но немцы убили его еще весной 1943 года.

Колени Селин подогнулись, и она опустилась на землю. Она и сама почти не сомневалась в гибели Мишеля, но подтверждение этого факта ее подкосило. Месье Бертло бросился к ней и попытался поднять, но Селин была как тряпичная кукла.

– Вы уверены?

– Боюсь, что да, мадам.

– А ребенок? – прошептала Селин. – Где ребенок? Давид?

На секунду месье Бертло растерялся.

– О, господи, я забыл. Месье Годар, адвокат, который меня нанял присматривать за этим местом, говорил, что незадолго до ареста вы родили ребенка.

По состраданию во взгляде мужчины она уже догадалась об ответе, но все равно должна была услышать его.

– Где он? Где мой сын?

– Мадам, мне очень жаль. Месье Годар рассказал мне, что случилось. Ваш ребенок, он... он не выжил.

– Нет, – прошептала Селин. – Нет, вы, наверное, ошибаетесь. Я бы почувствовала, если бы он умер. – Это было неправдой, потому что теперь она не чувствовала ничего. Выжить в Аушвице она сумела только благодаря способности обманывать себя, цепляться за надежду, убегать от реальности в мечту. Теперь она больше не могла доверять своим чувствам, потому что внутри у нее давно осталась только пустота.

Она не осознавала, что лежит на полу, свернувшись клубком, пока мужчина не исчез, а через некоторое время не появился вместе с пожилой женщиной, которую Селин узнала не сразу. Но потом женщина назвала ее по имени, помогла сесть, и Селин поняла, что это мадам Фуко, старая акушерка с виноградников у подножия холма, которая двумя годами раньше принимала Давида.

– Его нет? – Шепотом спросила она у мадам Фуко, которая гладила ее по голове. – Моего Давида нет?

– Бедняжка, – пробормотала женщина. – Все будет хорошо.

– Нет, не будет. – Селин сделала глубокий вдох: – Что с ним случилось?

Мадам Фуко колебалась.

– Я слышала, дело в легких, моя милая. Он родился слишком рано.

Селин снова заплакала. Это ведь ее вина, да? Если бы она сумела удержать его в своей утробе еще немного, он мог бы выжить. С другой стороны, роди она в срок, младенец бы погиб в Аушвице. В любом случае он был обречен.

– А Инес? – спросила Селин. – Где Инес?

– Боюсь, тоже погибла.

– Что? Как?

Губы мадам Фуко сжались в тонкую полоску – знак неодобрения.

– Поговаривали, будто она вступила в подполье, как и ее муж. Глупая девчонка. Она пряталась на конспиративной квартире недалеко от Реймса, на которую немцы устроили облаву в прошлом июле.

– *Инес?* Вы уверены?

– Так говорили в городе, особенно после того, что случилось с месье Шово.

– Я не верю. – Селин снова заплакала, и теперь уже и по Инес, еще одной молодой жизни, которая оборвалась слишком рано. Никто из них не заслужил такой судьбы.

Отец Селин и ее бабушка с дедушкой были давно мертвы – теперь она знала, что в сорок втором их отправили в газовые камеры сразу по прибытии в Аушвиц, – а будущее, о котором она осмеливалась мечтать, выскользнуло из ее дрожащих пальцев. Она смотрела на свои худые руки, на татуировку с номером выше левого запястья – эти цифры должны были отнять у нее личность, отнять имя.

Без Мишеля и без Давида она теперь и правда никто. Она больше никогда не будет Селин Лоран, женой бездушного винодела, возлюбленной нежного мужчины, который никогда по-настоящему ей не принадлежал, матерью ребенка, чью смерть она не смогла предотвратить.

Селин вытерла слезы и с помощью мадам Фуко поднялась на ноги. Потом повернулась к месье Бертло, глаза которого блестели от слез. Ее история растрогала его, и она поняла, что он ей поможет.

– Мне очень неловко вас просить, месье, но не могли бы вы отвезти меня в Париж?

– В Париж? Да, конечно, мадам. – Он бросился за ключами от машины.

– Что вы будете делать в Париже? – спросила мадам Фуко.

Селин посмотрела на дверь сарая, из которой открывался вид на виноградники и уходящие вдаль холмы прекрасной Шампани. Она хотела запомнить эти места, сохранить их в памяти.

– В Париже, – прошептала она, – я исчезну.

Жизнь Селин Лоран утратила. Женщина, которая полюбила и ни разу об этом не пожалела, женщина, которая однажды заснула в объятиях любимого, а проснувшись, потеряла все, – ее не существовало.

Если Давида больше нет, значит, вместе с ним исчезли остатки ее самой, те, за которые она отчаянно цеплялась в Аушвице. Селин села на пассажирское сиденье машины нового винодела и закрыла глаза. Когда они приехали в Париж и он силой сунул ей в руку несколько франков, она поблагодарила его и попрощалась.

Но прощалась она не с ним. Она прощалась с жизнью, которая навсегда осталась позади в ту секунду, как его машина тронулась с места. Она уедет как можно дальше от Реймса. Смешается с другими беженцами, возвращающимися с того света. Станет другим человеком и будет надеяться на новую жизнь – когда-нибудь и где-нибудь.

Глава 32

Май 1945

Инес

Когда война в Европе закончилась и 7 мая 1945 года в Реймсе командование Третьего рейха подписало акт о безоговорочной капитуляции, в жизни Инес все давно уже переменялось.

В 1943 году, покинув квартиру Эдит, она направилась сначала в Париж, но там ее никто не знал и она не смогла связаться с подпольем. Движимая желанием помочь, она поехала на юг и в конечном счете оказалась в Оверни и нашла группу партизан-маки, базировавшихся в Тронсайском лесу, которые ее приняли. Она научилась стрелять и умело закладывала взрывчатку под рельсы, разрушая коммуникации нацистов. Иногда ей казалось, что Мишель мог бы ею гордиться.

Инес была преданным и бесстрашным бойцом, а в награду попросила у своего командира, сурового мужчины по фамилии Тардива, которого уважала и побаивалась, всего одну вещь.

– В Реймсе есть человек по имени Антуан Пикар, – сказала она летом 1944 года, когда война во Франции подходила к концу. – В смерти моего мужа виновата я, но кровь Мишеля еще и на руках Пикара. Я хочу, чтобы он за это заплатил.

Тардива устало улыбнулся:

– Считай, что договорились. И постарайся простить себя, Инес. Мы все совершили то, о чем приходится жалеть.

Инес отвела взгляд:

– Я не заслуживаю прощения, месье.

Единственным способом обрести душевный покой было вернуть Селин сына. Эта надежда поддерживала ее все эти долгие и трудные месяцы в партизанском отряде.

Осенью 1944 года, через два месяца после освобождения Реймса, Инес вернулась в Шампань и первым делом направилась в брассери «Мулен». У ресторана был новый хозяин, и официант у входа смог лишь сообщить ей, что Эдуар Тьерри по-прежнему живет в квартире наверху, но редко ее покидает.

– А Эдит? – спросила Инес, чувствуя горечь во рту. – А ребенок?

Но официант лишь покачал головой и указал на лестницу на второй этаж.

Инес бросилась наверх, перепрыгивая через ступеньку, и постучала в дверь. Никто не ответил, и она постучала сильнее. Наконец дверь открылась, и она с трудом узнала стоящего на пороге человека. Эдуар похудел не меньше чем на десять килограммов, сгорбился и выглядел лет на десять старше, чем полтора года назад, когда она его видела в последний раз. Голова была почти полностью седой, на щеках белела щетина, а под глазами залегли темные тени.

– Ты жива? – прохрипел он.

– Где Эдит? – спросила Инес, схватив его за руки. От этого прикосновения он покачнулся. – Где Давид?

Из квартиры послышался детский плач. Эдуар оглянулся, потом снова посмотрел на Инес.

Она бросилась внутрь и увидела двухлетнего малыша, который стоял в шаткой кроватке и протягивал к ней пухлые ручки. Увидев Инес, он перестал плакать, и они молча разглядывали друг друга. За время ее отсутствия он стал еще больше похож на отца. Волосы у него теперь были светлые, как у Мишеля, и такой же узкий нос и пронзительно-синие глаза. Но овал лица он унаследовал от Селин. Инес, сдерживая рыдания, подошла к ребенку.

– Милый Давид, – прошептала она, подняла его из кроватки и прижала к себе. Он что-то забормотал по-своему, уткнувшись ей в плечо, и запустил пальчики в ее волосы. – Слава богу!

– Ты его заберешь? – Эдуар все еще стоял у двери и смотрел на нее. – У меня на это больше нет сил.

– Но где Эдит?

– Погибла.

Инес и сама уже догадывалась – по лицу Эдуара, по теням под глазами, по тому, как он прежде уклонился от ее вопроса. Но услышав это слово, едва не согнулась от боли. Она заплакала, а Давид нахмурился и прикоснулся к слезам, катившимся по ее щекам.

– Как? Что случилось, Эдуар?

Он тоже сморгнул слезу:

– Это произошло перед самым освобождением. Немцы совсем обезумели. Понимали, что все кончено. Нагрянули на собрание

подпольщиков и не арестовали их, а сразу стали стрелять. Просто выбили дверь и открыли огонь.

Инес закрыла лицо руками.

– Боже мой, Эдуар. Ее застрелили?

– Пуля попала в голову, – равнодушным голосом сообщил он и коснулся лба прямо над бровью. – Лицо практически снесло. Поэтому, когда меня попросили опознать ее, я сказал, что это не она. Я сказал властям, что это ты.

Инес замерла:

– Что?

– Я думал, что ты уже мертва, Инес. Все так думали. Понимаешь, если бы немцы убедились, что убили Эдит Тьерри, то, скорее всего, арестовали бы меня или даже убили. Кто тогда позаботился бы о Давиде?

– Но как ты объяснил отсутствие Эдит?

Эдуар покачал головой:

– Думаю, все знали правду, включая тех немцев, которые были завсегдатаями нашего ресторана. Но к тому времени все было кончено, и в общем хаосе никто не стал ничего выяснять. Значение имели только официальные бумаги. Ты, Инес, была участницей Сопrotивления, а Эдит просто исчезла. Ты же знаешь немцев и их привычку все документировать.

– Мне так жаль, Эдуар. Может, если бы я осталась...

– Это ничего бы не изменило. Мы с Эдит выбрали свою судьбу, когда согласились помогать союзникам. Эдит очень хотела защитить Давида, и поэтому я считал себя обязанным заботиться о нем. Как видишь, он сыт и здоров. – Он кивком указал на мальчика, который смотрел на него своими круглыми глазами. Голос Эдуара по-прежнему не выражал никаких чувств. – Но мне больше нечего ему дать, Инес. Эдит была для меня всем, а теперь ее нет. Я больше не могу заботиться о ребенке.

– Мне так жаль, Эдуар, что все так обернулось. – Инес смахнула слезы. – Но что теперь? Что мне делать, если все считают меня мертвой?

Его губы изогнулись в подобие улыбки.

– Ты станешь Эдит. Я по-тихому разведусь с тобой. Ты уедешь и никогда не вернешься.

– Но...

– Здесь все думают, что ты поддерживала нацистов, – продолжил он, не глядя на нее. – В Реймсе ни для кого не было секретом, что какое-то время ты была любовницей Антуана Пикара. После освобождения его казнили за измену – против него дал показания один из крупных партизанских командиров.

Инес кивнула, удивляясь, что не чувствует ни грусти, ни сожаления, ни вины – только благодарность капитану Тардива, сдержавшему слово.

– Понятно.

– В лучшем случае, Инес, тебя будут считать «немецкой подстилкой». В худшем – пособницей нацистов, предателем Франции.

– Но я никогда...

Эдуар поднял руку, останавливая ее:

– Неважно, Инес. В этом городе тебе нет прощения.

– Но разве ты не можешь сказать людям...

– Разве ты не понимаешь? – Эдуар не дал ей договорить. – Долгое время меня тоже подозревали в коллаборационизме. Все видели, что мой ресторан был полон немцев. Я сам с трудом избежал казни – только потому, что британцы прислали человека, который свидетельствовал в мою пользу и объяснил, что мы с Эдит выведывали секреты у немцев и передавали информацию союзникам, рисковали жизнью ради Франции. У меня не осталось сил, Инес, чтобы снова доказывать свою невиновность или подвергать себя опасности, пытаясь обелить тебя. В конце концов, что ты такого сделала, чтобы заслужить мою помощь?

Инес хотела рассказать ему о долгих месяцах, проведенных в лесу с партизанами, о том, сколько раз она оказывалась на грани гибели, о немецком солдате, которого ей пришлось убить перочинным ножом, чтобы защитить одного из руководителей отряда. Но есть ли у нее право сравнивать свои жертвы с жертвами Эдуара? Он лишился всего, а в своих потерях Инес виновата сама. Кроме того, рассказ о ее участии в партизанском движении может быть воспринят как намек, что этим она смыла с себя все грехи. Инес знала, что это не так, и поэтому молча слушала, склонив голову. Она в полной мере заслужила его гнев.

– Ты прав.

– Так что уходи, Инес. – Эдуар, казалось, совсем выбился из сил. – Возьми документы Эдит. Вы всегда были похожи, как сестры. Стань ею. Уважай ее имя. Постарайся стать хоть кем-то. И в любом случае позаботься о мальчике.

Инес посмотрела на Давида, который теперь играл с ее волосами и что-то лепетал на своем детском языке.

– Обещаю, – прошептала она.

– Хорошо. – Эдуар, казалось, хотел что-то добавить, но потом пристально посмотрел на Инес, повернулся и ушел, захлопнув за собой дверь. Инес знала, что больше его не увидит.

Несколько недель спустя Инес поселилась в Париже вместе с Давидом. Этот город она выбрала потому, что именно сюда привозили бывших узников концентрационных лагерей, и ей казалось, что она обязательно разыщет Селин среди тонкого ручейка призраков, возвращавшихся в столицу. Это была ее единственная надежда на отпущение грехов.

Два с половиной месяца она каждый день приходила в отель «Лютеция» на бульваре Распай в поисках любых свидетельств того, что Селин жива. И каждый день возвращалась домой с пустыми руками – в свою маленькую квартирку на улице Амели. Иногда она брала Давида и направлялась на восток, чтобы мальчик мог побегать среди цветов и зелени Люксембургского сада, а в остальные дни они гуляли в окрестностях здания с золоченым куполом, Дворца Инвалидов, где похоронен Наполеон. И каждый раз она рассказывала мальчику о его отце и матери, отважных героях Франции. Отец, говорила она, отправился в далекое путешествие и больше не вернется, но они ждут его маму, которая обязательно приедет.

Дни складывались в месяцы, и на третьей неделе августа Инес наконец встретила женщину с ввалившимися глазами, которая сказала, что видела Селин в Аушвице.

– Вы не знаете, она еще не вернулась? – спросила Инес, пересаживая Давида на другое колено и наклоняясь вперед. – Мы приходим сюда каждый день, но не можем ее найти.

Женщина была истощена до предела; редкие седые волосы висели ключьями, тело было прикрыто обносками.

– Мадам, – прохрипела женщина, – боюсь, ваша подруга не вернется.

У Инес перехватило дыхание. Она спустила Давида на пол, взяла за руку и шагнула вперед, словно хотела заслонить его своим телом. Теперь он уже понимал почти все, о чем говорили взрослые.

– Что вы хотите сказать? – прошептала Инес, не обращая внимания на кривляние и хихиканье Давида у нее за спиной.

Глаза женщины наполнились слезами, и она покачала головой:

– Какое-то время мы жили в одном бараке. Она из деревни рядом с Реймсом, да? Виль... как ее?

– Да, верно. Виль-Домманж.

– Голубушка, она умерла зимой, незадолго до освобождения. Кажется, это было на второй неделе января.

– Вы уверены? – Инес с усилием сглотнула, сражаясь с обрушившимся на нее чувством вины. – Ч-что... случилось?

– Туберкулез. По крайней мере, я так думаю. Вы же понимаете, что мы не могли пойти в больницу и узнать диагноз. – Она хрипло рассмеялась, потом всхлипнула. – В ночь, когда она умерла, шел снег, а она харкала кровью. Мы все знали, что это конец, и утром она уже была мертва.

– Но в списках умерших ее нет.

– Несколько недель перед освобождением в лагере царил хаос. Я уверена, нацисты больше занимались сокрытием своих преступлений, чем ведением документации. Кроме того, для них она была просто номером, а не человеком. Как и все мы. – Женщина покачала головой: – Иногда я завидую ей – она ушла, а мы оказались здесь, никому не нужные. Вся моя семья погибла. У меня никого нет. Иногда ночью я прошу Бога, чтобы он забрал и меня.

– Я вам очень сочувствую, – сказала Инес. – Но Селин не была одинока. У нее был ребенок.

Взгляд женщины переместился за спину Инес, и ее глаза широко раскрылись.

– Это ребенок Селин? Какая трагедия. Она говорила о сыне, но я не верила, что он выжил.

Инес оглянулась на Давида, который теперь делал вид, что его рука – это грузовик, и водил ладошкой по ее ноге, имитируя рычание мотора. Он не слышал произнесенных слов, не понимал, как они изменили его жизнь.

– Вы уверены, что это была Селин? Селин Лоран из Виль-Домманжа? Вы не ошиблись?

– Нет, – без колебаний ответила женщина. – Она иногда рассказывала о доме шампанских вин и о мужчине, которого любила.

Сердце Инес замерло.

– Да.

– Мне очень жаль, – сказала женщина. – Но теперь время восстанавливать разрушенное, правда? Пытаться построить будущее? Вы должны позаботиться, чтобы ее ребенок нашел хороший дом и любящих родителей.

Инес повернулась к Давиду, нежно поцеловала в лоб и взяла на руки.

– *Maman!*^[39] – запротестовал он, и Инес не смогла сдержать слезы. Она приучала мальчика называть себя *Tante*^[40], объясняла, что его мама скоро вернется, но он все равно иногда называл ее мамой.

– Мой дом станет его домом. – Инес снова повернулась к женщине. – И я буду любить его всем сердцем – до последнего вздоха.

– Вот и хорошо. Значит, теперь его мать – вы, – сказала женщина и растворилась в толпе прежде, чем Инес успела спросить, как ее зовут.

Инес с Давидом продолжали каждый день приходить в центр приема депортированных в «Лютении», пока тот не закрылся, – на всякий случай, в слабой надежде, что женщина ошиблась. Но Инес понимала, что пытается отрицать очевидное. Когда фотографию Селин сняли с доски объявлений о пропавших, Инес в последний раз вышла вместе с Давидом из дверей «Лютении», твердо решив начать новую жизнь, в которой уже не будет места волшебным сказкам о матери мальчика и в которой у него останется только одна женщина – та, что не заслужила, чтобы единственной остаться в живых.

Инес возвращалась в Реймс только один раз, в 1946 году, и только для того, чтобы удостовериться, что «Мезон-Шово» не продан и по-прежнему принадлежит ей. Она намеревалась посетить месье Годара, поверенного, с которым подписала договор после гибели Мишеля, но по пути с железнодорожного вокзала – трехлетний Давид топал сзади, держась за ее руку и стараясь не отстать, – увидела табличку на скромной двери дома на улице Трезо. «Адвокатская контора Самуэля Кона». Есть ли хоть малейший шанс, что это тот самый молодой

юрист, которого они с Эдит помогли спрятать в 1943 году? Может, судьба пощадила его, как и ее?

Инес взяла Давида на руки и вошла. У самого входа сидела юная секретарша, которая вопросительно посмотрела на нее:

– Я могу вам чем-то помочь, мадам?

– Мне нужно увидеться с Самуэлем Коном, – решительно сказала Инес.

– Как вас представить?

Сердце Инес затрепетало.

– Старая знакомая.

Секретарша поджала губы, услышав столь неопределенный ответ, но все же проскользнула за закрытую дверь в контору, а через секунду появилась снова и пригласила Инес войти.

Инес не верила в чудо, пока не завернула за угол и не увидела у большого письменного стола знакомую фигуру – с их последней встречи Самуэль совсем не изменился. Его глаза широко раскрылись, и он поспешил отпустить секретаршу.

– Инес Шово? – Самуэль бросился к ней и расцеловал в обе щеки. Потом стал рассматривать, не веря своим глазам. – Не может быть! Мне сказали, что вас нет в живых!

– В определенном смысле это так. Теперь я Эдит Тьерри.

– Но настоящая мадам Тьерри...

– ...погибла, – тихим голосом закончила Инес, а когда брови Самуэля взлетели вверх, прибавила: – А это мой сын Давид.

– Рад познакомиться с вами, месье, – вежливо, как его учили, поздоровался Давид и дернул Инес за платье. – Мама, можно мне теперь мой самолет?

– Конечно, милый. – Инес протянула мальчику игрушку, и он уселся на пол конторы Самуэля Кона и принялся размахивать самолетом, негромко имитируя рычание двигателя.

Тем временем Инес рассказывала потрясенному Самуэлю свою историю, начиная с того, что случилось с Мишелем и Селин и заканчивая своим превращением в Эдит. Он в свою очередь поведал о том, как их с сестрой с помощью голландской супружеской пары тайно переправили через границу Швейцарии, так что до конца войны они прожили в безопасной Женеве.

– Вы спасли мне жизнь, – заключил он. – И моей сестре. Я у вас в вечном долгу.

– Вы мне ничего не должны, – поспешно возразила Инес. – Но я тем не менее надеялась, что вы захотите мне помочь в одном довольно щекотливом деле.

– Я к вашим услугам. Все, что пожелаете.

Инес объяснила, что «Мезон-Шово» перешел к ней и что она хочет оставить его Давиду, что было бы в высшей степени справедливо.

– Но, возможно, его уже конфисковали и продали. Не исключено, что я опоздала. Но может, существует шанс все исправить, может, вы сумеете сделать так, чтобы поместье осталось у меня, а значит, у Давида? В конце концов, он законный наследник.

– Да, ситуация действительно непростая. – Самуэль вздохнул. – Но я сделаю все, что в моих силах. Разумеется, нам также понадобятся бумаги, согласно которым Давид будет официально считаться вашим сыном. Но с учетом того, сколько документов пропало или было уничтожено во время войны, будет не слишком трудно сочинить несколько фальшивок – так сказать, *pieux mensonge*^[41]. Значит, вы собираетесь вернуться в Виль-Домманж?

– Нет, я не смогу. Мне нужно начать все заново. Может, в Париже, может, даже в Америке. Слишком много воспоминаний, и кто знает, что произойдет, когда люди поймут, что Инес Шово жива? Я не могу рисковать – у Давида больше никого нет.

– Мне очень жаль, что все так обернулось.

Инес отвела взгляд.

– Это моя вина.

– Мы все совершаем ошибки. – Самуэль печально улыбнулся. – А война превратила наши ошибки в утраты, о которых мы будем помнить всю жизнь. Однако нужно идти вперед, правда? Это все, что нам остается.

Инес всегда хотела рассказать Давиду о прошлом, но годы шли, а она все не могла набраться храбрости. К тому времени как они перебрались в Нью-Йорк, она до такой степени привыкла к новому образу – разведенной француженки Эдит Тьерри, – что ей становилось все труднее открыть правду. Что скажет ее сын, когда узнает, что она не его мать? Что она виновата в смерти его настоящих родителей? Что

она увезла его из отчего дома просто потому, что больше не могла жить в мире с собой?

И все же Инес знала, что обязана рассказать Давиду правду. Однажды, когда ему было семнадцать и он учился в старшем классе школы, в винном магазине на Западной Семьдесят второй улице она обнаружила бутылку шампанского «Шово» 1940 года и купила ее, хотя пришлось выложить довольно большую сумму. Но ей показалось, что это знак свыше: последнее вино, которое сделали Мишель с Тео прежде, чем мир раскололся на части. Она и Селин – помогали делать вино, и Инес, открывая бутылку у себя в гостиной, ощущала, будто держит в дрожащих руках нечто, принадлежащее другой эпохе, другой реальности.

Она пила и репетировала, что скажет Давиду. Несмотря на то что урожай в 1940 году выдался скудный, пузырьки были мелкими и нежными, а вино – маслянистым, как бриошь, со свежими лимонными нотками и едва уловимыми оттенками карамели и мела. Превосходное шампанское, настоящий шедевр, ода земле, погребам и виноделам. Селин была права, когда говорила о вине этого года: им удалось создать из хаоса нечто прекрасное. Мишель бы им гордился. Наслаждаясь каждым глотком, она закрыла глаза и представила, как возвращается в Виль-Домманж и находит там Мишеля, работающего в погребах. Волосы поседели, лицо в морщинах. Он обнимет ее и скажет, что всегда знал, что все это было ошибкой и что он ее прощает.

К тому времени, как Давид вернулся из школы, Инес была уже пьяна, но все равно попыталась открыть ему правду.

– Вот кто ты, – сказала она заплетающимся языком, поднимая пустую бутылку, а он посмотрел на нее, и на его лице отразилось нечто среднее между жалостью и презрением. – Перестань на меня так смотреть. Я пытаюсь тебе сказать кое-что важное. Это вино сделал твой отец.

Давид прищурился.

– Мой отец был героем французского Сопротивления в Париже. – Эту историю она рассказывала ему тысячи раз, преувеличивая героизм Мишеля и переместив его в Париж, потому что была не в силах говорить с Давидом о Шампани. Конечно, проще было бы сделать отцом мальчика Эдуара Тьерри, мужа настоящей Эдит, но она и так

нагородила слишком много лжи. – А теперь вдруг он превратился в винодела, мама?

– Но он и был виноделом, – настаивала Инес. Слова не слушались ее, цеплялись друг за друга. – Всегда им был, *mon ange*^[42]! Он твой отец, а твоей настоящей матерью была женщина...

– Ты пьяна, мама.

Она попыталась встать, но не смогла и снова опустилась на мягкий диван. Голова раскалывалась.

– Я просто пытаюсь рассказать тебе правду.

– Прекрати, – крикнул он. Даже пьяная, она чувствовала его ярость. – Если ты не моя мать, значит, у меня никого нет, так? Значит, ты выпиваешь бутылку вина и пытаешься сообщить, что я не тот, кем всегда себя считал. Если ты хочешь мне что-то сказать, сделай это в трезвом виде.

– Но... – попыталась возразить Инес, но Давид уже повернулся и пошел в свою комнату.

На вторую попытку у нее не хватило смелости, хотя теперь она понимала, насколько легче примириться с собой, когда в организме присутствует алкоголь.

Она пообещала себе, что все расскажет Давиду. Когда ему исполнится восемнадцать, потому что тогда он сможет официально унаследовать дом шампанских вин, что следовало из хитроумных договоров, которые составил Самуэль после того, как сумел отобрать управление бизнесом у поверенного по фамилии Годар. У Самуэля нашелся талантливый друг, который подделал или изменил дату в некоторых документах, и получилось, что Инес Шово незадолго до своей трагической гибели официально передала дом шампанских вин Шово своей подруге Эдит Тьерри. «Мне следовало бы стыдиться своего участия в мошенничестве, – однажды сказал ей Самуэль, пожимая плечами, – но закон в свое время не защитил ни меня, ни вас, правда? Поэтому вернуть то, что нам принадлежит, не зазорно».

Самуэль учредил трастовый фонд для управления домом шампанских вин до тех пор, пока Инес не наберется храбрости сказать Давиду правду. Но его восемнадцатилетие миновало, а она так и не решилась. Может, когда ему исполнится двадцать один. Или тридцать. Или тридцать пять. Раз за разом она пыталась, но не могла заставить

себя произнести нужные слова. И с каждым прошедшим годом это становилось все труднее.

Самуэль звонил ей раз в квартал, чтобы отчитаться, проверить, не изменилось ли что-нибудь и готова ли она привезти Давида в Виль-Домманж. Но каждый раз Инес отвечала, что не в состоянии этого сделать, а он говорил, что понимает и что продолжит управлять бизнесом вместо нее, позаботится о том, чтобы нанимать лучших виноделов Шампани, проследит, чтобы они покупали только лучший виноград с лучших виноградников. И, как прежде – начиная с 1946 года – будет перечислять половину прибыли на счет Давида, а остальное отправлять Инес, чтобы она и ее сын ни в чем не нуждались.

Инес казалось, что у нее времени еще сколько угодно. Но 3 февраля 1980 года, за полтора месяца до тридцатисемилетия Давида, среди ночи Инес позвонила его жена Жанна и сообщила ужасную новость: он погиб в автомобильной аварии.

Инес поняла, что утратила последний шанс на искупление, последнюю возможность что-то исправить. Вскоре после гибели Давида она переехала в Париж, потому что в Нью-Йорке у нее остались лишь мучительные воспоминания о том, как она растила ребенка, которого почему-то ей было суждено пережить – как и почти всех тех, кто что-то значил в ее жизни.

Она всегда будет сожалеть о том, что не открыла ему правду, но однажды, в подходящее время, все расскажет его дочери, Оливии. Ведь теперь «Мезон-Шово» принадлежит ей, и Инес осталось только набраться храбрости и один раз – последний – сказать правду. Но как это сделать, если ты лгала всю жизнь?

Глава 33

Июнь 2019

Лив

Окончательно убедившись, что бабушка Эдит выходить из спальни не собирается, Лив попыталась позвонить Жюльену, а когда он не ответил, приняла душ, перевела телефон в беззвучный режим и легла. День был долгим и суматошным, и она устала.

Лив проснулась незадолго до рассвета и улыбнулась, увидев пропущенный звонок от Жюльена. Она прослушала голосовое сообщение. «Прошу простить, что вечером не ответил на звонок, – ласково произнес из трубки его низкий голос. – Я не проверял телефон после того, как уложил Матильду. Наверное, уже слишком поздно. Прошу прощения. Я просто хотел сказать, что сегодня у меня был чудесный день и что я с нетерпением жду нашей следующей встречи. Позвоните мне утром, Лив».

Она одевалась словно в тумане, размышляя, не пригласить ли Жюльена на ужин сегодня вечером. Не слишком ли она торопит события? Может, здесь так не принято. Если уж на то пошло, может, теперь так уже *нигде* не назначают свидания. Увы, тут она отстала от жизни.

С улыбкой на лице Лив вышла из спальни и тут заметила, что дверь в комнату бабушки Эдит открыта, а бабушки нигде не видно. Лив посмотрела на часы – еще нет семи. Ее охватила тревога. Куда бабушка могла отправиться в такую рань?

Затем взгляд Лив остановился на кофейном столике посреди гостиной. Там лежали два конверта; один был адресован ей, другой Жюльену, оба написаны бабушкиной рукой. Лив бросилась к столику и вскрыла свой конверт.

Дорогая моя Оливия!

Мне нужно многое тебе рассказать, но, по правде говоря, я никогда не была такой сильной, как мне хотелось. Я привезла тебя сюда, чтобы открыть тебе правду,

попытаться хоть что-то исправить, но, похоже, мне не хватает смелости. Возможно, именно это, больше чем что-либо другое, определяет мою жизнь.

Пожалуйста, позвони Жюльену, и он расскажет тебе то, что не смогла рассказать я. Вторая записка на столе предназначена ему; в ней – разрешение раскрыть мою тайну.

Пора тебе узнать, кто ты на самом деле. Мне очень жаль, что я тебя подвела. Но ты, Оливия, сильная, и я знаю, что ты найдешь свое счастье, что бы ни случилось. Никогда не забывай, как я тебя люблю, даже если я вообще не заслуживаю знакомства с тобой. Быть твоей бабушкой Эдит – самое большое счастье моей жизни.

Люблю тебя.

Лив перечитала записку, крепко сжимая ее дрожащими пальцами, потом бросилась к себе в спальню, схватила телефон и позвонила Жюльену.

– Лив. – Голос его был низким и ласковым. – Доброе утро.

– Бабушка пропала, – выпалила Лив, не отвечая на приветствие. – Оставила записку.

– Что? Что в ней?

– Похоже на прощание, Жюльен. И вторую, для вас.

Он тихо чертыхнулся.

– Я сейчас приеду. А пока откройте мою.

Лив отключила телефон и сунула палец под клапан конверта, адресованного Жюльену. Почерк бабушки Эдит:

Пожалуйста, расскажите Лив все. Пора. Спасибо, что так долго хранили мои секреты. Вы хороший человек.

Когда через пятнадцать минут приехал Жюльен – растрепанные темные волосы, мятая льняная рубашка, – Лив мерила комнату шагами. Она вручила ему обе записки, и он быстро прочел их, шевеля губами. Закончив, Жюльен посмотрел на Лив; лицо его было встревоженным.

– Какие были ее последние слова? Вы ее видели сегодня утром?

Лив покачала головой.

– Она ушла до того, как я проснулась. Но вчера вечером бабушка говорила странные вещи: что мой папа – сын Мишеля Шово, владельца «Мезон-Шово», а она – не мать моего отца. Какая-то околесица! А когда я попросила объяснить, она замолчала. Я подумала, она просто слишком впечатлительна, но теперь... – Лив указала на записки в руках Жюльена. – Теперь я по-настоящему волнуюсь. Жюльен, это ведь похоже на прощание, да?

– Ладно. – Он положил записки на стол и достал из кармана телефон. – Я позвоню своему знакомому в местном отделении полиции. А вы не волнуйтесь, хорошо?

Лив ждала, пока он звонил по телефону и скороговоркой объяснял, что Эдит Тьерри не нужно официально считать пропавшей, но он беспокоится о ее безопасности. Закончив разговор, Жюльен повернулся к Лив:

– Он попросит других сотрудников быть внимательнее. Ее найдут, Лив.

– Мы тоже должны ее искать. – Лив не покидало чувство, что случилось нечто ужасное.

– Возьмем мою машину.

Когда они выходили из номера, Жюльен взял Лив за руку и больше не отпускал.

– Спасибо, – прошептала она, спускаясь рядом с ним по лестнице.

Несколько минут спустя Жюльен уже вел машину по улицам города, а Лив высматривала бабушку на тротуарах. В такой ранний час улицы были безлюдными, и заметить пожилую женщину не составило бы труда. Но ее нигде не было. Жюльен в молчании объехал квартал, затем остановился перед brasserie «Мулен», похоже закрытой.

– Не хотите проверить, нет ли ее там? – спросил он. – Просто на всякий случай?

Лив кивнула, выскочила из машины и бегом бросилась к двери. Дверь оказалась заперта. Тогда Лив прижалась лицом к стеклу и заглянула внутрь, но ресторан был пуст.

Вернувшись в машину, она вопросительно посмотрела на Жюльена.

– Как вы думаете, не могла она вызвать такси и поехать в «Мезон-Шово»? Похоже, вчера она там очень разволновалась.

– Я подумал о том же. Давайте проверим. – Он снова влился в поток машин. – Пока вы смотрели в брассери, я позвонил бабушке и оставил сообщение. Может, у него есть идеи, где ее искать.

– Спасибо. – Какое-то время она смотрела на проносящиеся мимо городские кварталы. – Жюльен? Какие секреты вам разрешила раскрыть бабушка?

Он ответил не сразу, и она заметила, как его пальцы стиснули руль, а на скулах заиграли желваки.

– Честно говоря, Лив, мне кажется, вы должны услышать это от нее.

– Но ее здесь нет. И она просила вас все мне рассказать.

– Знаю. – Он вздохнул. – Ладно. С чего же начать? Ну, во-первых, на самом деле она не Эдит Тьерри. Она взяла это имя после войны, оно принадлежало другой женщине.

Лив уставилась на него во все глаза:

– Жене владельца брассери «Мулен»?

– *Oui*. Настоящая Эдит Тьерри была лучшей подругой вашей бабушки. Участвовала, насколько я знаю, в Сопротивлении и погибла здесь, в Реймсе. Кажется, ее застрелили немцы в самом конце оккупации.

Лив зажала ладонью рот:

– Тогда, ради всего святого, кто моя бабушка на самом деле?

Жюльен посмотрел на нее исполненным сочувствия взглядом.

– Ее настоящее имя Инес Шово. Она была женой Мишеля Шово, владельца «Мезон-Шово». – Жюльен умолк и свернул направо, к выезду из города.

У Лив перехватило дыхание.

– Я... я не понимаю. Вчера она сказала мне, что мой отец – сын Мишеля Шово, но при этом не ее.

– *Oui*. Вот тут и начинаются сложности. Понимаете, у Мишеля Шово был роман с женщиной по имени Селин Лоран, женой *chef de cave*, его главного винодела. Она была родной матерью вашего отца. Но, когда мадам Лоран отправили в Аушвиц, она оставила своего новорожденного сына вашей бабушке.

– О, Боже, *Аушвиц*? Что с ней стало?

– Она не вернулась. Что касается вашей бабушки, то она всегда винила себя в смерти мадам Лоран и своего мужа. Но знала, что

обязана защитить вашего отца. Кое-кто в Реймсе считал, что она – Инес – помогала нацистам.

– Но ведь это неправда? Господи, пожалуйста, скажите мне, что это неправда.

– Конечно, нет, – поспешил успокоить ее Жюльен. – На самом деле она спасла моего деда. Он был еврейским беженцем, и она прятала его в погребах под «Мезон-Шово», пока ее муж не нашел безопасный способ вывезти его из Франции. – Жюльен свернул на шоссе *D980*, которое должно было привести их в Виль-Домманж. – Что бы ни произошло тогда в «Мезон-Шово», ваша бабушка – хороший человек. Но она так и не простила себя за ужасные ошибки, совершенные семьдесят пять лет назад.

– Какие ошибки? Почему она винит себя в смерти настоящих родителей моего отца?

Жюльен помолчал:

– Похоже, она выдала их немцам, когда узнала об их связи.

– Нет! – выдохнула Лив. – Как она могла?

– Не думаю, что она сделала это намеренно. Но это дела не меняет, правда? Дедушка говорит, это одна из величайших трагедий, с какими ему приходилось сталкиваться: единственный проступок определил всю дальнейшую жизнь вашей бабушки.

Лив пыталась осмыслить услышанное. Неужели бабушка Эдит действительно обрекла на смерть двух невинных людей, пусть даже нечаянно?

– Значит, она привезла меня сюда, чтобы все рассказать? – Голос Лив дрожал. – Об ужасных секретах своего прошлого? И о том, что я не ее внучка?

– Вы ее внучка. Как вы не понимаете? Семья – это нечто большее, чем кровное родство. К тому же, мне кажется, она всю жизнь только и делала, что заглаживала свою вину.

Лив молча разглядывала свои ладони.

Жюльен остановился на обочине, повернулся к ней:

– Лив, она привезла вас сюда не только ради этого.

Она едва удержалась, чтобы не рассмеяться.

– А разве одного этого мало?

– Дело в том, что «Мезон-Шово» когда-нибудь станет вашим.

Лив открыла, потом снова закрыла рот:

– Я... я не понимаю.

– Дом шампанских вин управляется трастовым фондом, который учредила наша семейная юридическая фирма семьдесят лет назад. После смерти вашего отца наследницей стали вы. Ваша бабушка поставила условие, что сама сообщит вам об этом, когда сочтет нужным. Формально дом шампанских вин принадлежит ей – она унаследовала его после смерти Мишеля Шово.

– Вы хотите сказать, что я унаследую «Мезон-Шово»? – Голос Лив прозвучал на октаву выше.

– Да, после смерти вашей бабушки. – Тут их прервал звонок телефона. Жюльен посмотрел на имя абонента и нахмурился. – *Oui*, – сказал он. – *Oui. Nous serons là rapidement*^[43].

– Кто это? – спросила Лив.

– Дед. – Лицо Жюльена было мрачным. Он вырулил на дорогу и нажал педаль газа. – Ваша бабушка в «Мезон-Шово». Он уже почти там. Я сказал, что мы едем.

Глава 34

Июнь 2019

Инес

Сотрется ли это пятно хоть когда-нибудь? Инес храбро сражалась в рядах Сопротивления, привезла сына в Америку, чтобы начать новую жизнь, всегда заботилась о внучке. Она пожертвовала миллионы на благотворительность, спасла Самуэля и его сестру, старалась не опозорить имя Эдит Тьерри, любимой подруги, которая погибла, спасая Францию.

Но этого было мало.

Давид лишился отца и матери. Оливия – бабушки и дедушки. Инес почти сто лет, и она все еще жива, все еще держится, а Мишель и Селин не дожили до тридцати.

Инес понимала, что, проживи она еще сто лет, сделай еще тысячу добрых дел или даже миллион, ей не склонить чашу весов в свою сторону.

Она стояла у старого входа в погреб «Мезон-Шово», который теперь закрыли. Сейчас пользовались новым, более удобным входом из главного дома. Самуэль хорошо потрудился. В 1946 году он взял бразды правления в свои руки и с тех пор, принимая правильные решения и нанимая правильных людей, превратил «Мезон-Шово» в процветающую империю. Покидая поместье больше семидесяти лет назад, Инес надеялась, что доходы от него позволят оплатить обучение Давида в колледже, поддержат в начале самостоятельной жизни, возможно, помогут купить первое жилье. Так и произошло, хотя Давид понятия не имел, откуда берутся деньги. Но их оказалось гораздо больше. А к тому времени, как Самуэль и его внук оформили собственность на Оливию, она успела бы стать мультимиллионершей. Ну а поместье, будь на то ее воля, стало бы ей домом. Так должно было случиться, и только по вине Инес все становится на свои места слишком поздно. Возможно, неудачный брак с болезненным разводом обошел бы внучку, живи она в Виль-Домманж, знай все вокруг, кто она такая. Инес сожалела теперь и об этом тоже.

Она смотрела на ровные посадки «пино-нуар», уходящие за горизонт. Наверное, лоза, которую она видит, – потомок той, что так заботливо выращивал Мишель. А если и нет, все равно этот виноград несет в себе частицу его души. Здесь пролилась его кровь, впиталась в почву, стала частью земли, прежде чем нацисты успели его увезти. Этой земле он отдал все, что имел. А теперь она поможет обеспечить его внуку, которую ему не суждено было увидеть.

В тетради, переданной Самуэлю для Оливии, Инес записала все, что смогла вспомнить о Мишеле и Селин. Ее рассказ – если Оливия даст себе труд прочесть его – вдохнет жизнь в это место, и Оливия поймет: ее окружают призраки тех, кто должен был стать ее родными. Теперь, что бы ни случилось, с Оливией все будет хорошо. Инес сделала все, что могла, и теперь ей пора. Она очень устала.

С шоссе на подъездную дорогу к «Мезон-Шово» свернула машина. Инес смотрела, как она приближается, и вдруг почувствовала облегчение. Самуэль здесь, и это хорошо. Таблетки подействуют через несколько минут, а она хотела бы сказать кое-что еще.

Машина остановилась, и из нее вылез мужчина; двигался он неуклюже, медленно, с трудом распрямляя длинные ноги и помогая себе руками. Это был Самуэль – сгорбленный и неловкий, но все такой же, каким она запомнила его в свои двадцать три года. Ее друг. Единственный человек в мире, который знал, кто она такая на самом деле, знал, что она натворила, но все равно все эти годы оставался на ее стороне.

– Инес. – Он пошел к ней, опираясь на трость. – С тобой все в порядке?

– Самуэль. – Инес улыбнулась ему. Они расцеловались, как это принято во Франции, но затем он вдруг обнял ее. Оба были стары, как мир, но в его объятиях, таких знакомых, Инес, закрыв глаза, смогла на секунду поверить, что снова молода. Потом она отстранилась и указала на ближайшую скамью.

– В чем дело, друг мой? – спросил Самуэль, с тревогой заглядывая ей в глаза.

Но ответ ему не требовался. Инес поняла это по его лицу. Самуэль знал. Она перевела взгляд на виноградники, уходящие к восточному горизонту, где солнце уже начало согревать землю.

Инес надеялась, что Оливия поселится здесь. Хотя бы на какое-то время. Она видела, как смотрел на ее внучку Жюльен и как Оливия смотрела на него. Привозя сюда внучку, Инес ни на что такое не рассчитывала, но, едва увидев их вместе, все поняла – и, конечно, ей пришлось вмешаться, совсем немного, чтобы помочь Оливии преодолеть страхи, которые ее сдерживали.

Возможно, это было предопределено, записано на небесах – как и все в этом мире. Когда-то давно Инес помогла спастись дедушке Жюльена. Теперь мальчик влюбился в Оливию, и Инес видела, что сердце Оливии раскрывается ему навстречу. А значит, теперь уже можно уйти с миром, зная, что у внучки все будет хорошо, – даже если не сложится с Жюльеном. В отличие от Инес, Оливия умеет любить по-настоящему, а значит, девочка найдет свою дорогу к счастью, так или иначе.

– Помнишь, много лет назад ты рассказывал мне о французском полицейском, который застрелился на улице перед твоим домом в сорок втором, во время облавы? – Инес прислонилась к плечу старого друга, чтобы не упасть. – Тогда я не понимала, как человек может лишиться себя жизни из чувства долга. Теперь понимаю.

На лице Самуэля отразились печаль и смирение.

– О нет, Инес. Что ты сделала?

Она смотрела вдаль, замечая, как растекаются очертания предметов, как мир понемногу уплывает прочь. Время вышло. Оправдания ей не будет.

– Это надо было сделать давным-давно, – сказала она. – Я не заслужила всех этих лет, Самуэль. Это несправедливо. Не я должна была жить.

– Но ты жила! Ты выжила, Инес, и принесла много добра в этот мир. Поверь, такова воля Божья!

– Но разве я тогда не отвернулась от Бога? Что, если я заключила сделку с дьяволом, пусть даже непреднамеренно? – Она чувствовала, как слабеет, как мышцы словно отделяются от костей, и с благодарностью приняла помощь Самуэля, когда он обнял ее одной рукой. Он дрожал, но Инес не могла понять, от старости или от горя.

– Мой милый друг, – сказал он, – ты не отвернулась от Бога. Ты совершала ошибки, но потом всю жизнь пыталась их искупить. Я –

живое свидетельство тому, разве не так? Я сижу здесь потому, что ты рисковала жизнью ради моего спасения.

Голос Самуэля теперь доносился словно издалека. Инес понимала, что уходит. У нее не было сил сказать ему, что он ошибается, что ни одна спасенная жизнь не возместит загубленной. Никогда.

– Инес, ты меня слышишь? – Голос Самуэля казался совсем слабым. – Ты должна это услышать. Ты хорошая женщина, Инес. Всегда была, даже если сама в это не верила.

Жаль, что он лжет ей, даже теперь, в самом конце, но Инес понимала, что он делает это из лучших намерений.

– Пожалуйста, попроси Жюльена присмотреть за Оливией, что бы ни случилось, – с трудом выговорила Инес, не уверенная, что Самуэль ее услышал, потому что она уже плыла в ярком небе Шампани, уже вглядывалась в виноградники далеко внизу, в ряды лоз и грез, стелющиеся по земле и уходящие в бесконечность.

А потом она поднялась выше облаков, и там был Мишель, точно такой же, как в день их свадьбы много лет назад, когда они еще любили друг друга невинными и открытыми сердцами, пока война и выбор, который они сделали, не изменили все.

– Наконец ты здесь, – сказал он и пошел к ней, окруженный белым сиянием.

Она стала невесомой, парила в небе, но сердце по-прежнему тяготила вина, которую она носила в себе все эти десятилетия.

– Мишель, прости меня. За все.

– Инес, мы были молоды и глупы – все. Я давно тебя простил.

Инес оглянулась в поисках Селин, женщины, которая заменила ее, женщины, которая всегда была достойна любви ее мужа. Инес думала, что Мишель и Селин вечно будут вместе, но здесь ее ждал только Мишель. Она почувствовала, как горе подкатывает к горлу.

– Мишель, где Селин?

Но он лишь молча покачал головой и взял ее за руку. Они вместе пошли навстречу восходящему солнцу, к свету, который звал их домой, и Инес плакала, потому что Селин с ними не было, она не ждала Инес, и это могло означать лишь одно: прощения не будет.

Но затем, в самом центре манящего света она увидела Давида, и он каким-то образом был одновременно ребенком, которого она

растила, и взрослым мужчиной. «Мама!» – позвал он, и Инес забыла обо всем – о своих грехах, о своей вине, о мире, с которым она наконец рассталась, – и побежала к нему. Он воссоединился со своим отцом и все это время ждал ее.

Глава 35

Июнь 2019

Лив

Дорога до Виль-Домманжа заняла у Жюльена двадцать минут, и когда он остановил машину у главного дома «Мезон-Шово», за час до открытия для туристов, Лив заметила бабушку, сидящую на скамье, с которой открывался вид на уходящие вдаль виноградники по правую сторону от дома. Она прислонилась к старику с редкими седыми волосами, должно быть, дедушке Жюльена.

Лив и Жюльен одновременно выскочили из машины и побежали к скамье. Веки бабушки Эдит были закрыты, а когда дедушка Жюльена поднял голову и посмотрел на них, они увидели, что глаза у него красные, а щеки мокрые от слез.

– Она была хорошим человеком, – сказал он Лив. – Сама она так не считала, но это правда.

Лив перевела взгляд на бабушку, неестественно спокойную, с легкой улыбкой на губах, и вдруг поняла, о чем он.

– Нет, – прошептала Лив, опустилась на колени и сжала ее еще теплые ладони. – Бабушка Эдит, вернись. – Она чувствовала, как по щекам текут слезы, и едва сдерживала рыдания. – Боже, нет.

– Милая. – Самуэль протянул руку, и его прикосновение было ласковым и успокаивающим. – Не плачь по ней. После стольких лет она наконец обрела покой.

Следующие несколько недель прошли как в тумане. Бабушку Эдит похоронили на маленьком кладбище на южной окраине Виль-Домманжа, у самой границы виноградников; на могильной плите было вырезано имя *Эдит Тьерри*, а ниже, таким же шрифтом, *Инес Шово*. Конечно, это могло поставить в тупик случайных прохожих, но после того, как Лив прочла истории – на самом деле, признания – из тетради бабушки Эдит, она поняла, что ее бабушка так и осталась той наивной девочкой из Лилля, которая вышла замуж за человека, который, как она надеялась, подарит ей весь мир. И многолетние попытки спрятать Инес за образом Эдит ни к чему не привели.

Самуэль произнес речь на скромной поминальной службе, и в его рассказе бабушка предстала перед Лив совсем другой, храброй и печальной женщиной, которая прятала беженцев и сражалась с нацистами в лесах Франции, женщиной, которая в одиночку уехала в Америку ради лучшей жизни для своего ребенка, женщиной, которая едва пережила горе от потери сына.

– Она была героем, хотя сама о себе никогда так не думала, – сказал Самуэль, обращаясь к присутствовавшим на похоронах людям, которых было не больше десятка и большинство которых Лив не знала. – Но именно такой я всегда буду ее помнить. Надеюсь, и вы все тоже. Особенно ее любимая внучка Оливия. – Он улыбнулся Лив, и она закрыла лицо руками. – Она вас очень любила, даже если иногда эта любовь проявлялась не совсем обычным образом.

На следующий день после похорон Лив встретила с Самуэлем и Жюльеном в их офисе и целый день читала все юридические документы, согласно которым она становилась владелицей «Мезон-Шово». Она увидела банковские счета и инвестиции, о которых не подозревала, общей суммой превышающие двадцать миллионов долларов – и это не считая миллионов, вложенных в производство шампанского.

– Вы можете поступить так, как вам заблагорассудится, – сказал Жюльен, протягивая ей кипу бумаг на подпись. – Остаться здесь и участвовать в управлении бизнесом или вернуться в Нью-Йорк, а «Мезон-Шово» будет управляться трастовым фондом, основанным нашей фирмой, как все последние семьдесят лет. В любом случае «Мезон-Шово» ваш.

– Как, по-вашему, я должна поступить? – спросила она.

Жюльен выдержал ее взгляд.

– Не мне принимать решение, Лив. Но если вы уедете, я надеюсь, что вы позволите мне навестить вас. Я буду очень по вам скучать.

– А если я останусь?

Его лицо смягчилось.

– Если вы останетесь, то сделаете меня счастливейшим человеком во Франции.

Но Лив уже знала, что останется в Шампани, по крайней мере на какое-то время. Похоже, это судьба. Когда она стала чужой в своем родном городе, в ее жизни вдруг появился новый дом. Похоже на

подарок небес – а может, это действительно так. Лив пыталась представить Мишеля – своего дедушку, которого никогда не знала, и Селин – свою бабушку, у которой вырвали из рук крошечного младенца и которой была уготована ужасная участь. Может, они теперь смотрят на нее с небес? Может, ее возвращение в «Мезон-Шово» принесет им покой? А ее собственный отец, который так и не узнал об этом месте?

Первым делом Лив попросила веб-мастера «Мезон-Шово» дополнить сайт дома шампанских вин кратким рассказом о том, что случилось на этой земле, историей жизни трех людей – Мишеля, Селин и молодой женщины Инес, которая стала пожилой дамой по имени Эдит. Лив надеялась, что сумеет достойно почтить память всех троих, и решила, что первым шагом должна стать правда о прошлом.

Спустя несколько недель Лив поговорила с главным виноделом Жаком Казалем и директором по деловым операциям Сильви Вайан и решила с их помощью постигать основы бизнеса.

– Не уверена, что у меня получится, – сказала она Жаку, шестидесятилетнему мужчине с живыми карими глазами, который руководил производством вина более тридцати лет. – Может, я обманываю себя.

– Знаете, – улыбнулся Жак, – двести лет назад недалеко отсюда жила женщина по имени Барб-Николь Понсарден, которая оказалась в похожей ситуации. Ее муж умер, и ей в возрасте двадцати семи лет пришлось решать, сможет ли она продолжить его дело и сохранить его дом шампанских вин.

– И она смогла?

– Ее мужем был Франсуа Клико. А после его смерти женщину стали называть Вдовой Клико, или *Veuve* Клико. Она внедрила новые технологии в производство вина, стала одной из самых богатых женщин своего времени и превратила компанию в один из самых известных в мире домов шампанских вин. Вероятно, вы о нем слышали.

– Повезло, – рассмеялась Лив.

– Я бы не сказал. На это ушло много лет, и в ее жизни случались взлеты и падения, но эти края были у нее в крови, она их очень любила. Вне всякого сомнения, в ваших жилах тоже живет магия этих мест. Думаю, если вы будете усердно трудиться и по-настоящему

посвятите себя изучению вашего наследия, то сами удивитесь своим успехам. И если вы не собираетесь с нами расставаться, мы с Сильви с радостью научим вас всему, что знаем сами. Мы тоже любим это место и хотим, чтобы оно и впредь процветало.

Лив уехала в Нью-Йорк, чтобы продать свою квартиру, затем вернулась в Шампань и поселилась в домике управляющего помещьем. Флигель так долго простоял заколоченным, что в нем остались вещи Селин Лоран. Через несколько дней в офис Жюльена позвонила корреспондент французской газеты «Монд»; она сказала, что один из читателей обратил ее внимание на краткую историческую справку, недавно появившуюся на сайте «Мезон-Шово», и просила об интервью. Приближалась семьдесят пятая годовщина освобождения Реймса, и она подумала, что будет кстати рассказать о том, как американская внучка трех героев Сопротивления – Мишеля Шово, Селин Лоран и Инес Шово – вернулась во Францию, чтобы отдать им всем дань уважения.

Лив согласилась, и неделю спустя статья, появившаяся в воскресном номере газеты, не только подстегнула интерес к «Мезон-Шово», но и открыла Лив то, о чем она даже не догадывалась спросить. Автор тщательно изучила прошлое Мишеля, Селин и Инес, и Лив узнала, что Мишель, хоть и родился здесь, но собирался уехать и заняться наукой, однако после смерти отца был вынужден остаться. Инес приехала из Лилля со своей лучшей подругой Эдит Тьерри, которая вышла замуж за ресторатора Эдуара Тьерри, и они, в свою очередь, познакомили ее с Мишелем.

Корреспондент выяснила и обстоятельства гибели Мишеля: он был казнен немецкой расстрельной командой в марте 1943 года без суда по подозрению в убийстве немецкого офицера по имени Карл Рихтер. После войны ходили слухи, что Мишеля выдал коллаборационист по имени Антуан Пикар, завсегдатай ресторана Эдит и Эдуара Тьерри. После освобождения Реймса Пикара судили, признали виновным и приговорили к смерти. Он окончил свою жизнь недалеко от того места, где расстреляли Мишеля.

Селин отправили в Аушвиц, где прежде, по всей видимости, оказались ее отец, бабушка и дедушка. Никто из них не выжил. Муж Селин, Тео, уехал на юг страны и в конечном итоге поселился в Бургундии; узнав о гибели жены, он вскоре женился снова. У него был

один сын, а в 1960 году Тео умер от рака. Корреспондент нашла его сына, который рассказал, что в последние дни жизни отец все время вспоминал «Мезон-Шово».

Все эти люди погибли, но те, кто когда-то ходил по туннелям «Мезон-Шово», были героями, и их самоотверженность навсегда изменила и Шампань, и всю Францию. В статье также приводилась история спасения Самуэля и сообщались недавно рассекреченные сведения о том, как супруги Тьерри, Селин Лоран и Мишель Шово помогали союзникам – прятали в погребах оружие и передавали информацию британским разведчикам.

А Инес Шово, впоследствии взявшая имя Эдит Тьерри, присоединилась к группе партизан в центральных регионах Франции и помогала освобождать страну от захватчиков. Как ни странно, она стала опытным подрывником и получила прозвище *La Beauté Intrépide*, Отважная Красавица, – за бесстрашное, почти безрассудное преследование нацистов. Она прожила девяносто девять лет, но часть ее души погибла во время войны вместе с остальными, и поэтому ее тоже можно считать мученицей Сопrotивления.

Лив читала и перечитывала статью, и ее глаза застилала слезы. Почему она ничего этого не знала? Радость и горе неразрывно сплелись в ее семейной истории, особенно в судьбе бабушки Эдит. Какая невыносимая вина и боль привели ее во французские леса в поисках искупления?

И хотя Лив никогда ни в чем не нуждалась, хотя она всегда знала, что бабушка Эдит любит ее всем сердцем, она невольно задавалась вопросом, какой была бы ее жизнь, если бы Селин Лоран и Мишель Шово не погибли. Но так и не смогла представить себе жизнь без своей необычной бабушки, женщины, которая отдала все – даже собственное имя – ради того, чтобы защитить маленького мальчика, который не был ей сыном. В конце концов, не привези бабушка Эдит Давида в Америку, он не встретил бы мать Лив, и самой Лив просто не было бы на свете. А если бы бабушка Эдит не рисковала жизнью, много лет назад спасая Самуэля Кона, на свете не было бы и Жюльена. Поразительно, как решения, принятые в далеком прошлом, формируют будущее.

Именно об этом размышляла Лив вечером в четвертую среду августа, идя по дорожке к двери дома Жюльена. Если бы бабушка Эдит

не принесла все те жертвы, Лив не стояла бы здесь, на пороге дома мужчины, в которого влюбилась, волнуясь перед первой встречей с его дочерью. Она посмотрела на небо, только-только начавшее темнеть, и улыбнулась.

– Спасибо, бабушка Эдит. За все.

Затем поправила винтажный шарфик от Шанель, подаренный бабушкой Эдит перед посадкой в поезд, который впервые привез Лив в Реймс, сделала глубокий вдох и постучала в дверь.

Эпилог

Сентябрь 2019

Лив

Месяц спустя, когда уже начался сбор урожая, Лив сидела в главном доме «Мезон-Шово» и вместе с Жюльеном, Жаком и Сильви просматривала документы. Она пыталась понять, каким образом, получая виноград с такого количества виноградников, они умудряются отслеживать каждую партию и не допускать, чтобы те не смешались до срока. Жак терпеливо объяснял разницу между известковыми почвами департамента Об и меловыми Марны. Лив подписала отдельный договор с каждым сотрудником – раньше это была обязанность Самуэля Кона, а затем и Жюльена, управлявших трастовым фондом.

– Обещаю, – сказал Жак, когда они с Сильви собирали вещи, торопясь, чтобы успеть на собрание Межпрофессионального комитета вин Шампани до прихода работников, – что после сбора урожая я начну брать вас на встречи с виноградарями. Виноград – продукт не только земли, но и их мастерства. Когда вы познакомитесь с виноградарями и станете доверять им, то проникнитесь симпатией и к их винограду.

Когда Жак и Сильви уехали, Жюльен помог Лив собрать все документы.

– А ты, гляжу, уже наострилась, – похвалил он.

Лив застонала:

– Как ты все сразу схватываешь?

– Не забывай, что я начал на двадцать лет раньше, – рассмеялся Жюльен. – С тех пор, как я стал работать в дедушкиной фирме, «Мезон-Шово» был одним из наших главных клиентов. Думаю, я могу на память рассказать тебе состав почвы на всех виноградниках, с которыми работает этот дом шампанских вин.

– Почва виноградников? – Лив ткнула его локтем в бок. – Люблю, когда ты заводишь со мной грязные разговоры.

Жюльен долго смотрел на нее, удивленно моргая, но потом до него дошел смысл шутки, и он рассмеялся.

– Похоже, я еще не освоила тонкостей французского флирта. – Лив улыбнулась, радуясь тому волнению, которое ощущала в его присутствии, хотя они встречались уже несколько месяцев.

– А мне кажется, у тебя отлично выходит. – Он наклонился и поцеловал ее, и сердце Лив забилося быстрее. Она была влюблена в него – а теперь и в его дочь. Странное ощущение – она уже считала Жюльена и Матильду своей семьей, как будто они созданы друг для друга. Теперь она уже усвоила, что семья – это не только родство. Кто знает, к чему все это приведет, но, как недавно сказал Жюльен, будущее перед ними открыто.

Он взял ее за руку, и они вышли в зал, где уже бродили туристы, выбирая бутылки и сувениры, читая таблички на стенах и пробуя шампанское в баре. После появления статьи в «Монд» от гостей не было отбоя. Лив улыбнулась Рене, молодому гиду, который несколько месяцев назад показывал подвалы ей и бабушке Эдит, а затем ее взгляд скользнул по толпе и остановился на пожилой женщине, которая только что вошла в дегустационный зал, опираясь на серебристую трость.

Высокая, седовласая, лет восьмидесяти или даже девяноста, она опиралась на руку высокого широкоплечего мужчины, которому на вид было чуть за шестьдесят. Он кого-то напоминал Лив, но ее взгляд был прикован к женщине. Ее внимание привлек не шрам через всю правую щеку, а глаза: в них Лив уловила что-то знакомое, хотя не сомневалась, что видит эту женщину впервые. Та встретилась взглядом с Лив и продолжала неотрывно смотреть на нее, пока они с мужчиной медленно приближались.

– Я могу вам помочь? – спросила Лив, когда они подошли к ней.

– Вы Оливия? – Женщина говорила по-английски с легким акцентом, не вполне французским.

– Да, мэм. Я Лив. Так меня обычно зовут.

– *Лив.* Как удачно, что ты здесь, хотя это казалось невозможным. Но пути Господни неисповедимы. – Глаза женщины наполнились слезами, но она смотрела на Лив не моргая. – Ну, я рада с тобой познакомиться, Лив. Меня зовут... звали... Селин Лоран. И я... я мать твоего отца.

Позже, когда солнце уже позолотило виноградные лозы, Лив вместе с Селин отправились на прогулку по виноградникам, а ее сын Жоэль – он был бы похож на ее отца, если бы тот дожил до такого возраста, – остался в доме, чтобы поговорить с Жюльеном.

– Понимаешь, милая, – Селин опиралась на Лив и трость, чтобы передвигаться по неровной земле, – у себя дома, в окрестностях Тель-Авива, я каждое утро просматриваю онлайн-газету «Монд». Интернет – потрясающая штука, правда? Шесть недель назад я прочла историю про тебя и «Мезон-Шово» и сначала не поверила. Но Жоэль помог мне распечатать твою фотографию, которой сопровождалась статья, и когда я увидела твое лицо, то сразу все поняла. Ты очень похожа на дедушку, Лив. У тебя глаза, как у твоего отца.

– Я целый месяц не решалась приехать, – продолжала она. – Понимаешь, я думала, что никогда не вернусь сюда. Я уехала в сорок пятом, после того как мне сказали, что твой дед и отец погибли, и была уверена, что уезжаю навсегда. – Селин посмотрела вдаль, и ее губы тронула легкая улыбка. – Еще неделю я убеждала Жоэля, что в мои годы я достаточно крепка для путешествия. В конце концов он понял, как мне важно с тобой увидеться. И вот мы здесь.

– Моя бабушка – я имею в виду Инес – была убеждена, что вы погибли в Аушвице, – сказала Лив. – Ее поверенный, Самуэль, рассказал мне, что она много месяцев искала вас, каждый день приходила в отель «Лютетия» в Париже, но бывшая узница Аушвица сказала ей, будто вы умерли от туберкулеза незадолго до освобождения лагеря.

– Господи. – На лице Селин читалось удивление. – А когда я вернулась в «Мезон-Шово», мне сказали, что Инес умерла, и Давид, естественно, тоже. А они оба выжили.

– Мне очень жаль, – сказала Лив, понимая, как нелепо звучат эти слова.

– Понимаешь, незадолго до освобождения я сильно заболела. Несколько раз была на грани смерти. Возможно, именно это и запомнила та женщина. В то время там царил хаос. А может, она тоже болела, и у нее все в голове перепуталось. Но я изо всех сил боролась со смертью, потому что верила, что твой отец жив. Я знала, что должна вернуться к своему ребенку, и это давало мне силы.

...На самом деле я умерла не в Аушвице. Я умерла *после* Аушвица, когда вернулась сюда и узнала, что у меня больше никого нет. Мне незачем было жить, и целый год я просто плыла по течению, пока не встретила человека по имени Пауль Фогель. Прошло много времени, прежде чем я полюбила его, потому что мое сердце было отдано Мишелю. Думаю, в этом смысле ничего не изменилось и не изменится. Когда любишь так, как я любила Мишеля, чувства не ослабевают. В общем, мы с Паулем стали жить вместе, а в 1950 году он предложил мне выйти за него замуж и переехать в Израиль, и я согласилась, потому что во Франции у меня ничего не осталось.

Селин умолкла, чтобы немного отдышаться, а Лив смахнула слезу.

– Жоэль стал вторым чудом в моей жизни – не думала, что после того, что со мной сделал Аушвиц, я могу иметь детей. Моя жизнь по большей части была счастливой, но я никогда не забывала о своем первенце.

– Я... я не знаю, что сказать. Мне так жаль. – Лив прочистила горло. – Бабушка Эдит – Инес – всю жизнь винила себя за то, что случилось с вами. Я знаю, она хотела бы вам сказать, как сожалеет о том, что сделала.

– Мне очень больно это слышать, Лив, потому что я не виню Инес – больше не виню. В молодости она всегда была легкомысленной, но не жестокой. В каком-то смысле это моя вина. Я украла у нее мужа. Я родила *ребенка* от ее мужа, втайне от нее. Представляешь, какое предательство? Что она почувствовала, когда застала нас вдвоем и узнала правду? – Селин покачала головой. – Нет, виновата только я. Но я не могла поступить иначе. Мишель был любовью всей моей жизни, и, если бы я не любила его, моя милая Лив, ты бы сегодня здесь не стояла. Разве я могу сожалеть даже об одной секунде того, что со мной было?

Лив кивнула, вытирая слезы.

– А как насчет того, что вы всю жизнь были разлучены с моим отцом и мной, а Инес семьдесят лет провела рядом с чужим сыном, а потом и с внучкой?

– Может, вы не были ей чужими. Может, судьба предназначила вас для Инес. Кто знает? Я в неоплатном долгу перед Инес за то, что она спасла твоего отца, – после того, как я поступила с ней. Я всегда буду жалеть о том, что больше не увидела Давида. Но вот я здесь, в

винограднике, за которым когда-то ухаживал твой дед, рядом с тобой, моей внучкой. Лив, я и представить себе не могла, что такой день когда-нибудь наступит. Ты – живое доказательство, что чудеса случаются. – Селин оперлась на плечо Лив. – Пойдем, прогуляемся. Я расскажу тебе все, что помню.

Пока они гуляли среди виноградников, Лив поддерживала Селин, жадно слушая рассказы об этих местах, истории из жизни Мишеля и Инес; Лив точно видела прошлое глазами Селин. Сколько всего теперь открылось ей, и радостного, и горького, – того, что определило ее жизнь. Каким-то образом все сложилось вместе и привело к этому моменту.

– И что теперь? – спросила Лив, когда солнце начало клониться к закату. Они медленно возвращались к главному дому, где их ждали Жоэль и Жюльен. – Вы останетесь, хотя бы ненадолго?

– Жоэль был так добр, что купил обратные билеты с открытой датой. – Селин улыбнулась. – Ведь я надеялась, Лив, что мы с тобой немного побудем вместе, – если ты захочешь. Мы потеряли столько лет.

Лив подумала о бабушке Эдит, всю жизнь пытавшейся исправить свою ужасную ошибку, о своем отце, который ушел так рано.

– Да, действительно, – тихо сказала она. – Но как однажды сказал один человек, которого я очень любила, прошлое переписать нельзя, но можно жить полной жизнью здесь и сейчас.

– Полагаю, это слова твоей бабушки? – улыбнулась Селин.

Лив кивнула:

– Да.

– Она была мудрой женщиной, моя милая, гораздо мудрее, чем я о ней думала. О чем всегда буду жалеть. – Селин вздохнула, скользнула взглядом по далекому горизонту, потом снова посмотрела на Лив: – Ты позволишь мне хотя бы немного узнать тебя? Я хочу знать о твоей жизни, твоей семье, твоих надеждах и мечтах. Я хочу знать, каким стал твой отец. Я хочу узнать *тебя*, Лив. Надеюсь, я прошу не слишком много.

– Конечно! – Лив протянула руку и сжала ладонь женщины, пожертвовавшей всем, чтобы дать ей жизнь. – Буду счастлива!

От автора

Шампань.

Какие чувства вызывает у вас это слово? Если вы хоть немного похожи на меня, то оно ассоциируется у вас с пузырьками в бокале, праздником, Францией, модой, хорошим вкусом и чуточку – с магией.

Но знаете ли вы, что знаменитое на весь мир игристое вино производят в регионе, который раз за разом преодолевал огромные трудности, что войны неоднократно разоряли виноградники Шампани, уничтожали индустрию виноделия? Что Реймс, неофициальная столица региона, где расположены штаб-квартиры домов шампанских вин, в начале 1914 года был практически стерт с лица земли после более чем тысячи дней непрерывных обстрелов немецкими войсками? Многие из знаменитых домов шампанских вин находились на линии Западного фронта, а это значит, что сто лет назад, после окончания Первой мировой, эта земля была пропитана солдатской кровью, растения вырваны из земли непрерывными обстрелами, лоза убита отравляющими газами. Удивительно, как вообще там могло что-то возродиться.

Я всегда воспринимала шампанское как данность. Где-то далеко люди собирают виноград и каким-то загадочным образом превращают его во вкусный искрящийся и пузырящийся напиток. Но теперь я знаю: то, что его производство сохранилось – и более того, процветает, – не что иное, как чудо. Каждый раз, пробуя вино, я вспоминаю, что магия этих пузырьков – не только результат брожения с выделением углекислого газа; в ней – кровь, пот и слезы многих поколений виноделов. Это ода стойкости человеческого духа.

Последним крупным бедствием на территории Шампани была Вторая мировая война, и местная жительница Стефани Вене, чей дом расположен рядом с виноградниками Виль-Домманж и чьи родители были участниками Сопrotивления, очень точно сформулировала отношение жителей Шампани к войне. «Нас оккупировали, но не уничтожили, – сказала она мне. – Так что жизнь продолжается». И она действительно продолжается – жизнь людей и жизнь лозы.

Важно отметить, что *champagne* – это не любое игристое вино. Настоящее шампанское должно быть произведено в регионе Шампань на северо-востоке Франции, в полутора-двух километрах от Парижа. Это уникальный регион; он расположен близ 49-й параллели, почти у самой северной границы эффективного выращивания винограда, что создает для лозы суровые условия. Кроме того, сама земля – в некоторых местах толщина меловых отложений под ней достигает сотни метров – заставляет корни растений прилагать усилия для добычи влаги. Но, подобно жителям Шампани, которые на протяжении многих веков добивались своего несмотря ни на что, виноградные лозы отлично приспособились к этой суровой среде. Она лишь один из факторов, определяющих восхитительный вкус настоящего шампанского, кисловатый и минеральный, так непохожий на вкус вин из других мест.

Когда в 2014 году, во время медового месяца, я впервые посетила Шампань, меня очаровали история и дух этого региона. Я живо интересовалась Второй мировой войной – действие моих предыдущих романов, «Забвение пахнет корицей» и «Комната на улице Амели», разворачивается во Франции именно в этот период – и когда я изучала французское Сопротивление, собирая материалы для обеих книг, то задавалась вопросом, действовали ли отряды Сопротивления в Шампани. Как было бы поэтично, думала я, если бы несгибаемый дух, помогавший виноделам принимать вызов природы и обстоятельств, побудил их и к сопротивлению нацистам.

Если вы прочли «Жену винодела», то знаете, что многие виноделы региона именно так и поступили. Масштабы их сопротивления по большей части были скромны – упомянутые в главе 6 грязные бутылки, плохие пробки и второсортное кюве для вина, которое поставлялось в Германию, это совершеннейшая правда, – но мелким саботажем дело не ограничивалось. Возможно, одним из самых удивительных открытий, которое я сделала в начале моих изысканий, стало то, что Робер-Жан де Вогюэ, который во время войны занимал должность управляющего директора знаменитого дома шампанских вин *Moët & Chandon*, был руководителем Сопротивления в этом регионе Франции. В ноябре 1943 года он был арестован гестапо и приговорен к смерти. Узнав об этом, виноделы Шампани объявили

забастовку, и Вогюэ не казнили, а отправили в лагерь, где он пробыл до освобождения британскими войсками в мае 1945 года.

Но история Вогюэ – лишь вершина айсберга. По всему региону в погребах и крайерах прятали оружие, сбитых летчиков и беженцев. Информацию, добытую у немцев, передавали союзникам. Сотрудники домов шампанских вин, в том числе таких известных, как *Krug*, *Piper-Heidsieck*, *Ruinart* и, конечно, *Moët & Chandon*, на протяжении всей войны рисковали жизнью, защищая Францию.

Истории семей Шово, Лоран и Тьерри – плод воображения автора, но в их основе лежат реальные факты из жизни многих жителей региона Шампань, которые имели мужество, рискуя жизнью, сопротивляться оккупантам. В книге вы найдете и реальных людей – например, это Вогюэ и вайнфюрер Отто Клебиш, – и любопытную историческую фактуру, и кое-что о процессе производства шампанского.

Разумеется, такая книга требует серьезной работы с материалом, и мне посчастливилось встретить многих людей, которые любезно соглашались тратить на меня свое время, щедро делились знаниями, оказывали всевозможную помощь.

Я хочу выразить глубокую благодарность замечательной Виржини Бержероно из *Champagne F. Bergeronneau-Marion*, семейного дома шампанских вин в Виль-Домманж, куда я поместила придуманный мной «Мезон-Шово». Виржини отвечала на все мои вопросы и принимала меня в своем доме, когда я собирала материал для книги. Ее семья, подобно многим здешним семьям, живет в Шампани с шестнадцатого века. Я не только узнала много нового о производстве шампанского; этот визит помог мне лучше понять глубокие корни, пронизывающие все здешнее сообщество.

Я также в огромном долгу перед Изабель Пьер, историком, изучающим фамильные архивы домов *Veuve Clicquot*, *Krug* и *Ruinart*. Мы провели вместе чудесное утро в частном музее в «Рюинаре», где она поведала мне много интересного из истории всех трех домов шампанского. Потом мне устроили индивидуальную экскурсию по удивительным крайерам «Рюинара», и рассказы мадам Пьер помогли мне проникнуться настроением, необходимым для создания этой книги. (Она показала мне изображение немецкого солдата, вырезанное

на меловой стене одной из крайер Рюинара, вероятно, одним из работников, который скрывался под землей во время оккупации.)

Огромную помощь оказал мне историк Ив Тессон, я получила большое удовольствие от нашего совместного обеда в *Brasserie L’Affaire* в Реймсе. Он не только познакомил меня с магией настоящего *café gourmand* – эспрессо с набором миниатюрных десертов, – но и ответил на многочисленные вопросы об истории Реймса и всего региона. Ив любезно согласился уделить мне время и щедро поделился знаниями, за что я ему очень благодарна.

Также хочу сказать спасибо Мари-Шарлотт Вамберг, менеджеру по связям с прессой дома *Ruinart*, и Жюли Пертюс, координатору по работе с частными клиентами объединения *Moët Hennessy (Dom Pérignon, Moët & Chandon, Ruinart, Krug, Veuve Clicquot и Mercier)*, за знакомство с мадам Пьер и помощь в организации встреч. Брижит Батонне из Межпрофессионального комитета вин Шампани (*CIVC*) также оказала мне огромную помощь, ответив на многочисленные вопросы, касающиеся истории и производства шампанского. Благодарю и Стефани Вене из *ParisChampagneTour.com*, которая проводит восхитительные пешие экскурсии по Реймсу. Она также помогла мне в моих исследованиях.

Мне не удалось связаться с историком Жан-Пьером Юссоном, автором обширных исследований по истории Реймса, но я все равно признательна ему за великолепные научные статьи, которые я нашла в интернете, особенно о периоде Второй мировой войны.

Ценным источником информации стали для меня увлекательные книги Дона и Пети Кладstrup *Champagne: How the World’s Most Glamorous Wine Triumphed Over War and Hard Times* и *Wine and War: The French, the Nazis, and the Battle for France’s Greatest Treasure*, наряду с чрезвычайно подробной работой Алана Тарди *Champagne, Uncorked: The House of Krug and the Timeless Allure of the World’s Most Celebrated Drink*. Много полезного я нашла и в книгах *Le Champagne: Une Histoire Franco-Allemande* Клэр Дебуа-Тибо, Вернера Паравичини и Жан-Пьера Пуссу, и Робер-Жана де Вогюэ *Le “quart d’heure d’avance” de Moët & Chandon*, Франсин Рево и упоминавшегося выше Ива Тессона – обе я перевела с французского. Книга *Champagne: The Wine, the Land, and the People* Патрика Форбса, опубликованная в 1967 году, открыла мне интересные факты о недавнем прошлом Шампани и

производстве шампанского. Книги Доминик Вейон (*Fashion Under the Occupation*), Меган Корман (*The Escape Line: How the Ordinary Heroes of Dutch-Paris Resisted the Nazi Occupation of Western Europe*) и Агнес Юмбер (*Résistance: Memoirs of Occupied France*) помогли мне подробнее узнать о повседневной жизни Франции военного времени. Также очень полезной была информация, доступная на сайте *Union des Maisons de Champagne*, особенно статьи о стадиях производства шампанского.

Если вы ищете еще какой-нибудь роман, действие которого разворачивается в винодельческих провинциях Франции во время Второй мировой войны, я бы рекомендовала вам книгу Энн Ма *The Lost Vintage* – о сомелье, который расследует драматическую историю в Бургундии. Если вам понравилась «Жена винодела», вас может заинтересовать научно-популярная книга Тилар Дж. Маццео *The Widow Clicquot: The Story of a Champagne Empire and the Woman Who Ruled It*, которая также рассказывает о Шампани, но в более ранний период – в девятнадцатом веке.

И наконец, хочу сказать вам, моим читателям: когда в следующий раз вы откроете бутылку шампанского – отпраздновать достижения или просто насладиться приятным вечером, – вспомните о свете и тьме, трагедии и торжестве, таящихся в каждом бокале. В этих колючих пузырьках живет дух мужества, надежды и упорства, которые, преодолев все преграды, способны творить волшебство. *À votre santé!*^[44]

Благодарности

Не представляю, что бы я делала без великолепной пары моего замечательного литературного агента Холли Рут и не менее замечательного редактора Эбби Зидл. Я не часто такое говорю: я обожаю вас обеих и не могу вообразить, как совершила бы это путешествие без вас. Твердо верю, что я самый везучий писатель в мире.

Мои дорогие Кристин Дуайер (я люблю вас, леди), Меган Харрис и Мишель Подберезняк, – огромное спасибо за то, что вы оказались настоящими звездами пиара. Хизер Баро-Шапиро и Дана Спектор – вы просто потрясающие, я благодарна за возможность работать с вами обеими. Энди Коэн, какое это было долгое и увлекательное путешествие, друг мой! Жду не дождусь следующего этапа наших приключений. Даниель Ноэ, спасибо за помощь!

Джен Бергстром, благодарю за поддержку и доброту! Я уже говорила, как мне нравится быть автором *Gallery*? Я обожаю всю мою команду в *Gallery*, в том числе Диану Веласкес, Венди Шинин, Джен Лонг, Маккензи Хики, Нэнси Тоник, Фарен Бачелис, Лайзу Литвак, Челси Макгакин, Анабель Хименес, Сару Каранта, Али Лакаваро и Эме Белл. Я также чрезвычайно признательна Кэролайн Рейди.

Моя особая благодарность – команде клуба любителей книги *Target* за выбор моей «Комнаты на улице Амели» и за такой соблазнительный и опасный магазин, где я покупаю книги не меньше раза в неделю, а также замечательной книжной лавке *Writer's Block* и ее милой владелице Лорен Циммерман! И всем тем, кто трудится не покладая рук в независимых книжных магазинах, особенно Ли-Энн Роллинз из *Writer's Block*, Кэти Грэм, Серене Вайкофф и Джин Льюис из очаровательного *Copperfish Books* в Пунта-Горда, Флорида. Спасибо за то, что вы создали такие уютные, гостеприимные и притягательные места для книголюбов. Благодарю и Лайзу Прото, лучшего продавца *Barnes & Noble*.

Спасибо тем, кто помогал мне собирать материал для этой книги – большинство я упомянула в авторском послесловии. Я признательна всем моим замечательным зарубежным издателям. Мне так повезло,

что мои книги доступны на разных языках. Получая электронное письмо от читателя из Израиля, Италии, Германии, Нидерландов, Китая, России или других стран, я каждый раз вспоминаю, какой это дар судьбы – общаться с людьми, чья жизнь без этих книг никогда бы не пересеклась с моей. И всегда буду этому удивляться.

Каждое лето я провожу неделю в чудесной компании писателей – обычно в Суон-Вэлли, штат Айдахо, – и мне кажется, что без поддержки этих талантливых рассказчиков я не умела бы и половины того, что умею. Обожаю всех моих сестер и братьев по Суон-Вэлли: Венди Толивер, Линду Гербер, Аллисон ван Дипен, Эмили Уинг Смит, Элисон Ноэль и Джея Эшера.

Я благодарна всем участникам онлайн-сообщества книжных блогеров, книголюбов и авторов, любящих чтение. Это моя опора, и я осознаю, что должна активнее участвовать во всех начинаниях сообщества, а не быть в основном пассивным наблюдателем, как теперь. Но знайте: я слежу за всем, что в нем происходит, и искренне благодарна за поддержку и дружбу, даже если не всегда выражаю эту благодарность словами. Особенно хочется отметить вас, Мелисса Амстер, Дженни О’Риган, эмоциональная Кристи Барретт, Эстас, Эми Бромберг, Лорелея, Бренда Джановиц, Лиз Фентон, Лайза Стинке, Хейли Фиш, Элизабет Силвер, Джен Кэннон, Ллойд Рассел, Ким Джексон, Карен Тростерюд, Андреа Пескинд Кац, Нэнси Харрис, Бобби Дамас, Дженни Коллинз Белк, Шарлен Мартин Мур и многие, многие другие.

Огромное спасибо всем, кто присутствует в жизни моего сына и помогает ему чувствовать себя в безопасности, пока я работаю, – особенно Лорен, Бриджет, Диноре, Дайане, Рейчел, Дебби и Синди.

Все мои дорогие друзья и замечательные соседи, мне очень повезло, что я окружена такими доброжелательными, чудесными людьми.

И, конечно, я благодарю моих маму Кэрол, папу Рика, Джанин, Ванду, Марка, Карен, Барри, Уильяма, Джеймса, Дейва, Джоанну, Бриттани, Джарреда, Хлою, Донну, Кортни и всех моих родных (а особенно коллегу по исследованию Второй мировой – тебя, дедушка Труба). Я вас всех люблю!

Джейсон и Ноа, я потратила столько времени и сил на написание слов для других людей, что иногда боюсь, что не сумею рассказать, как

много для меня значите вы. Я вас обоих очень люблю, и бесконечно благодарна, что вы у меня есть.

Наконец – спасибо вам, мои читатели, что провели со мной часть своего драгоценного времени. Это большая честь, и мне не хватает никаких слов, чтобы выразить свою признательность. *Merci beaucoup*^[45].

Кристин Хармель – автор четырнадцати романов, в числе которых бестселлеры «Забвение пахнет корицей», «Жизнь, которая не стала моей», «Книга утраченных имен». Ее книги изданы на 29 языках.

Родилась в 1979 году в пригороде Бостона. Окончила Университет Флориды по специальности «журналистика». Сотрудничала с журналами Ladies' Home Journal, Woman's Day, American Baby, Travel + Leisure, Glamour. Работала репортером журнала People.

Кристин с мужем и сыном живут в Орландо, Флорида.

Примечания

1

Из выступления в парламенте Канады. Оттава, 11 июля 1944 г.

2

Ладно (*фр.*).

3

Ублюдка (*фр.*).

4

Отлично (*фр.*).

5

Дерьмо (*фр.*).

6

Понятно? (*нем.*)

7

Вот именно (*фр.*).

8

Не за что (*φρ.*).

9

Спокойной ночи (*фр.*).

10

Поторапливайся! (фр.)

О, простите, это, должно быть, не тот номер (*фр.*).

Погодите! Вы ищете мою бабушку? (*фр.*)

Да (*φр.*).

Действительно? (*фр.*)

15

Добрый вечер! (*нем.*)

Да (*φρ.*).

Здравствуйтесь, дамы, вы уже сделали свой выбор? (*фр.*)

Я не хочу это шампанское. Я хочу мартини. «Гордона», пожалуйста, с оливкой (*фр.*).

Не за что (*φρ.*).

Она ушла (*фр.*).

Начальную школу (*фр.*).

Свободной зоне (*фр.*).

Ошибиться, попасть пальцем в небо (букв. «сунуть палец себе в глаз») (*фр.*).

Красивой жизнью (*фр.*).

Дорогая (*фр.*).

Добрый день, пожалуйста, столик на одного (*фр.*).

Да, мадам? (*фр.*)

Конечно (*фр.*).

Да, мы сейчас спустимся (*фр.*).

Начальная буква фамилии *Chauveau* (Шово).

Ты, шлюха (*нем.*).

Вставай сейчас же! (*нем.*)

Ты, шлюха (*нем.*).

Можете продолжать (*фр.*).

Спасибо, хорошо (*фр.*).

Вниз, вниз! (*нем.*)

Вниз, вниз! (*фр.*)

Хватит! (*нем.*)

Мама (*фр.*).

Тетя (*фр.*).

Ложь во спасение (*фр.*).

Мой ангел (*фр.*).

Мы скоро там будем (*фр.*).

Ваше здравье! (*фр.*)

Большое спасибо (*фр.*).